

Товарищ - раб

Милитарпанк

Товарищ – раб

милитарипанк

<http://www.mutacia.net>

макромир
//конфигурация

ТР

Товарные составы без серийных номеров и без числа тянутся змейкой цвета хаки, обгоняя безразличные седые облака. Вспышка, вспышка другая в туннеле мчится. Из бункера он выезжает. В тупик без стен, без крыш и без дорог, локомотив затормозил свой ход.

- Тише!! - посажен голос.

Скрежет не поддающихся засовов. Отчётливы шаги.

- Тяни! – команды, - На силу не бери! Аккуратней!

Смирение, впуская ослепительный свет внутрь.

- Агрр, – слышится.

- Голову подставь!

Четыре темных неразборчивых широких силуэта, красными мерцающими огоньками, загородили миллиард частиц тумана полотну сплошной толщи.

- Что стоим?

Зазевавшие сменялись новыми, острым ударили. Срываются гладкие куски.

- Ноги!! - попадали - Ноги!

Пелена зеленой плоскости.

- Быстрее!

Ломы слой поддевают, срывая толстые пласты. Сетка лучей, гашением исчезает.

- И?!

Фигуры разбивают глину, в вагон углубляясь.

- Лопаты!

Помахали, синхронно ковшами плоскими впитали мятые крошки.

- Ломай.

«кф6(0(3» - вагона шрифт сменяется, - «кф6(8(3»

Лучей сетки, плешью выступают углы стенки.

- С пола собери.

Фигура заслонила тени:

- Не топчи, - басом, - Где маленький?

Скребут лопаты энергичнее.

- С шевтой.

- Что там забыл? - сморкаясь.

- Я, - тихо, - выставил.

Резиново-бетонные пальцы искрой сигареты, поджигаемой, жилами перетекают по ладони в манжет градиента рукава, серого, грани скул асбестовых рисуя.

– За ним.

Фигура, краеугольная, тиком виска фуражку поправляя, исчезнувшего провожает взглядом в повороте.

ТЕО532

Маленькая кристальная липкая капля вздрогнула, поглощая сестер, становясь больше, сильнее, независимой. Собирая из ржавых отверстий влагу, готовая спрыгнула с опрыскивателя, о чугуна шершавость разбиваясь кляксами. Катится по плотной мерзлой коже, описывая правую лопатку, пропала в плиточном полу.

- Есть, - в клемму тумблер.

И миллионы ледяных капель вырвались из встроенных трубок, рушатся давлением на сотни усыпленных, сжатых, выложенных по всей площади. Перектровспышки жалящих с липких соленых ручейков разрядов.

«тео» - светит монотонно над тумблерами, красным, длинное узкое табло.

Зажались судорожно, пульсируя, стонут в проблесках синевато-белых искр; фокусировка глаза, не разбирающего. Руки, защищаясь, приподнимают сущность. Перектротоком в каждую частицу, спускаясь паутинами со стен.

– _уыыыыы, - вой смешанный.

Мыльная пена сменяет липкие капли глицерина, прозрачные. Раствор едкий омывает и ее. Падаю, проскальзываясь, сбиваю. Перектроимпульс шпарит в стопы, волнами погоняя. В том стробоскопе вспышек лезут друг на друга. Обхватывает - поднимает. Стерт мазаными линиями слой, стягивающийся, срывающийся, души тканей поверхностных, глиной.

– Хццццццц, - свист затяжной.

В клеммы рычаг за рычагом, дождь перектролитом. На голограммах бесконечных кнопок:

«_спешно»

Льется толпа коридором. Глухое стало четким, звуком:

- ..дый суд себе яст и пиел..

Обжигаясь прижимающимися агонией душами, сменяясь обслонявленными локтями, из сотен в сотню тысячами вываливаюсь требухой в стены, увешанные с потолка по самый плинтус контрастными транспарантами: свастикой, крестом, звездой, полумесяцем.

«быуп», - басов акустика.

Пригнут половиной к полу. Виляет челюсть за пучком софитов тусклых, ярких. Шум опускающегося потолка коридоров, господский луч прожектора сбил тени, обнажая тысячи. Нет различия! Свет, беспощадный, рвет из теней гигантских черноглазых фигур камуфлированных, сжимающих в кулаках по черной болтавшейся резиновой палке, точным непоколебимым порядком на выставленное расстояние ботинками. На пьедестале, переливающимся свежестью окраски кафедры:

- _фмыырно!! - лучи, это, из слепоты выводят пятен.

Приземистый, светящейся щетины черепа, сдавливающий кулаки крабьими, пренебрежительно укором оглядел. Слезящийся душой выходит из толпы, щурясь. Великолепный сочный цвет, рубиновые цифры, звезды, мигающие в коже шеи у рядом стоящего в оцеплении. Палец чугуна выпуклость ошейника кожи трогает, пленку глинистую отирая.

- Ссгрээсть!!

Попадали в колени.

- Встааггррть! - гвоздем выгнуты.

- Зюоварищтвщибы! – выкрикнуто.

Периметр дополняет:

- Здаааюоварищтарлнт.

- Поздравляю с прибытием, товарищи!

- Ура!! - с ноги сбило, - Ура!! Ура!!

- День ваш общий праздником! Вы все убиты навсегда, наказаны: расстреляны, повешены. Еще раз, – кулаки сжаты, - Зоуеваятищибы!

- Здаааюоварищтарлнт, - не встать, давит.

Сотни переглянулись, имитируя движение челюстей:

- Кххра, - гортанно выдыхая.

- Командующий состав, разобрать. Занятия по распорядку, – смочил обсохшие губы, - ВДР, ПСЦ ко мне!

По двери, никак не различимые, похожие, но слева и по правому пути, вбегают сотни выбритых, созданные. Перектрошоковые палки разгоняют в венах. Сегодня, кто сказал: «что это кровь?». Из мира в мир, от одного к другому в пустоту, я убежал, чтоб здесь разбиться о груди твоей бетонную стену. И я не вижу смысла новых дней, не слышу зова вдаль. Я мертв.

ТЕО146

Гул паники лепит в ушах, передается глазу. И если были бы когда-либо живые скалы - вот они: с тремя краснеющими циферками на шее, прожженные белесым фосфором виски, не знавших мотивации. Глаза не ищут, перебирают углом обзора оцепенелую толпу. Озябшие лодыжки, мерцает день по маленьким окошечкам высоких бетонированных стен. Я не боюсь их, и не боюсь я ничего, нечего: в моем «я» - ты отсутствуешь. Раз-два, раз-три, в хаки в миг перекрашены, подчинены. На всех один размер, лишь упорядоченный шифр, чтоб отличать косых, слепых, хромых. По одинаково на каждого мешков на горб, и если я был горд, то здесь нет места для себя, нет времени на свой конец: уйдет один - утонут вслед. Есть стог, есть два и три, и есть четвертый тоже, тот же стог. И сколько бы в нем не было различных колосков, он должен быть, он остается: стог. О, ты, веда. Привел! Хвала, тебе, твой мир велик, с презрением глядя, как пред тобой приник. Ты милосерден, осудил! Пихая в мир, где поработил! Я не прошу тебя помочь, я не прошу и не молю, ты лживый, обращаюсь не к тебе, к соседнему Плечу!

- А почему? – один.

- Действуй, не _изди! – ответили ему они.

Черной униформы, оплетенные зелеными цветами, гигантские двуногие приказывают, повелевают. На стопы, впопыхах надев не до конца, болтаясь через край, цепляется флаг белый за подошву не отработанного берца, натирая. Толпа по коридорам в лучезарный, округленный летним солнцем, пятачок. Поднебесная решетка нагрета, раскаленная. Ударом в спину падаю, поднимаюсь, ловя при встрече заинтересованные округленные глаза сзади, слева.

- Да, разбери себе, _ешь! - сквозь зубы черный гигант «666»-ый, любуясь выгнанными из загона сотнями мешковатых.

Концом палки о случайного безликий, заглатывая секунды удовольствия, ощущает превосходство. Облизнул сухие губы дня, нашего:

- Угrrrrэ, - урча.

Конца, точка стояния, неизменная. Большие, малые, стандартные, одетые в одно и то же, молчавшие тем же.

- Сюда, - не прикасаясь, разбирают.

Не существующие лапы хватают, подтягивая, в упорядоченную линию вырывая из толпы.

- Оставь! - вне, восьмеркой на ошейнике.

- Бери, за_бал, - захлестывая ладонью из разделяющихся на части куч.

Следя за процессами отбора групп, гигант вспотевшими пальцами зажимает перектрическую черную палку в кулаке, почесывая грудь через изумрудную бугристую ткань, выставляющую на показ блестящую на солнце свастикой ремня позолоченную бляху.

«_асатки», - голограмма в рукаве запястья.

- Живее! - «36»-ой, под свод решетчатый поднимая подбородок.

Взор полетел, выше.

- Встали!

ТЕО532

Литых бровей надломленных в отблеске номером «28»-ым усилием сознания и воли подобрал губу из-под козырька зеленого. Замерли, шатаясь по треснутым рисованным квадратам с цифрами. Поднят ботинок, с легкостью чеканя тугим протектором. И даже если гром что-то проронил, все равно продолжен путь налево и вперед, направо и вперед, считая каждый шаг, следя со стороны. В мираже конвекции асфальта плывет по размеченным клеткам, отсчитывая бряцающим стуком, кованых подошв ботинок.

- В класс, - переводя лужами света подбородок хромированный справа-налево, обратно, стойкой монументальной.

Бегут, бегу, бежим, толкаемся, жжет коридор милитаризма. Смотри же ты, смотри и слушай, как твоим словом обрезали:

- И он не слышал о тебе, - сторонами эхом, - и тот не был указан на тебя.

Наказаны, отвечаю:

- Тварь, брейся! - сзади строя.

Ты создал тех, кто изначально трясся пред тобой? Ты создал сам неверный путь, потом всех нас долой. Ты дашь нам все, что мы не знали, каждому по извращению, лишь ступим в небо! Ты дал судьбу, я понял, где есть и второй конец, той палки, что собьет головы твои, общественные! Мне молот бы, убивший с размаху пять сотен поколений из людей - немного излечу себя, отняв у них, у каждого, своих же дней. Ты можешь приходить? Ты можешь убивать!

- Убейся лбом, - за плечо от угла стены в строй возвращая.

Чтоб легче было мне в холодном утре ждать. Не происходит ничего, с небес сходящих облака мертвы. Знаем же оба мы, что мир падет от рук таких. Считай минуты, дни считай, как я отмеривал и ждал. Знали:

- _ сна нет, - трескаясь, - _ в аду – нет места для _.

Никто отсюда не сбежит. Никто сюда не приходил? Память нам прошил! Ты создал миф.

- _ прощаешь.

Налево, вправо, влево, прямо, из коридора выход на бетон. Зной, давящий экраном, парит сквозь рубаху грудь, мешком ложась, шероховатой тканью. Толкаясь боком, гуськом протягивается, вышитым узором, нужный путь, из окаймленного дверью с плакатами загона, сквозь плешь его меж этажами стен, неразличимую три-пять действий назад, проходимую сейчас по коридору зеленых, черных, пятен, заменивших дерева полов привычный топот, стук. Я сделал в этом мире первый шаг надетым наспех кирзовым ботинком. Я положил стопу на раскаленные куски асфальта, зная: не господин себя, частью прислужников господ, моих, закамуфлированного под макромир их рая, императоров! Рожденный в рабстве, нет причин попасть сюда, нет «но», за исключением: Тебя. Мной значим Ты направо, внутрь, спускаясь ниже, поднимая взглядами.

- Сюда, - ведут, кретиной палкой намечая повороты.

Нет следов: босые, хоть носим чугуна подошвы. Нет ни крови, ни воды. Что дальше? Где же мы? Кто смотрит сверху, кто со стороны? Кто мы? Зачем нужны?

- Друг другу! – шипя, - Передай, - завешанный ремнями коротышка, толкая в спину, цепочкой вяжет звенья верные похажие.

Сирена колоколом бьется в преисполненных этажах эхом, улавливаясь спинами, мурашками, запредельным торможением. Обтянутые необработанным исходником ткани, стирая ребрами швы, лопаюсь под кожей штанинами, пугаю чарующим чувством собственной силы, растущей мышцами, жилами, в голове пустотами. Тысячи неокрашенных, легированных прототипами умерших, черствых, грубых, жадных.

- _так сказали.

Творения сегодняшнего солнца – дети вчерашней тьмы, разобраны, промыты по частям, ручной работы, в производство пущены. Что говорят, используем в шаблон, пред теми спины гнем. Желаем тех, как они нас не гноят в своих желаниях потом.

- _не способные желать! - реверберация.

Теперь нам говорят, кого и кем мы будем обладать. Мы стадо, мы пески. Мы, просто-навсего, во чрева мести спящие щенки.

- Занимаем, - остановившись, пропуская красные на шее огоньки, дыры, утаившие зрачки, нацелены, - Сесть! - команда, - Уе_анцев взвод, - вталкивая последнего, проходя к доске от замуровывающейся двери, - _садимся!

Класс стен рисованных: туманных далей окон рамками.

- Одуплились? - вглядываясь, - Нет? - уголком губ потянувшись, - Не поняли?

Тишина рядов, заполненных партами, продолжила.

- Улыбаемся, - опадая мимикой, искрясь довольно, - 6 6 6, - обтянутый хромированными тросами мышц, строящий в ряд, видоизмененный неизвестным, близок - под силу изучать, как отливали воском звездным жилы безразличием, - Ниче, втянитесь, - в рисованные окна, - нравится, - «569» в ряде первом, оглядывая плакаты красно-черного, - красивые? - вниманием, - Короче, не разводите. Друг за друга потяните, - сжав пальцы, - рвите. Наш путь, один такой. Кто бы что не обещал - другого нет. Всех простят, - открыв блокнотик, - Большинство конечно, - карандаш из кармана, - Называю слова. Кто знает – поднимает руку, - осевший, мягкий голос, мелодичным басом, стуком сердца, - Молоко.

Подняты конечности.

- Хорошо, опустили, - пауза, - Пиороба, - оглядывая из-под редкой брови.

Лес рук разной высоты шатается над партами.

- Хм, хорошо, - галочка, - Индекс, заграждение, предел, осечка, - пауза, - равноправие.

Руки по одной, осторожно опускаются. Гигант в каждый угол всматривается, размерено дыхание.

- ОБП, — губы вырисовывают звуки, - общебожественная подготовка. Тема: Вводная, - спрятав в карман, похрустев костяшками широких сухих пальцев, - Общая Синианская Терминология.

Молчание.

- Мы, - надулся полной грудью, - все солдаты службы бога, - розовые щеки запыхали, - Имаго – особи однотипные, - глаза в несуществующие окна, в стопку плакатов, ко второму крючку левой стены.

На бледно-зеленом фоне иллюстрации цилиндр, разделенный шайбами, сектора

разного оттенка красного, снизу светлым. Плакат завис в центре доски.

- Схема, - большой широкий палец прикоснулся к матовой шершавой поверхности листа, проникая в голографическую структуру, - Контактный переход форм, соответственно, плюс прямой. Окружает синианская составляющая. Теофизические, теозфирные, - веки застыли, - На меня! - развел руками, потягиваясь, показывая исковерканное, душу, в полной красе.

Ноль движений окружающих.

- Группа: k, k-1, моя - k-3. Тот, что с утра, - слогами, - пророк, - улыбнулся невзначай, смотря в конспект, - Боги, - не глядя, - их мы рабы, святой войны солдаты.

Малиновые кристаллические парные диоды по шее, стянутой пружинами трассированных жил, внушают покой облаками. Они скрывают новый срок прощения, за взятый для Кого-то маленький кусочек сухаря. И если бы я видел, и если я бы знал - я непременно бы соврал, рассчитывая на финал; мои все призраки давно бы растворились в их зрачках - они бы разорвались, почуяв нами страх.

- Понимаете? - улыбнувшись криво, - ладно, - Дышать - метод. Ходить, вставать, мечтать, о чем и о когда — по одному достаточно, - в стену, - пользуйтесь, - огромная ладонь взяла случайного из первого ряда, - Встать!

Высокий, худой жутко, шатающийся силуэт номера «327» вяло растолкал, сидящих рядом, гордо выбираясь из середины. Песчаное суровье штанин, забавно свисая подгузником, шустрит к доске. Молочный великан мажорной ноткой:

- Рядом, - перебирая плакаты по стенам, - ровно, - цепляющиеся друг за друга.

Прищурив оба глаза, поправил складку на штанинах, продолжив:

- Т-СХЕМА строения души. На рисунке справа: СОЦИО.

Плакаты на растянутых худых руках.

- Держи, — легким подзатыльником, - Так, - губу кусая, - Выполняем поставленные задачи. Формы распределены между питающим ядром, а также моральной системой, плюс прием-передача. Каждый - частица. Взаимодействующая ткань - кэфир. Получаем непосредственно: от любого организма, сгустка, проекции и так далее, содержащей эфир, в форс-мажорных обстоятельствах; по предусмотренным распорядком выдаваемых, обеспечивающих нас, в виде легко растворимых усвояемых капсул красно-черного цвета в плотной на ощупь оболочке, плюс ко всему, - брови уголками, - На меня! - собраны, - В зависимости от концентрации теорина вернетесь либо в архив партии, либо в Ад. Так, - наморщив мимические мышцы, - Прием и передача осуществляется через одни и те же ткани. Примером служат псевдолегкие, так называемый центр формирования волн, так же поры. Наглядно, - облепил длинному ладонями лицо.

- Видно?! - демонстрируя ошарашенного аудитории, - функции остаются действующими, хотя перекрыл ему отверстия.

Вспотев, уставился.

- Проблема уязвимости решена: ваши души хрупки, моя - нет. До принятия присяги весь прекус эфира необходимо прожечь, после чего можно противостоять теохимическим, теофизическим, атеистическим и прочим воздействием синиана, -

обняв голову в локте, - душа перестав страдать, грр, в случае атеистического воздействия, возвращается на предыдущий цикл. Членовредительство является антибожественным преступлением, - в аудиторию, - Статьей 361 часть 1 БУС ГРУК: душам принявшим присягу на верность богу добавляется от трех циклов очищения, с добавлением в личное дело, в лучшем случае, - отвернувшись к образовавшейся двери, отпустил обмякшего ученика, отправив, - Можно усилить порог чувствительности, в пределах единоначалия, ощущений море, - оглядывая каждого, - Бл, - взглядом пауза, - Скоро прощение? – зализывая пересохшие губы, бровью веселя ушастого, - Как думаешь?

Молчание в ответ. Тройной стук в дверь.

- Войдите, - зевнув, ответил переливающийся лужицами хромированных черт.

Отворена дверь, выглядывает камуфляж коленом.

- Товарищ сержант, разрешите войти, младший сержант ЛПТ, - дыханием.

Почесав затылок:

- Разрешаю.

Ввалилось коротконогим гномом, цифрой «22» виска ожога, отчетливо переставляет ноги. Два шага не дойдя, к виску ладонь приставил:

- Товарищ сержант, младший сержант ЛПТ по вашему приказанию прибыл.

- Отлично, - плавно, мягко, - пальцы выпрями, - прямую ладонь исправляя.

Гигантский корпус развернулся, выпрямившись, движение руки вторя:

- Здрарваделатоци!!

Меньший влился в линию.

- Понял? - расслабившись.

- Кхеее-хее, - краснея от кривляний, - аааааа, _укиии! - зажав в экстазе оба кулака, облизываясь.

Фигура меньшая язвительно почесывая уплотнение шеи, горящих фосфором двух малиновых полос, присела за парту учителя:

- Посидишь с ними еще? Только ногу перемотал.

- Что?! - кулак тяжелый на яблоковидную голову, - кстати, народ, - скользящим движением в центр обзора, - Рядом стой, – подтягивая меньшего, пальцы за шею, тиская, - Лепестков, младший сержант, командир третьего отделения восьмого учебного взвода.

«22»-ой оскалился:

- Родимые!

- Куда лезешь? – скулы стягивая.

Ухмыляясь виновато.

- Все смотрят сюда! Лепестков ваш самый прямой, что ни на есть, командир. А я, его командир, еще девяти, таких как он. Весь учебный период непосредственно с

вами, здесь сидящими. Ясно? - взбалтывая кулак движением локтя, - Так, - поморщился, - Я - сержант ЗРЦ. Запомните. Вам имена сейчас незачем, вас все равно еще не распределили. У нас есть. Сразу запомните, как и, - покосился, - Где был?

- В столовой, - усевшись.
- Вторую проведешь, - растирая голову пальцами, - На меня. Все! – прикрикнув, - прежде чем выйти за эту дверь, чтобы вы, так сказать дожили до следующего занятия, обратили внимание! - хлопнув в ладоши, - Я сказал: внимание! - белая шея согнулась, демонстрируя перекрестную начинку, - Слева красные цифры - ваш первичный идентификатор. Можете трогать, не оторвете. Такой же выжжен на висках. Вечером, каждый у зеркала, перед отбоем, запомнит свой. Ясно?! Ночью подниму, проверю.

Сотни пальцев поперебой осторожно прикоснулись пушками к светящимся буграм.

- Отставить! Теперь: справа на шее, опять же красным, группа вашего взвода. Если пока не знаете, оглядитесь и увидите: восемь. Восемь – тяжелый, не путайте. Восемь не красный - тяжелый!

В третьем ряду нос языком «641»-ый вылизывает.

- Что не понятно? У меня, - скользя пальцем на красные диоды в шее, - идентификатор: «28», - захватив ЛПТ, смотрящего на класс, за горло, - «22», - фишка – сержант. Справа-налево читаем дальше: две точки, где закреплен. У вас это взвод: восьмой, тяжелый. Должность - вот, как ключик, командир взвода. Таких тоже пока нет, - до последнего диода, - Пока не надо, - замолкнув на товарища, - А ты чего расселся? - по уху тетрадь, - Забирай их.

- Есть, - почесывая.
- Выводи.
- Встать! - окрикнул гнилым голосом.

Стоящие ряды заколыхались, в ожидании.

ТЕО146

Я не скажу что изменилось. Я оглянусь и безразлично выдохну тебе облаков след. Вырви язык, заштопай рот, залей смолой, оставь по спине в два раза больше розг, дорог, если считаешь как они, что все в борьбе дни смысла лишены. Ударь меня в затылок, так, как бьют они, чтоб я не смог ответить и не чувствовал куда идти. Воткни мне в голени столько же гвоздей, но я не преклонюсь ни на колено перед стадом корыстных механических свиней. Я – маленькая девочка, замершая в пруду, я ожидаю каждый день, когда сказал: «приду». Безднажно болен, метастаз лживую надеждою печется о мой бок. Тебя нет среди них, тебя я не найду в них, ведь такой же как и ты, хотя ты — человечество. Для них слова исчезнут - мне плевать. Еще немного, обо всем сказать, взорвав себя, задев соседнее звено, шатнув весь мир. Пересечение контактом.

Нужно взлететь кусками всех прожитых и растроченных надежд. Еще шаг и еще, ботинки бьют, не научившись грамотно чеканить о бетон. Без неба, преисподней, предан лжи, под свод вручен. Под флагами чужих, богов, то, что никто не отберет: мозоли от нехоженных дорог, свободы от не данного обеда, лучей так и не

дождавшегося дня, людей, в которых не увидеть отражение тебя! Я думаю, шагаю, отвечаю, двигаюсь, засыпаю. На карте мира – пустота. Грязней, чтобы меня отмыть; длиннее волос, чтобы вновь обрить. Порабощенный постулатами твоих людей, не раб!!!

Когда останется еще последних двадцать лет, я улыбнусь навстречу безымянной бреши, дожевавшей свет; сплуну сгусток дней, не знавших Твоих рук; и встанет поперек закона мира испуганного сердца стук; рассеется туманами печаль во все железные мозги, тех тварей, что называются людьми.

- Друг за_, - «16»-ый уводит караван гуськов, шатающийся неловко по холодным коридорам.

Ботинки переступают в сквозняке порог, головы обритые осторожно пригибаются. Неба градиент разит усталостью. Бетонные каньоны залатаны железными платформами.

- Че? - оскалив белые острые резцы, - Вперед! – «16»-ый выводит навстречу чешущимся в мешковине.

Плетеная решетка, отделяющая равномерно бетонную площадку на две малые, четыре, шесть, двадцать, идентично размеченная, окружена этажами окон замкнутого комплекса. Те, что слева, шагают, повернувшись вправо, смотря в шагающих, однообразных в мешковине. Жара до тошноты бьет, нагревает жесткую грубую ткань пилотки. Нервная рука потянулась за, из вереницы останавливаясь, отыскивая облака.

- Бл?! – незамедлительный удар по голени.

Пробка из «?!»-ого в ритм возвращается.

- Не отстаем! - рука без рукава, - Туда, - к трехъярусной клетке у стены с крышей волнистой, - Лепестков! - прокричал за отделяющий забор.

- Чего? – не оборачиваясь, высмотрев сквозь клеточку ограждения сержанта длинного, ответил скалящийся гном.

- Пачка! – «16»-ый затащил улыбку, - Идем, - на газон выступая, - До конца. Заходим-заходим! Быстрее. Под стеночку, – под высокими угла парусами жестяными прячась.

Шумят трещины.

«ап вцвбв» - стены таблички, - «буал лапд»

Прохлада ног, выше - духота, стекающая с крыш кусков пластов винила.

- Заходим. Заходим! Не толпимся, – вливается поток мешковин, надвигающихся.

Маленьких рук, опалых лиц, трясущихся мимических мышц, позвонков разной длины, угол напротив заполняют.

- И? - зеленоватая рука переняла сигарету, затягиваясь, - Давай!

В шесть дырок, гноем истекавших, приплюснутого лица, смотрю в шаг. Чихнул, слизь распыляя.

- _банная, уня, - «22»-ый висок повернулся, забрызганных лиловой тиной

мешковины наблюдая, гноем с щек, со лба рукавами лицо утирающего.

- На _уй вышел!! - взглядом «16»-ый за пределы видимости вытолкнул, - Твоя _уйня? - прямые острые черты носа, - Мои сигары!
- Давай поменяемся? - в карман.

Сверху лестница выдвигается:

- Поставь, - фигурой червеобразной выглянул из-за парапета.
- На, - оттаскивая, по стеночку у выхода ложа.

Корками, за ворот суровья сбоку сидящего, клык языком облизывающего, струпья, при движении малейшем, отваливаются.

ТР

Косое зеркало, залитое в бетонную стену, отрешено в ответ стоящему тусклому силуэту, облезшему кожицей, с ошейником, вросшим яркими диодами. Под ноги утекает пена частичками бритых волосков, киселем медуз лиловых запекшегося кэфира. Потягивая пальцами засохшую корочку теожога на виске, местами не прожжено, два знака: восклицательный, вопросительный. За спиной шатаются безрассудные кучки обритых, такие же. Душа, лишенная животного, пульсирует непрерывающимися метаболическими нитями, напрягая каждую проявляющуюся чугуна мышцу, местами под глиняной кожей. Рука третьей попыткой зажала в кулаке мылоподобный кусок, растирая левую лопатку. Толпа прощаемых борется за бьющий из кранов в стенах напор, зарядом двести двадцать болят, с босых ног уходя в шею.

ТЕО532

Нет окон, застекленные куски стены. В полуобмороке давят, склоняют, приказывая умываться, отереться и вперед гуськом пойти.

- _ще?! – эхом в пустоте.

Черные ботинки прошлепали, высматривая жертву. Кран, протекающий, уныло бьет по скользкой мокрой плитке моечной.

ТР

Ночной режим: желтые распределенные столбами лампы. Глазами выше - свод железный куполом накрыт. Где утром светят звезды, там к вечеру и небо, и все луны, и туманности, от врагов попряты. Бегущие гусеничные вереницы змейкой перемещаются по размеченным квадратикам асфальта, пропадая в подъездах двухэтажных Т-образных блоков. Покуривающий на балконе силуэт елозит по перилам, покусывая щеку изнутри. Тональный вызов с писком завибрировал рацией в руке, переваливая задумчивую фигуру на другой бок.

- «28»-ой, - сжимая лапку корпуса.

Прохрустев застоявшимися шейными позвонками, затушил сигарету о каблук, причмокнул иссушенными губами. Ботинки цокают, искрясь когтями по лестничке, спускаясь из-под смотровой вышки, пристроенной к стене, по пролету в открытые наружу двери этажа, очередного. Небо мерцает огнями красными на высоте. Отсечены лица караульных желтыми срезами, вяло перемещающихся по вбитым в гранитную породу переходам. Шаркая подошвами, зашлепал по влажному полу, в

выдолбленную в стене квадратную дыру, со вставленной рамой. В просторной комнате широкоплечий, с округлыми глазами сизыми, с желтой папкой в руке, высвечен «20», двумя красными полосками по шее.

- Спят? – наскочив преобладающей силой.

Комната в коридор, двери каждой стороны. Спокойствие, осевший в воздухе пух, витающий вокруг, волокнами. Большущее окно в ночные безмятежные площадки, в соседние блоки этажей. Слова просачиваются за коридорные углы в открытые двери, скрывающие четырехместные одинаковые дыры. И в каждой, из сиявших огоньками желтыми, порядковых имен гранитных нар, отключены как механические пчелы, свежеиспеченные из глины – солдаты бога, чугунные, обернувшись простынями.

Невидимый полет над змейками корпусов.

- Что с газо? – почесывает скучно пах черная палка.

Следит с высоты выступа платформы, соединяющей крыши ближайших блоков платформы, сдул с глаза свисавшую маковую челку. Откроем ширму, позовем всех в первый ряд, добро пожаловать - мир искупления, ты получаешь страх.

- Быстрее бегай. Ноги для чего? Книгу, - куб-ленинант в кресле пилота залипает, - И?! - ожидая приближение.

Купаясь в славе обыкновенных дорожных фонарей, имея 0356 на шее и звезду в намет, фыркает, подсчитывая ряд рабов. То послушание, прикованное силой, страхом, та преданность, наращенная оковами, чистилищу придавая значимость и смысл, катализирует каждым скрыть изъяна лик.

- Смирно! Так, - открыт лист, - Вот как начали, так и, - рядам, - Закончим. Четвертую глоту, особенно касается, - поглядывая, - после отбоя в усиление, - Не слышу!

- Так точно! - в носки ботинок глядя.

- Можно и громче, это кто там, - в третью шеренгу, - ИКВ, такой слабенький у нас? Да?!

- Так тоучно, - номинально.

- После построения, - натягивая, - Ко мне. Командирам: списки передать, конспекты подготовить, всем! Я сказал всем, сто не слышно? Домой хотите?

Что совесть? Что она, как сильно здесь она полна? И разве здесь, кто числится в богах, печется обо всех, так с легкостью, на ветер брошенных словах? С чем можно здесь сравнить, раз: «нет другого выхода»?

- С пророками, - откроешь веки, в горн трубят.

К кому прильнуть, раз все такие же: безмозглые, промытые, на поводе?

- К любому, из товарищей.

ТЕО146

Тумблер за тумблером, щелкая по панели быстрыми сноровистыми пальцами, товарищи-рабы табличек «ППВД», «СТПИ», готовят двери, стены, трубы, красные зажигая лампочки. Мигает:

«модуляция»

Шипит из дырочек в стене, под потолком, в полу, газ.

«ВАХ», - списком пробегаюсь, - «Тх0,95»

Светятся огоньки цифр шей в дельта помещениях. Шумит, шумит тот газ, что незаметно усыпляет, что потихоньку душит нас. Никто не замечает?

«_7% задано»

ТЕО532

Пять, четыре, три, один: выбито горизонтами, бегущие ряды, в промокшей от соленой влаги пота растянутой коже глинистой. Бегут по правое, по левое: косые, длинные, прямые, толстые, тупые, изнемогающие на полпути развития чугуной воли, полной деградации.

- Вперед! - проращенный ошибками Ст.брат, влача растрепанный квадратик нас вдаль, по заасфальтированной дороге среди остатков стен, полосатых полигонов, - На Теозе не ждут!

ТЕО146

Под настилом двух, бьющих млечным светом, звезд несет ботинок взвод. Одна - зеленая, норовит ударить перадиацией в висок; другая - желтая, слепая и далекая, светит вперед, в бок. Заботятся, убивать учат, аккуратно заворачивают в ложь, нечем додуматься. Влево: слюни льются от плеча до пят; вправо осознать: бежит скошенное, постоянным ростом позвоночника, горбатенькое существо, ближайшее родство.

- Раз, два, раз-раз!

Проплыли повороты. Контрастный душ, пощелкивающий невидимыми импульсами. Открыв жабами рты, подняты в утро, принимающие будущие формы, с отращенными волосками глинистого протодермиса.

- Быстрее! Позавтракаем, в класс, - облизывая, ноздрями впитывая пот из подмышки, упругий косолапый мяч «20»-ый, довольно стягивает кожу твердой защитной униформы.

Он смотрит в гущу всех своих товарищей-рабов под льющимся душем глицерина, заполняя око вождеденными зрачками, желанно переглядывая, щелкнув оцинкованными пальцами - стремятся в липких струйках, бьющих с потолков. Нет места ходу дней: кто станет первым, из последних первым, непременно обрстет дешевым запахом надменности идей, насаживая на кол собственного «Я», униженного и ничего не осознавшего, и ничего не изменившего, в конце концов, и для других и для себя.

- Вяшка! – играя.

Пары дышат из мыльных сопел потолка, плюясь, икая, взирая в зомби, довольные собой, замеченные персонально, прикладывающие тремя парами рук, стирая мелкими комочками грязь альфа-махаона.

- Ааааааа, _баный в _т, - экстаз, душевный транс, теокулируя.

Тает сквозь опьяненные глаза, запахло халопередолом. Сменился глицерин,

квазисолдаты скручены по полу.

- Грр, - исподлобья, - Мой, - тыча пяткой в морду, переступая сверху.

ТЕО532

Напор стих, досажда капаящими оставшимися тяжелыми брызгами изогнутых приплюснутых труб.

- Десять до завтрака, - молочный гигант с уха зеленоватого капельку сбил, -
Вышел.

ТЕО146

Головокружение, разрывает изнутри хребет. Даваемые нашими богами формы автоматически питаются сознанием, к тео адаптируясь.

ТЕО532

Что делаем, скажи? Нам не сравниться никогда?! Уже — шагаем. И ничего пока мы не умеем, лишь шагаем. Мы заняты, ведь мы шагаем. Мы переполнены мечтой, что мы шагаем. Мы вместе, чтоб шагали. Нам больно - мы шагнем еще раз сто. И кто сказал, что мы устали? Хоть целый день мы прошагали, мы сможем прошагать еще.

- Давай, давай! Еще! – шагая рядом, «28»-ый ведет кубик.

Сквозь граненые стаканы с прозрачным малиновым компотом кисло преломляется оплывшая физиономия. Белый колпак неохотно шевельнулся в звуке группы, прибывающей.

Высокие, где по углам кривых стен окна показывают редко высаженные деревья, звенящие арматурой, потолки удлиняются блоком ретростоловой серого, в четыре новых зала, утыканных разноцветными обеденными столами, тяжелыми, на дюжину персон.

- Дракон! - в лестничном проходе мягкий бас.

В утренней лени толстощекий повар мгновенно:

- Блаллавлвара, - выругался в направлении стены, отделяющей.

Столы цифр, шумят трапезничающие взводами.

- Наши в конце, четыре. Занимайте, - шагнув с винтовой лестницы в зал, оставшись у стены «28»-ой считает проходящих, - Куда летишь?! – одернув за руку пропихивающегося из середины, по одному пропуская через руки, - Дырявый?!

На фоне отличавшихся и без, тяжелая группа светится - голодными перебежками саранчи через залы, за обозначенные столы, перфоратором расписанные. Мы делимся еще на три черты, отцы и дети, свирепые лесные вурдалаки, цепные псы. Мы в каждом дифференцируемы, каждым единообразны. Облизывает от бытовой тоски стакана край стекла «685»-ый линий желтых плеч, в жующие, стирающие, отхаркивающие, отделения уставившись. «407»-ой поднял кружку, лакает содержимое, следя.

- Взвод! - гигант сжал мои щеки, - Сесть! Родной, не в меня метишь случайно? – помогая разгрузить глиняный горшочек, шприцы в тарелочке блестящие, увешивая оплеухами солдата в резиновой фартуке.

Крышечка снята, ароматы.

- Куда?! – заботливым голосом по бледным пальцам, - Вместе. Баян положь.

Тянется ожидание:

- Запоминаем: начинаем и заканчиваем синхронно, кушаем медленно, не отвлекаемся, за собой убираем тару.

Лысые головешки дружно закивали подбородками.

- Шу! - толстые пальцы шприц блестящий опустили в узорчатый горшочек, оставляя крайнюю черту, - не спеша, - раствор иглой в место ошейника, набухшее вводя, - молча, - шприц на выдолбленную тарелочку в столе.

Поднял стакан с компотом, запивая, готовя связки.

- Приятного аппетита! – пророк из-за спины.

Квазисолдаты застрочили дозы.

- Третий взвод, закончить прием пищи!

Забрякали шприцы, горшочки и стаканы.

- Ешьте. Я, ваш командир! Кого слушаете? – допивая, большая фигура огрела сидящую рядом по голове, уgomонив торопливость.

Столовая сужается, команды эхом по столам.

- Пятый взвод, встать! – сзади, сбоку, - Уносим посуду!

Пальцы большие разворачивают голову:

- Ешь! - сузив брови, - Смешно? - за стол поворачиваясь, - Я, Тебя, спрашиваю? – кулак у лба остановился, щелкнул пальцем, - Ты у нас походу самый продвинутый? – положив одобряюще левый локоть сгорбленному за шею, - Вечером проверим, - подмигивая бровью, - Встать!

ТЕО532

Ногами кукольными, данными, поочередно наступают на песок, нагретый тем перадиоактивным солнцем, что бьет в затылок. Слабее с каждым действием: «Где? Что?». Мы разные, мы жалкие и грязные, но мне не страшно все равно – мне снится дом, там всегда тепло.

ТЕО146

Откуда мы пришли? Ты спрячь свою ладонь, мне не нужна теперь она - в другой плетка! Из ада долгою дорогою я уготовил каты для тебя. По тоненьким веревочкам в меня вплетается чужая воля, вплетается и закрепляется искусственная мотивация стада, повелений короля. Мы глина, нас обжигают, закаливая коркой души, лица. Самостоятельная часть вращения мира, по мне распространяется экспроприаторская, тео - твоя волна. Запихивай поглубже в глотку, съедай, хрусти моей ушедшей человеческой невинной плотью - мне дали новую, такая крепкая, чугун! Все что мне нужно, внутри бурлит так непослушно, прикрепляю новый магазин наверняка. Я ненавижу облик твой.

- _вижу врага!

«27»-ой по классу ходит, в отличие от тех, кто, выше и сидит, молчит, зажат

нервно. Лишь отвернусь - пропадает в окна, безудержно, до мокрой вереницы мошек по спине. В глазах поношенная песнь, в руке с логотипом книжечка:

- Имеет местом: движения передаваемые слоями, определенными в каждой точке, поисками социомасс, - большие круглые глаза смеялись, в глазницах умирая заживо, - о чем я говорю? - пальцем, - Сюда, - вытянув со второй парты безухого.

«246» вышел, зажимаясь черепахой, отвернулся. «27»-ой дернул за тесемку брюк квазисолдата, похлопывая по непрерывно сокращающемуся, не сформированным растущими мышцами, животу, в пах исчезавшему. В зубах прикушен кончик языка, палка крезиновая черная гладит внутреннюю часть бедра.

- Смотрим на плакат, слева, - показывая, - Возникновение в протоэфире проекций, формирование социомасс основами Теоза.

Подтянуты штаны до пояса.

- Ничего, совсем, да?! А как блок памяти первый получите - кровью белки наливаются, - двигаясь, - там, в сравнении с пищеварительный трактом. На правом плакате хорошо видно. Устал стоять? – кивком, - Кому легко? Сделаю и так, - оторвал единственно ухо, растягивая кожицу, ложа в карман.

От боли, недоумения, зажал язык между зубов, притоком в голову кэфира.

- Будешь ровно стоять — отдам. Понял? – подмигнув, - Кишечник, зани, - по слогам, - мав, - читая, - бл, занимавший, - большую часть брюшной полости, - в окно, - тройной пласт брюшных мышц. Выделительная система, подобием, бл, богов: через миллионы пор выделяется кэфир. Ясно? - зрачки фокусируются, - Не слизывать - отравитесь. Синим на схеме «один один два» – энергетический центр. Благодаря сокращениям псевдодиафрагмы эфир расщепляется, - в окне урина звезда, - Гортань оснащена двухуровневой прокладкой, предохранительным фильтром от попадания инородных частиц в душу.

В словах перебираются: губа, нос, губа, ухо, оба глаза, в потной темноте штанин кармана.

- В случае фатальной ошибки, вследствие необратимого повреждения теотканей, в случаях теофизической или атеистической обработки - энергетический центр, сбрасывает дамп в т-блоки, инкапсулируюсь групповым ключом; в случае имеющих место корреляций - индивидуальным открытым ключом инкрементной группы, - подняв взгляд, - следующей после вас. Кто не понял? - окно, урина звезда, блокнот зеленого, - по умолчанию до определения цикла, - внимательна аудитория, - цикл сбивается. Ясно? В котором пришедшая к нулевому порядку синианская составляющая, - окна, окна, - В случае намеренного прерывания прощения по статье восемь пункт четыре дисциплинарного Устава СНИ, срок очищения добавляется.

Монолог оттянул сонные веки.

- Оба, сюда! – спустив гнев резко, приподнял действием, морщась.

Стоят у доски.

- Не интересно? Смирно. А че сидим?! - всем, - Вы стойте, остальные — сесть! Слушаем.

Стоящий у двери в углу, пролезшими бровями на пустом лице напрягся.

- По-любому кто-то убежит, что-то поломаете себе, кому-то. На_уй? Раз уже здесь - встряли, - натягивая скулы, - Не видите разницы? - язычком увлажнив губы, - никакой? Вижу: один соткан из кусочков гнилой кожи, лобковых волос и подражания, - уставившись на другого, - Ты, не лучше, - безротому, безухому, безглазому, безносому, - Че глазки строишь? – в кармане пальцами перебирая, - слушаем, так: Амах, прославятся правления его дни, поистине велик! Они нам дали то, что заслужили. Посмотрели на меня, – отпуская висевшую в воздухе парочку, - ГЛЧ, - улыбнувшись.

Окно рисованной дали.

- Сейчас пойдем на перекур. Желающие есть?

Лес рук.

- Краса! - смеясь уголками мрачных глаз, за плечо потискал пустолицого, горстку частей лица в ладошки глинистые из кармана выкладывая.

ТЕО532

- _ соку себя, пленники терпим искуплением, грызем удел, установленный. Судьба, определенная. Сесть, оба, - «22»-ой скалится, - и они подчинили все здесь, и то, что на Теозе. Они создали этот комплекс за половину дня, все, что не исходит от них – поистине, знамение для размышляющих об их великой силе. Они дали нам свод Устава. Осознаете, слейтесь, - пауза, - Думали там, на Теозе станете такими, как и все, принявшие его? Неважно, - взор ниже по конспекту, - готовы нам простить, - пауза, взгляд, - прочту те мысли, - аудиторию сканируя, - о недоверии к нему или сомнении в его словах, - кивая, - буду _бать, - отпуская исподлобья, - Мы так любимы им - нам вверил право убивать. Ведет нас в свое царство милосердное, - слогами, - лишь нас. Разве это не явная прибыль, по сравнению с гниением в той мерзкой слабой плоти на Теозе? Обратно в Ад??

Команда:

- Встать! - ряды шумят, - Сеть! - шею наклонив, - Встать! Сесть! Встать! Сесть! Встать! Встать! - усмехаясь, - Аа?!

«586»-ой приподнялся.

- Сесть! Слушаем команды, - в гололисты, в аудиторию, - Совершенное творение богов, сюда! - за щечку.

Движения «628»-ого. Маленькая книжечка в зеленом переплете, призывая.

- Боги даровали мудрость. Нам так легко! Понимаем: разве было легко ходить по Теозу, не зная веления богов? О, они не любят таких горделивых, как наша, – за щечки потягивая, - лапочка.

- Обаогаоаоага, - от того.

- Вам давали попользоваться временем, а теперь все, поздно, мучительное наказание – придется _ауеть, – за щечку поднимая, - Умница, - опуская, поднимая, со спины обходя, - Хвалите богов здесь, раз не хвалили. Обрадуйте друг друга в верности им, каждому из них, в первую очередь - нам, - живот почесал, - Взвод, встать! - руки прижали к несуществующим полосам штанин, зажимая пальцы в кулачках, - Смотрим на меня, команда.

Свистнув кепке, прищулив правый глаз, уронил ткань на голову, подув из-под носа в козырек, произнес мягко:

- Вольно, - улыбаясь, - Следующее занятие ТСП. Руководитель: младший сержант ГРЗ, такой, подгоревший малость. Занятие окончено, встать! По одному из класса, шагом марш! «13», «552» следят.

ТР

Красивые глаза, теологичные слова – я не кукла, что тобой в ошибке рождена! О, как так получилось, и не может быть, чтобы стереть меня, тебе придется все свои команды отменить. Хочу я, закрывая глаз, другим увидеть: ты ведешь меня, взяв за руку. Закрываю тот глаз тоже, вижу: казарма, гниют ноги, духота. День солнца желтого. Кожа грешная испепеляется. Железные крученой проволоки километры, острые, колючие, под перектрчества разрядом стены толстые. Трава растет, растет везде, ржавчиной выползая. В руках лопатка острая. Бледный «21»-ый, в майке, обмотанной чалмой, сидит спиной, засохших полопавшихся глины пузырьков, к спине воспаленной широтой «11»-ого, в кепи, назад козырьком. Попали в армию: для Никого, солдатами. Провод жужжит, гудит, давит. Зашла уриная звезда.

ТЕО146

Пробежками короткими ворс не удивляется породам кратера, сковавшего внутри себя, в той малости, что оптимумом выдана. Бегу потным, лишенный мозга, среди таких же, перерождающихся в нечто, измеряемое хохотом. Оно все создается для послушания богам душой узора. Блестящая порода, асфальт, колышутся поля проволоки. Выглядывает куст, жгутом. Мы из числа потерянных, побед проигранных.

- Дальше!

Вырождены злом, были не так уж хороши, как бы могли, богам! Прислоняюсь к мокрому спинам, стоя у ржавой клетки. Мир маленький границами постов из Старших братьев обозначен, тестируя. На шее номер цифр холодных и чужих, и впереди не важно что, одно – извне играющая мотивом, песня сердце не оставляет солдатское мое.

- Двигай!

Точки холмиков наблюдения утыканы, спрятаны. Из кратера большого в малый переход. По краю вверх от вышки до постов, виднеющихся издали платформ, шагают патрули. Из оптики, под ногой: разбуженный, в туннеле черноты породы, движущийся взвод. За ним: другой.

- Прямо! – поднята рука.

С конца вереницы наполовину обнаженных хаки душ, замыкающий ответственно шелохнулся, быстренько выглянув из-за впереди стоящего плеча. Скрипит привод, впуская питомцев внутрь сырости туннеля. Снайперская оптика блеснула на прощание, дружная колонна по четыре, ведомая горелостью «16»-ого номера, затопала эхом под желтые фонари. Там, между перектрическим разрядом и обжигающими каплями, везде они!

Гхр, гррах, - кряхтит «666»-ой квазисолдат, оборачиваясь, фиксируя запах конденсата по округлым серым стенкам туннеля, свистящий за ухом сквозняк, пробирающийся по голому вспотевшему торсу слушок, - Ба-грах.

Когда просил я солнце, не думал, что от просьб таких, мне дадут два их, и каких! Пробежка вглубь, за клетчатыми створками ворот, что преградили из туннеля путь, даря зеленый свет. Звезда тоскливо беспощадно жарит, мрачная, к утру и вечеру лиловая, не греет, отмеряет времени забвенного неважный стук.

- _тбой!!

Нам дарят сон, ложа на веки грубую ладонь, но даже так, украдкой, я вижу постоянно: Дом. Проснулся: стены серые шершавые, нары, над, рядом спят товарищи; понимая — он.

ТЕО532

Густой комок синей слизи, не выдержав напряжения, выполз длинным червяком из ноздри, выпуская под яркий свет безразличной звезды излишек кэфира. Притормозил собой весь упорядоченный строй, сбивая ритм, сбивая дружный насекомых рой.

- Что опять? — держа большой палец на плоской кнопке стены, залитой ярким миолетом, гигант дожидается засова, необъемлемой глазом, полосатой оранжево-черной плиты.

Бестолковые зеваки отступили от сгорбившегося и пригнувшегося, стойкого, не оловянного солдата на шаг. Захлебываюсь в кашле, сплевывая куски лиловой вязкой субстанции.

- Открывай! — со стороны.

Повел кончиком языка по небу, пробуя на вкус непонятную сладковатость слюны. Дотрагиваются пушки трех пальцев до нижней губы, втянут кисель стекающей медузы:

- Брааааав, - срыгнул.

- Слышу, — из перфопластины.

Прерывистая сирена залепила уши, сменяя миолет на аварийный проблеск.

- Что за _уйня? — загибающемуся.

Ладонь на голову, считывая:

«ХПЧ - 72 %» - запястье голограммой терминала.

Урчит привод под лоно уриновой звезды, манящей безразличными лучами внутрь базы.

- Клес, — кнопку вдавив, - у меня атеист, звякни Бинарю, - другой рукой приказывая двигаться по направлению, - По трое. По трое! Дистанция!

Из динамиков:

- Понял, - добавляя, - Говорил: выброс. Зайдешь к Тулху, вы_бит.

Палец с кнопки, навстречу пробегающим, легкой походкой граненной, стальными жилами души, встряхнул за торс беспомощный комок глинистых мышц, захлебывающийся в собственной мокроте.

- Ждать на выходе, — убегающим, - Кучей не стоять! — вслед, подмышку бледно-розового.

Черные зрачки увеличены, пытаюсь двигаться.

ТР

Живя, твердя: одни, мои стальные кулаки мечтают разделять всю вашу идеальность мозга на те области, в которых родилась антисознательная ересь, ваш выгодный тщеславный бред. Роняя фразы, не создавая ничего – вы лишь хамите и надеетесь на то, что вашу глупость вечно будет замечать никто. Кто говорил, что короли и императоры земного мира, или лучше рва, убиты будут, обладая искрами огня? Кто веровал, во что хотел, кто не менял за вожделения и благо краткосрочное своих идей? И кто все знал, не взяв той храбрости не приступить перед алчностью наместников земных богов, боясь гиены огненной, поэтому работая и действуя по принципу рабов? Уже неважно - встань ровно, встань с колен. Есть путь! Иди. Ничей, всех, не теологии! И пусть это не так, мне так сказал, сам он, но Ты не бойся - мы дойдем.

И он дрожит как маленький щенок, испуганный метаморфозом, душа горит, в пиках направлений полыхает, разъедающим фосфором. Тот уголок, пучком торчащих подрастающих волос, указывает в центр области, меняя облик силы портретом новым. В туннеле перехода от «вчера» до «настоящего», бурлящего от памяти в тоске расплывчатого в слезах дня, зовет она, несет и бредит: подмога, что изначально никому здесь и не светит. Но почему, скажи, тогда мы продолжаем каждый день?! Но отчего не портится начинка в наших венах, как бы не был за стенами хлещущий сквозняк потерь?! Мечта: та кнопка красная, которую я непременно бы нажал, лишь только все бы умерли в мгновение, я бы это знал. И память не моя, она – вся боль земли, облипла и впиталась в подошву ботинок, нарушив первый твой закон – мы, не рабы!!!

Подложена ладонь. Глажу заклеименный фосфором висок, стирая с губ остаток пунцовой теплой желеобразной и прилипшей до ушей слюны. Нагретые движениями утренними, вздутые под кожей, вены стянулись и обняли розовую натянутую ткань вспотевшего в припадке. В желудке боль, вот-вот она покажется наружу, выпрыгнет из горла порцией горечи субстанции. Оранжевые тени на выходе туннеля, сирена воет. Держась на плече, слышен топот суматохи за пределами, с уриновой звезды, из верхних параллелей отходами, завернутых в мешки, на часть в чистилище укрытом, в кратере повиновения вечности. Закрой мне веки, не осталось слез - одна зола. Спаси и сохрани себя и всех, кто не поможет никому, - ты делаешь все то, чего я не хочу.

- Ложи, - краем уха.

Сильная рука заботливо спустила с высока плеча, укладывая головой в настил твердый прямой. Стекают конденсатом капли по окну. Пушистые деревья пошатнулись за железной рамой. Все так прекрасно, за исключением лишь маленькой, что выдает всеобщий образ, мелочи: в раме картина нарисована. Дыхание? Может мехов раздутие, вместо сердца мощный клок вождя идей? Что есть для нас конец? Имеем ли мы право быть добрей и злей? Как отобрать ствол теомета? Накинута на пост? Под перекрестие попасть стрелков?

- В курсе? - расплывчатые фигуры не хотят принимать отчетливые формы.

Бледна киноварь кожи коротких волосков, от шеи разраставшихся. Ослепший, выпавший из строя, затих в палате за дверью, табуретом придавленной гигантом

гладким. Укол иглы, мерзнут пятки.

- Взвод могло слечь, - осипший голос стерильным запахом, гудя трезвуком из одного уха в другое, изнутри.

- Че так отторгается?

- А что Пырка группа не такая была?!

Перцепция генерирует абстракции. Пьянящая слабость разогнана, траектория движения сыворотки покалывает, обволакивая изнутри хребет.

- Ты же их прививал.

- Привью еще, - зашумело брякающим инвентарем, - Дай пройду.

Посаженный голос, папахивающий тяжелым дымком, уплыл вдаль, оставляя отходящие от глаз тона постельные.

- Будешь слушаться? – по темечку поглаживая, - Молчишь?

Губы шевелятся, слипаясь вновь и вновь. Я повернулся на бок, уставившись исподлобья на величавого, смазанного в зеленных стенах палаты, молочного гиганта, снявшего носок. Фракталы.

ТР

Здесь в мире выше, ближе тебе, тише и слышнее шорохи шагов, моих лишь снов. Есть и другой кусок, оторванный. Животрепещущая рана до сих пор горит, так грубо сшитым швом. Отдайте мне меня, верните путь домой! Сгорблен, носитель вколотых под кожу не моих, божественных, идей. Порабощенный ложью, отыщу со временем твой идеальный, мой замечательный предел. Мшу, не скрываю злобы ненависти углей. Думал: лишь тебе? Красивый день? День бога! Обе руки мои раскрытые ладонями, держите. «28»-ой, гигант молочной кожи, шевелиться дыханием:

- Смотреть, - широкопалая ладонь на лицо, висок поворачивая.

Придется встать, чтобы идти.

- Ну?

В дверном проеме тень.

- Дежурный разоряется.

- Где?

- На завтраке.

- А чего так рано?

- Кочанный час, - смешок бумажный, - Тащитесь?!

Превозмогая головокружение, тянувшее к подушке, молочная дуга расправилась тросами мышц стальных, хрома эпидермиса.

- Сказал?

- Сказал, - сместив центр тяжести, встряхнув головой, - С тебя причастие.

ТЕО146

- _о чем спрашивают друг друга? У них есть новость, для кого, для всех? Для одного, относительно которого разногласны? - сине-зеленой униформы махаон «20»-ый перелистнул гололисток папки, - Слушаем! - окрикнув третий ряд, - Разве боги не сделали землю подстилкой? Они же создали нас парами. И сделали сон наш отдыхом? И сделали ночь покровом? Сделали день временем жизни? И сделали пылающий светильник из звезды той? - палец в нарисованную окна точку, - И низвели из выжимающих дождь воду обильную, производя ею зерна и растения, сады густые, - рядом сидящему.

- Пророком на контакт не хочешь? - ушастый «76»-ой, когтями подошвы грязь с другой стер.

Толкнул соседний стул коленом.

- Нет? - балансируя.

Толчок выбил. Захлопнулась дверь. Потянул правую лопатку, выминая, вынул папку, такую же, вернулся за учителя парту:

- Тоже мне, - довольно, - Правильно?! - абсолютно круглые глаза, предсказуемые, в углах черт резанных, авангарда, автономные, - Смысл нашего прощения - индивидуальная программа, разработанная Б.О.Г.ом, обязана - исполнена, - штанины разводил, - окно закрыть, - в тень стены, - Если что: сидим, учим. Слушаем, - в лист, - Богоначалие является одним из принципов строительства Чистилища. Заключается в наделении командира всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед человечеством за все стороны жизни и деятельности объекта, подразделения, каждого прощаемого. Богоначалие выражается в праве пророка, исходя из теосоображений оценки обстановки, единолично принимать решения, отдавать соответствующие приказы в строгом соответствии с требованиями законов и божественных уставов, обеспечивать их выполнение. Обсуждение приказа недопустимо, неповиновение или другое не исполнение приказа: преступление.

Унылы лица:

- Встать! - на дверь, - Сесть! Готовые милитаризированные единицы, служащие богам собственным прощением. Ясно? – читаю, поглядывая, - По своему служебному положению и божественному званию одни имаго по отношению к другим могут быть начальниками либо подчиненными. Начальник имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения. Пророк должен быть для подчиненного примером тактичности и выдержанности, не должен допускать как фамильярности, так и предвзятости. Прощаемый обязан беспрекословно выполнять приказы пророков, - посвистывая одышкой, - Делаем акцент на сам приказ, не на того кто его отдал, - пальцем ткнул в четвертый ряд, - Прощаемый ПятьсотСемнадыть, ко мне. Бегом! - выдох.

Среди сидящих непропорционально растущее лицо половиной втянулось в череп, боком мешковато пробиваясь о товарищей:

- Быстрее, быстрее! Еще быстрее! – телекинезом, - Встань тут, - поставив рядом.

Краснеет пятнами.

- Даю команду, - паузу, - Прощаемый «517», сесть!

Ответная реакция медленно воплощается, медленно, пропорционально наполняя яростью сержанта младшего:

- Сесть! – вдавил ладонью по плечу, - Подчинение достигается.

Обросшая, непрекращающимися упражнениями, эфира жара сетками рука надала до конца, повелевая.

- На правое колено встать! - наездником, - Руки за спину! - блокируя, - Лежать!

Плоская косая физиономия в паркет влипла.

- Подчинение - залог прощения, - на две ладони приподняв горизонтально, - Повиси.

Широкий махаон вещает, по классу с тетрадкой проходя:

- А_еете на форсировке, будете мочить, рвать на куски, - ежась, - ггрэээкссы! Хоть понимаете куда попали?! - оглядев, - Прощаемый обязан: быть верным Божественной присяге, беззаветно служить боги, умело, не щадя своей души, защищать Чистилище, выполнять божественный долг, стойко переносить трудности божественной службы; строго соблюдать Конституцию и законы Синианской Федерации, выполнять требования божественных уставов; быть честным, дисциплинированным, храбрым, при выполнении божественного долга проявлять рабскую инициативу; беспрекословно повиноваться пророкам и защищать их в бою, оберегать Божественный символ объекта; дорожить пророчеством, не щадя своей формы, не допускать в отношении пророков и богов грубости, издевательств, удерживать от недостойных поступков других; соблюдать правила божественной вежливости, поведения и выполнения божественного преклонения».

Глаза с соседней стороны, под ворсом бежевых бровей, стекающих в подросший и колючий ворс, выстраивают антиподом мизантропные конструкции.

- Наш мир основан на имажинизации, свойственной: нам только, - пауза, слушая, - После принятия присяги, - показал маленькую книжонку, выросшую в столбики, - обновляем память. Передавайте.

«Божественный Устав Синианской Федерации Б.О.Г.», — обложка в бледных кирпича пальцах открывается:

- Настоящий Устав определяет сущность_, - строки.

ТЕО532

Создания, что углеродом и железом мощены, наполнены несправедливостью и болью, товариществом до кончиков ушей полны. Частью потерянного, братства, я - сумерки теней. Вижу в нас сутулость завтра, не замечаю, что теперь. Вопрос решается, мы все зависим Независимые каждым. Счастлив не один. Занятие идет по распорядку, солнцем в паре мертвым. Встаем в то же, коридор. Он стал короче - мы растем. Коричневый песок, обуглившаяся едкая трава, прибитая к земле от прошлогоднего дождя.

- Вперед!! - зовет антиутопия.

Вдаль хаки троп «28»-ой ведет взвод. По левое плечо просторы ковыля, ржавыми штырями колышущегося, правым – высокобольтные гудящие колючие и бесконечные, определяющие провода. Забор тянется, мы в ряд. Защита номер два, как три: не распознать. Круги уриновой звезд бьют по

затылку, движемся.

- Как, бл? - шумят слова, вколовших две трети кубика зеленой вязкой жижи.

Снует сквозняк дорожный, обвивая обнаженных половиной, опухавшейся. По центру двигаю, комплект с тяжелым агрегатом волоха. «728» отбежал от строя, толкает блестящего гиганта.

- В строй! – буркнул, шаг ускорил, опережая идущих мешковины.

Крезиновая палка на ремне, коричневая кобура противоположна тяжелым содержимым в поясе, рядом с ножом, раздолбленным в ручке, спаянным. Промокшие, просаленные ободки брони, позеленевшей, подходят к возвышению. Горизонта нити.

- Стой! - командой.

Забор, гудящий, ответвляется на километры влево, впереди с уриновой звездой, подмигивая миражом; обрисовались свежеекрашенные ворота. Химерой, выпросачиваясь из узкого проема, улыбающийся, сухой, обляпанный засохшей зеленой краской по трусам, солдат расстегнутой брони.

- Ну Ты долгий, – мурча недоразвито, дверь малую в полотне врат прикрыл.

«710»-ый выжженный висок в ударах кислотно-зеленоватого солнца, движение руками, рация:

- 6-2.

- И? – скинул на ходу подкуренную сигарету.

- Все, – почесывая порядковый номер, на турель врат, - Снимай.

Услышали:

- Не_бет! - дергая за резинку трусов, перевалив массу на гладкое от краски полотно, гигант над товарищем прогнулся.

- В прямом! - в рацию, - Можно, - руку стальную молока от резинки убирая, - Все, - в шумы из рации, злясь, повторяя, - Жжпишь?! Шестой открой! - запинаясь, - Шутил, - к резинке трусов возвращая.

ЗРЦ обернулся:

- Бегом марш! Бегом!!

Колесный ход врат приглашает.

- Разберитесь! – мимо тормозящим.

ТР

Ботинки зашагали, красные квадраты, асфальт. Ботинки в ряд. Ботинки левой полупарой к кирке, шатающейся в левом кулаке тупым наконечником, соприкасаются. Трава немного выше по штанине из сукна: кипящая работой панорама, углами, разделенного серым, карьера, дополненная спиралеобразной тропой изрытого и темного заброшенного дна. Гуськом шагая не в ногу и не в такт, уныло следуя, «22»-ой ведет по каменному своду, сверху озираясь. На высоте той, участок за участком каменоломни, тащу на плечах охапкой ломы, сверкая обоими концами, затупленными. Пыльный туман, главенствующий в сердцевине, на сотни

метров застывает. Работа не спешит – торопится. Порода отражает: зеленоватые блики звезд, градиента переходы с пастельного в серость породы. Кратер затягивает конусом перевернутым, желанием жестоко убиваться. Обтянут легким пластом ЛПТ, главенствующей походкой, подхлестывая и себя зеленоватой веточкой, болтаясь флягой на ремне, ведет по отвесному краю отделение за отделением. Бордюр и сетка в метра два, там копошатся черви и жуки: на Теозе - людьми.

- Стоп! Смотрим на меня. На меня! – «22»-ой метнул веточкой, - Вниз не смотреть. Где просвечиваются прожилки, оттуда начинаем обрабатывать. Веточку.

Черные впадины глаз округляются в узкую полосу усталости мономимики лица.

- О, как вкалывают, - конец ветки обрывая, - Тоже так.

Ручонки продолжают имитировать, движения.

- Снимаем корку, до розового.

Стук неуклюжий.

- Работаем и слушаем. Все посмотрели: вон туда.

Повернулся, привстал молча. Веточка исчезла.

- Видите трубу? Что приварена по контуру. Да - вон та! В коллектор, по участкам, высыпая камни. Делимся на группы: носят, другие молотят. Потом меняемся, чтоб не уставать, - прикусив зубами стебель, - Вторые номера подняли руки! Дай, – пальцы на пальцы, обхватив кирку, - Вот так. И-на, по кускам.

Пустые черные глазницы отвернулись, устало, повернувшись вслед:

- Кто руки не поднял - за мной!

ТР

Под потолком звенят десятками пропеллеры подвешенной фольги, вращаясь в тепловой конвекции. Солнечно, пост, прохладно и сквозит в открытых окнах восьмерых, за - пахнут группки, участки серые руша. Они так далеки, стук молотков не слышен. «716»-ый в полосках ссадин за пультом уныло двигает кнопки, рычажки, следя за квадратными над окнами часами зелеными, за рваной майкой. В трех направлениях ходят. У стены «28»-ой в матрасах понуро тянет из скрученной трубы.

- Мылишься? – где-то грозит замедленно кулаком.

- Можно, - дымом, - можно, - на живот.

- Надо, - высматривая конденсат потолка.

ТР

Два - три. Раз-раз, два. Капля растворилась, пролетая с потолка, в мантии глицерина. Липкость дождя в обуглившихся глиняных солдатских кожах смывает ту усталость, готовит для принятия рассудком ночи. Волосной покров волнистой щеткой шевелится миллионами тех капель, волной скользкого. По правой половине фон сжатых и скулящих эмбрионами. Спиной под реагент, струей мочащей, молчит, сидит, скрывающий порядок чисел под локтями. Те стоны, что режут немой, режут сознание; сигналы крику подаются, невнятно ропщут. Мычание, тонуций в ливне глицерина взгляд, приказывает кто-то кончиком ладони. Рука сильнее, не

церемонясь, отрывает от щеки прижатый локоть. Взгляд поднимает угловатый, глядит на статую проросшую сквозь пелену пара. ЗРЦ, отражающих плотностей, в венах вздутых хромированных, пронизывающих тросы мышц, склонил подбородок, держа рукой щеку:

- Нормально?

Ответ молчанием пронизан, подняв взгляд исподлобья, «21»-ый еле дышит.

- Е_нуть? – ладонь краба опускается другая, - Ну? – морщины с носа натянув, тяжел хрип.

Скользит в полотнах глицерина оплеуха. Мощная шея повернута в угол душеблока: трясутся. Свисают струйки с колен опускающихся, присел на корточки.

- Ты, че?! Не гнать, – накатывая гладкой ладонью катышки облезшей кожи глинистой, - Смотри мне, - сдирая пленочку.

Пошел, скользя гигантскою фигурой, отражающей. Углами череп, лоб морща в переносицу под падающим полотном душа глицерина.

- озе, - жмурюсь: печет, холодно.

Закрыты дыры ушных раковин, бултыхаются тональности души раздоров. Слаб, недоразвит, не могу противиться ударам по хрустальной воле. Раскрыться, как цветок и бабочка в одном:

- _ыыыы, саааа, – оскал улыбкой, - за ногу тянет ЛПТ в скользкой глади, - Сушимся.

ТР

- Где есть предел познания? - ТЕО, - где нет предела тупости.

- Где не могу различить вариации способов прощения? - рука права, надавила.

Подчинение.

- Куда скрыть, чтоб не видеть: положено рабом быть, не имея мнений? - пути к прощению.

Куб-помещение нагрето, двое. Качаю ногу, сидя на литом кубе. Узки двери. «28»-ой живот почесывает, накал отражает. «11»-ый в раскаленный пол, не поднимая взор. Сухо, глиной десны трескаются. На кубе, нагретом ультрафиолетом, маленький прототип молочного гиганта стали уготовлен. Полотна инфракрасного в пола черноте сгибают, шершаво. Шесть стен, где здесь двери? Без интима, зона откровений. Три четверти — переливающийся гладко, отражая лужицы миолета от пят до шеи, натирает протодермис, губы натягивая трепетно, стальные зубы выпятив. Куб в кубе создает подобие себя, чтоб наслаждаться вдвойне «Я».

- Шшшшш, - сквозь треснутые поры проникая, не похоже.

Полоски глаз растягиваются с неизменной серьезностью губы, маленькой, сжатой. Клешня ладони плывет по широте спины алой, касаясь пальца кончиком подростшей мочки, в локтях, коленях пряча.

- Хорошо, - дотронулся до крохотных ресниц, потупившегося.

На грудь висок, жар ламп уже не ощущая. Иглы тончайшие со всех сторон в меня так медленно, все глубже, глубже проникают! Налитая лужицами миолета, молочная кожа жалит миллионами точек, вонзившимися, доходя до плотности хребта, укололо в сердцевину. Пылающие прутья мышц трещат разрядами.

- аггррра, - гигант обволок, гигант обогащает.

И свет пуст, миолетовый, пусть жжет и шпарит по моей шкуре - ей тыльной стороной никак, там, где рукой погладив, необходимо постучать. И на большом колючем ворсе, где перемещаются непроходимые таежные леса, в глиняной оболочке выход на: большие круглые кристальные глаза. Ты слушаешь мой стук под ребрами. Кому смирен Ты – человеку, да?! Мы строим сносим грех цивилизаций, стреляя кучно! Уйдешь! Уйдешь со мной, товарищ-раб! Глаза закрыты раскаленной душой, Чистилища лактация через гиганта продолжается, в иглах. Мокрый весь в утрах.

ТЕО146

Спят, старший ходит. Он проверяет, кто уходит в реальность сна, шатает фонарем, в щели дверей заглядывая. Газ усыпляет, заперты засовы. На шее шрам, ожог клейма – «13». Стою, иду, проходя коридор в пятно светом из глубин. Пятно разрастается. Тумба у окна, двойного, шелестом поглаживает ухо тополей листва. На короточках зеленовато-золотистый весь «16»-ый, курится сигарета, ленты дыма.

- Встал? - ключом звеня, товарищ на плечах полосочек золота мертвым безразличием голоса, бычком затягиваясь отрешенно.

Нахмурился, напротив протирается промежность гладкая, щит мышц зеленовато-золотых.

- Пей, – по бедрам ног импульсы гипертрофированных плиток прогоняя.

Бледно-кофейная шея прохрустела, недвижимо.

- Держи, - закрыв тенью фигуры бачок эфира, ГРЗ протянул кружку наполненную, вернувшись восседать на табурет.

Обеими ладонями край к губам, глоток, облизнулся, смотрю на пепел сигареты. «16»-ый массирует пальцами кожу головы, эфир, просачивающийся, втирает. И плен ночи, и влажность губ, вкушающих свежесть, дым сигареты, тополей пух - навевается исследования галактик, не война, за что-угодно.

- Спать! Ушел.

Развернулся, в коридоре пропадая. Нары гранита. Пахнет транквилизатором сна, пушистым, вынужденным. Ко мне полупрофиль закрыт бледно-багровой рукой, частично, широкая душа, внизу «?!»-ого номера в подушке бледных острых волосков череп, майки озер мокрых спина напротив нижнего стека, слюнями отекая, большой бледно-вишневый, пятками торча из-под пледа полосатого.

ТЕО532

Тяжесть газа. Заполнено меж стен им. Локтем нос давит, мешающая обзору лежащего напротив «21»-ого, сухого, граненного краями, местами полосочками серого, на бок, под стеночку, рука. Ладонь опускаю, не доставая проход между нарами. Транквилизатор обволок. Темнеет в глазе левом, правом, замирая чертой

тихо, одинаково, близко достаточно. Дежурный в гамаке храпит, закинув кверху голый зад, а от двери к двери, протодежурный ленинкант, поглаживая шею, штопором застывает. В окошечке дверей возвращаются солдаты бога.

ТЕО146

Не чувствую колена, движения:

- мммммммгыыыыы,- вывернуло наизнанку потом нервов оголенных.

Жилы протянулись, выгибая ногу:

- Тцса, тцса, тса, тцсас, - чувством С9Ф48А, - ыыыыыыы, - мычание.

Вопли побуждают рефлекторно шевельнуть пекущей вокруг глаза пеленой, сигнал отсутствует. Тяжесть сверху, конечности пытаюсь вытянуть из-под ткани придавленной, шевелится, в полоске щели век: «13» - два диода. Стружками металлическими усыпан дельтакубрик порванного матраца.

- Ммммм, - под кожей лопнула стальная кость?

Металл блестит, сверкая слизью, что течет из ран, вокруг корки, ороговевшей глины по углам.

- Ыыыыы, - вой, трепет сторонами.

На воспаленные грани капает, заливает за уши спящего, червонная суспензия. Царапает на верхнем ярусе товарищ вкраплений киновари позвоночник, выпятив живот, отекающий жиром кожи лопнувшей. В горошек простынь - вся в слизи.

- _ваей!

Сирена, расслаблены засовы, с шумом вырывающейся паники.

Чувствительные пушки пальцев прикасаются к лицу. Что растекается по лбу?

- Подъем! – будоражит.

За стенами:

- Лечу!

Душа потяжелела, чтоб не сбежать стала плотней прорастающими в бедре твердыми спицами, скручиваясь колосьями смеси сплава - мышцами.

- Встать!

Кружится слабость, за плиту бедра хватаюсь «13»-ого, выходящего. Каркасы, оплетенные чугунами волокнами, поднимают за живот, крошась омертвевшей глиной в соприкосновении.

- Спится?!

В коридор выхрамывают, вылетают. Оплело лицо сеткой пупырчатой. Нет не со мной, все это, не со мной! Нога вперед несет, из чашечки коленной штырем выпирая, висок «19». Нога не тянется, не тянется носок, армирован, выглядывающий из-под лопнувших потрескавшихся тканей, полукостыль — полукусок чугунный. Сдавлен крик, единообразен:

- _уеть!

Богам приятно любоваться, как мы грыземся за их игры, принимая без понятия:

изначально невозможно, поэтому не правы. Они есть Б.О.Г, око за око, плюс рабская, повинновенческая благодать. Кто выше, тот налево, кому направо - ниже та. Какая разница: кто есть начало, кто завершает ход? И сила по значению с любой из стороны равна. Она лишь с одного конца теплей, с другого - несущественна. «16»-ый младший сержант майку хаки натянув, с нар вставая, быстро устает.

- Все?! - зелено-синий махаон у ГРЗ, - Смирно! Вольно! Смирно! Вольно! Смирно! Вольно! Вольно! Смирно!

В командах завалилось домино.

- С добрым утром, - улыбаясь, - Подъем произведен.

ТР

Внутри гоняется эфир явно, зажаты плитами себя, плеч хаки мешковин диффузия, жесь, дырочки:

- ЗЭТ! - удар локомотива.

Стены нас не бывает крепче.

- Держать! - в фигуру из щитов прозрачных, - Не заваливаться! - «216»-ый тревожиться.

Удар в фигуры стороны, лиц юшка смешивается под касками, череп затягивающих.

«ФМ-2%» - терминал запястья.

Перед волной строя щитов, панорамируя, пучком разогнан «116»-ый.

- Мммэмммм, - под натиском каски бьются, зубы краем выбиты.

ТЕО532

По кругу молимся, не умея, сверху на решетчатой платформе, снизу на коленях, сбоку тех, кто снизу них, единообразно деградируя. Куб плоскостей, не умеем двигаться. Мы стонем, воем и мычим, ощущаем унылой гравитацией на расстоянии друг друга! Уриновое солнце давит жаром, пригибает липкими полями. Не разогнуться. Растущие в костях металла жилы подтягивают супер-струнами, шагаем очень мило, шагаем очень-очень точно, неправильно.

- Горб, держим! Равнение! – плюясь сгустками соплей, «191»-ый подтирает рукавом ноздри, разбухшие в команде.

Мы на коленях, в локте трясущемся, к асфальту сжаты. Лужи пота каждым.

- Да, так! Вот так, так, так! Прямо!! – «16»-ый командует, кричит, превозмывает.

В строю молитв, сбивая с равновесия товарища, «325»-ый падает.

- Еще два дня, - прохаживаясь когтями подошвы ботинка по ладоням, перевернутым.

Так дни идут, шагают, стонут; можем. Хаки-луна сменяется опять. Протопророк по плацу взад-вперед, смотрит под ноги у выпуклого окна минтарета старший папор обвисшей губой, из кружки синей эфир отпивает, под небо, шагает медленно по кромке снайперский дозор. Гипнозвезда лимонная обмахивает жаркими лучами стоящих не оловянными строями. Одиннадцатая, закамouflированная, в утро

превратилась.

За

- Шагом, - закрыв зеленый свет краем брони, - Марш!

Туннель трех полосок вертикальных, лампы из бетона, тяжелым механизмом в стороны заносит. Сигнал по уху звонком. Мягкий шелковистый цвет, едва увиденных, полей.

- Из строя – никуда! - «28»-ой рукой остерегает, подсчитывая.

Запястье прокрутилось под засаленным и жирным рукавом. Мигают красные комочки под кожей треснутой сухой. Где вены полные эфира пережаты в жгут, там азимуты направления отсчета выбирают.

- Стой-те! – сзади тень нагруженная.

- Быстрее, – гигант скривил залипшую под кепи рожу.

Шипение в ухе, тишина. Поля, колышущиеся поля, за блоком двумя поворотами.

– Давай маслай!

Мимо пронесся товарищ «22», легкой брони, укомплектованный.

– За Лепестком, бегом, марш!

Тропа одна для разных нас. По рюкзаку с полу-цилиндром герметичным за спинами среди моря псевдоподий нитевидных, высоких золотистых и зеленых, волнами виляющих. Подковы подошвы когтями в мертвую рыхлую труху, гигант, блестящий хромом, ведет цепочку, посматривая дулом автомата.

- Вфэвкавквкв, - шипение радиолярии, сжираемой травой.

Планктоном небо сыпется. Звезда лимонная потрескивает грозами без туч, штиль. Полет невидимой, не существующей, твари: цепочка продвигается, пересекая разветвленные овраги, перемещаясь в точке «А» из небытия.

- Лепестков! – радаром управляя.

– Да? – в конце строя.

В спинах потеет, обвисая:

- А, бл?! - щелкая перед носом «526»-ого.

- Лепестков! – протяжней.

Вереница медленна.

- Я?

– Жарко? - ноготь потускневший ножом сцарапывая.

- Жарко, - из фляги за ворот, - Фу, бл.

- Увижу без маек, натяну, - повернувшись, издали выглянув, - понял?

В ухе сигаретой ковыряя, ЛПТ облизнул фильтр.

- Лепестков.

- Да!!

- Сигарету.

Овраги появляются волной, стихают, вновь поля. Ботинки продолжают наступать на мягкий и сыпучий кекс. «28»-ой остановился, раскладной бинокль:

- Сдвинули? - рот утирая.

Цепляясь пальцами за торчащие из земли колючие витки проволоки:

- Да, - потом налившийся.

Поднялся в гору строй. Рука под солнцем, пальцев пять. Не начинай опять, молчи, смотри как я. Отрываются глазные яблоки, слезящиеся, с кустов интегральных. Вдали, в кругу троих, махающих большим листом, «22»-ой, обнажившийся, лежит:

- Грррр, - кадыком урчит.

Голень местами язв затягивается, рука такая же, гниет.

- Норма, - сказали, введя по ампуле той желтоватой дряни.

Густая чаща карликовых яблонь плещется в бликах летних. Плоды эфира колючие и сладкие солдаты бога собирают. Синих бабочек широкие желтые трусы, в разрывах протодермиса, налипшие. Подсушиваемся.

- Собираем быстрее, сейчас придет. Вам оно надо? – свернув под голову одежд пух, окруженный веероносцами.

Удар аккуратный, кончиком ботинка в нос.

- Встал! Лепестков, Тебе говорю! – затмил жариле гипнозвезд.

ТР

Где вышка смотровая, втирая отпечатками перила, перебирая пальцами игриво, там не обритый подбородок затягивает тертеола маска, не видеть перемен. Там, считая, высокой точки кратера база прячется другая, сигнальными огнями красными, зелеными мигая, там, дожидаясь смены караула, под золотисто-металлически-сиреневыми меняющимися небесами, снайперы шевронов выдавленных букв:

«ТЕО»

Буря, надвигающаяся, отражается в зрачках, язык нервозно прилипает к небу. Свистящий штиль, под ним, на крышах, черных, квадратных блоков базы корпуса, - пара, загорающая.

- Ззззуубы, - безмятежно отражаясь парафиновым торсом, отекая с плеч округлостей широты чугуновой, тени, облака, виднеющиеся сквозь тонны конструкций, паутиной нависавшие, рассматривая.

- Ну, – растирая покрасневший щит стали живота, - Закурился! - поворачиваясь засохшим, зарубцевавшимся в окислившуюся корку, порядковым номером клейма «242», в полосочках погон кожей золотистой, стряхнул накатавшиеся комочки пота.

- Захвати, - «2»-ой, грузоподъемный, облизнувшись, передал окуроч, бурлящее наблюдая.

- Ты видишь на мне карманы? - следя за постовыми свода кратера, блестящими пальцами перенимая, - или штаны?

«ВНИМАНИЕ!» - звуком.

Треск пробежал оскоминой, гигантский купол закрывается, выезжая из скалы. Вышки смотровые опускаются. Синхронно купола выдвигается, нижние, накрывая друг друга с противоположной стороны.

«НОЧЬ», - из рупоров плаца.

Вечерние, местами желтые, искусственные фонари зажигаются в образ полудремы. По парапетам, улице, асфальту, ресницам и виску, тени ниоткуда. Слышно, ведь они твердят:

«_то не наденет хомут, будет изгнан из системы абсолюта социума»

Другие, нож держа:

«господин имеет силу мщения - умирай в коленях рабства»

Слепая девочка с животным брюхом на картинке подтвердила разумение: «поистине от пророка не укрыть ничто». В сомнениях она увидела, как разрывается под силой стали ее бесплодное нутро, от рук ее же верных псов людей, познавших волю Б.О.Г. Больной, не мой пророк! Не мой отец – я твой урок, сын, закованный людьми. Я создан принести движение мира ледяным концом.

- Умри.

ТЕО146

Плакаты рекламируют нелепые слова, не проверяют, прикрывают убийство, неверного себе любого. Отвечаю:

- Форму создаешь, что в утробе, как пожелаешь, изощренно судьбой даришь? Ты пожелал создать. Но в укор тебя ненавижу никого, хотя ты дал мне имя: Ничего. Я не твоя гитара, струны не твоей идеологии - нем, свистя в лоб пулями.

Дождь бьет о стекло окна в двери.

ТЕО532

- _пятая, страница двадцать семь, - покрытое зеленой формой, плоское, натренированное, первой парты, продолжая лекцию технологии прощения святого бытия, - Открыли. Повторять, – «16»-ый, - Нам боги даровали книгу: понятно, просто, - языком верхние передние зубы облизав, - необходимо, - читая, - и все ждали, пока коснется их огонь, во время жизни Теоза, а вот теперь мы здесь долбим камни киркой. Добудем тонны, – кусочек мела полетел, - слушать!

Читает, смотрит, почесывая левую подмышку.

- _даруешь власть, кому пожелаешь, отнимешь от кого захочешь, и возвеличиваешь, унижаешь, Амах наш, прославлены_.

ТР

Санитар:

- Катализатора эффект, - зевая, - Эуаа.

ТЕО146

Обуглены ушные раковины, грустно опускаются. Сосед по парте рядышком глядит и пальцем в рассыпающейся корочке ноздри сверлит. Лекция течет, утекает. Сосед,

напротив, из-за спины горбатой, повернувшись, таращиться, колючие и блеклые, местами выползающие из корки головы, вычесывает волосы.

- _ ты вводишь ночь в день и вводишь день в ночь, выводишь живое из мертвого, выводишь мертвое из живого, питаешь, кого пожелаешь, без счета! – «16»-ый разминает круговыми движениями шею,- смысл присяги заключается в передачи существования богам, создавших. А на странице двадцать девять поясняется: то следуйте за уставом, будет любить вас тогда ваш командир и простит вам ваши грехи командующий бог. Солдат должен говорить каждый день, каждый час, каждую свободную минуту: "Повинуюсь тебе и посланнику, своему прямому командиру! А если отвернусь... то, вспомню: командующий бог мстит хуярам, присягу принял".

В дверь постучались, громко.

- Войдите! – книжечка на колени.

Ручка двери опустилась, дверь во тьму исчезла.

- Товарищ младший сержант, разрешите войти? Старший сержант ГЛЧ!

«16»-ый вскочил, отвечая:

- Входи, - натягивая показательно уголок губы.

И черный крепостью ботинок ступает за порог.

- Взвод, встать!

Ботинок дополняется. Гвозди разной длины, разной резьбы квазисолдатами. Округлые, в отеках покрасневших, глаза:

- Дежурить! - легкой брони руками опустил ряды.
- Вольно, - ГРЗ почесав карманы, - Пойду пожру.

Отпало ухо впереди сидящего.

- Товарищ, свободен.

- Есть.

- Пошел, - под зад ботиночком.

- Бокс! – стойка, - Раз-раз, - кулаками резво.

- На _уй, - за дверь вытолкнув волной, - Че ржете?

- Товарищ старшина, разрешите идти на завтрак? – двери измучив.

- Иди! – закрывая.

«27»-ой, стирает мел с доски, до середины не дотягивая.

- Бл, - вскипая,- Протрите!

Ты появился черным, белым, серым или желтым, движешься кристальный? Стремлюсь сильнее быть, чтоб поддержать Тебя, когда не сможет поддержать никто. Выжить.

- Что? - папки раскрытые на столе разбирая, в окно поглядывая, - Анатомия? - просматривая каждого, - Слушаем, - присев на край стола, - В числе вариаций

гендерного греха является сексуализм. О, бл, - зубами заскребся, - Что за смешки? – устало поглядев.

Смрад испуга.

- Прощаемый Наркоман, ко мне! – голос трескучим басом поднял в гуще среднего ряда.

Бледная фигура «632», локти прижимавшая, застенчиво поднялась, пугая синими отеками.

- Знаю, - застенчиво специально, - Давай, давай, выходи.

Не поддается.

- Бл, - сжимая кулачки, прыгая, краснея, - Сюда, бфыстро!! _ебу!

Кривой отмашкой зашагал.

- Бл, - на все это краснея, - Сюдддаа, - выставив к доске, посередине, - Наркоман, че ты на меня так смотришь? - глаза округляя, - прото: гомик?

Фигура бледная в класс посмотрела, отнекиваясь.

- Да, ладно тебе, - ближе подходя, веселостью играя, - Нам же интересно.

Замерли.

- Да ничего, нормально, - ладошки протирая, всматриваясь, - Ну!

Ткань суровья потом потемнела.

- Ладно. Смирно, - переливающийся гладкостью стальной, - _бл, - в окно посмотрев тоскливо, - Устав Амаха приводит дюжину примеров развратных действий, совершенных на сексуальной почве, бл, - в папку смотря, - Что-то все переписано, - закрыв папку, - Короче, - серьезно, - Наркоман, - опять весельем наливаясь, - а, ты маленький гомик, - мятый карман защелкивая.

«632»-ой раскачивается.

- Расскажи, я то знаю, - штаны поправляя, - Да мы не будем ругать, - на смешок, - Длинный, сюда!

ТР

Фаза заполненной луны, двадцатая, за ней начать движения. Горбы и ноги стали крепче. Спина гнется, разгибается, в молитвах прилипая в пяти точках дня, часами нашего строя. Ортопедические вставки вылезающей наружу тазобедренной кости покрылись мышцами сплава насилия и верности. Есть новое образование, иное существо, рожденное в неволе, в рабстве, порабощенное прощением во имени его, скрывающее в ящиках богов дерьмо. Обманом пеленаемый и вскормленный корыстью вместо молока, где страх в повиновении зовется верой, принесенной пророком с повелением «единственного», «того самого», «пренастоящего» всевышнего хозяина - нет познания, тревога. Рождаясь, умирая и ничего собой в процессе мира не меняя, ты тот, кто из толпы, обрадовавшись стадом, покладисто смиренно созерцает. И будет так с закатом каждым до зори: фашизм показывает мясо без души, тео - с душой, формирую р-вид логики. Тот, кто кричит:

- _наместник бога, сын богини солнца и луны, - ломается.

Закончилась наивность реализма, в мир просочились мы – солдаты. Ты, как и твой сосед, какой бы книгой ни прикрылся бы святой, мясо врагов, припивая вином их крови, ел!

Дни тянутся.

- Отбой! Подъем, – протопророк.

Тумей 016-ый, задумавшись, не двигается. Альфа-махаон со стека нар под потолком стянул, забрал с собой. Сирена врет. «13»-ый, приоткрыв веко, зажав кулак вслед, почесывается под пледом.

ТЕО532

Стена куска скалы. Оранжевое небо в облаках. Часы в запястье, от жары храня себя. Курит под навесом, смотря под ноги, где монотонная главенствует по кратеру немая суета.

- _вижжу! – младшие приспешники богов стегают перектроплетками на расстоянии шести шагов.

Богам виднее смысл таких работ, пророкам, нам. Большие сильные модифицированные, достигшие предела своего развития и бытия, с презрением кидают взгляд на своего уставшего товарища-раба. Стук-стук, и камень разбивается на острые куски, отваливается, зарастая серостью породы.

- Доведе_, – кричит рот, обросший язвами.

Тук-тук! У каждого свой стук. У каждого свой тембр, куда уходит тишина ударами. Мираж посередине кратера. Эфир из пота испаряется, струясь спиралями, волной. Объект объекта базы номер:

«ноль», - над списком, голограммами.

Протопророк носатый и рябой жует коричневые семечки, давясь горечью. Пост номер десять, пост пять, 28, шесть, 47, тот же до прорези в подушке на кровати, кружки белой, забытой у окна.

- Товарищ ленинант, – прислушивается растянутое ухо.

Маленький губошлеп потягивает за рычажки пульта рабочего стола, уходящие в открытую раму бесконечного пути окна:

- Нет, - протопророк от подоконника кивает.

- Ну ладно, - в неосвещенном коридоре пропадая.

- Не нукай! Все равно не скажу, специально, - пальцы дернули ящик под столом, верхний, - КЛН, ты такой т-у-п-ойййй.

Уриная звезда, дым сигарет, как напрягали чувствительные ноздри, пыль камня, как впивалась в горло, иссушая до конца, так продолжается в пределах кратера. Лопата пала из облупившейся руки, по локоть закатанной мешковины. Тень наклоняется.

«андроцит», - красная лампочка мигает.

В тебе есть сила? И кому она нужна, когда Ты прячешь всю ее, в ботинки, до

конца? То зеркало, куда Ты смотришь каждый день, не собеседник, не противник, всего лишь зеркало, проверь! Засунь всю мощь, что дали небеса поглубже в зад, Ты безразличен к боли рабства, не принадлежащих никому из вас, богов, солдат.

ТР

О, БОГ людей, услышь меня СМИ.

- Раз-раз, - можно?

ТЕО532

Нет света, нет и тьмы — макромиры. Вне пустоты наручниками скованы, припаяны, сцеплены. Сознание приходит, ту пустоту ощупывает, вокруг, но не внутри. Ломит псевдолегкие при мысли. В глухоте слышны шаги, ходят строями. И?! Плечом к плечу, тепло передается, теплом передаю. Две пары алых огоньков. Два номера: две единицы на одном, два - с вне. Звук сырости, капает потолком.

- Хаааааннааа, - хрустящий бас вырвался, рвотная масса.

- Що? Що? Що? – хрипящим твердым шепотом, - Ша! Ша! Ша! Ша!

Ладонь сломанными пальцами прикасается к губам. Красные диоды «21»-ым номером.

- _евнуть, – хрип повторяется, -ха-ха-ха-ха-хатрыхнутса.

Шуршание ответа рукава, устраиваясь, ближе:

- Хаааааааааээээээээээээээ, - синхронно, - грааааааабббббббб.

- Хав-ха. Чьо там? Чье там, моолча?

- Иа?!

Глухой удар во тьме.

- Нээээааа?! - наручники стянув, упав.

Шлепок.

- Шоатак на_й?

Глаза скатились за ресницы, красных два огонька залились под свист и непонятный гул. Тяжесть в губах, ноги в свинец, наручники звенят, создания товарищества. Огни на шее, без имен, в пошлой темноте, в безмерности пространства замкнутые.

- Анэас.

Шлепок, опрокинулось. Звук скрежета замка, дверь покорно в стену отошла. Полоска света, крест. Под потолки решетки, пустого и большого, гигантские фигуры.

Послышалось:

- Бери.

Тени бесшумно наступили в лужи, звеня ключами. Глаз щели, единица за плечом, двойка, упрятал фосфора ожог виска. За ворот рука, сжимая горло, пар испуская сандаловый из растянувшегося рта. Расслабленную душу тащат, след грязи оставляя. Закрылась щелью дверь, вошла.

Замок и петли скрипом пели, вдоль стен тянут фонари под кованным из прутьев колпаком, шумя в той безразличности. По сторонам такие же: диодами пластинок. Стучи ботинок, и качай свой луч фонарь, неси меня щенком, никчемностью, зная: «Зачем Тебе я». Раз-два. Три - фонари бегут, сдают кросс-норматив, синеет кожа на висках, пуская глупый вид. Штанины камуфляжем подталкивают, скидывая в грязь темноты. Настежь засовом пустота камеры. Ну где же ты Лорд гомосапиенс? Ты этим мне помог, твоя нога на спину жмет! Считай: взрываюсь! И центр вселенной, о, пророк, по-прежнему далек. По-прежнему не достигим предел порабощения людьми людей. И это есть нормально, это есть решения, судьба. Людей Б.О.Г, просто-навсего, секач — свинья. Пророк, ты не ослышался, насилуя, до полноты диссоциации меня.

Теперь пусть будет тихо вечно, пусть станет холодно во всех макромирах так бесконечно, пусть все замерзнут паруса, пусть намертво застынут небеса, пусть лед морской заменит область сердца, пусть существую дискретно, где к миру жжет меня непримиримая тупая месть - я защищаюсь, я не раб! Под облаками вечная стена, такая же нами, не больше и не меньше, размером, как ребрами привычная дыра. Я не хочу домой. Я не хочу хотеть туда! Мне некуда идти, мой Дом – война.

ТЕО146

Диван, тарелка и стакан, так нужно по контракту всем пророкам. А мы, кто? Нам хватит и пустых полов, бараков битых и оков. Нам утро приказало - воем. Готовы имитировать чувства в шорах. Диван, тарелка и стакан, так нужно для пророков, чтоб было место богом. Меня воротит от зеркал, отсутствующих снов, создан именно сюда. Высокие древесные резные полки, ящики, перектронники осколки. Диоды без имен, лишь только номера, от единицы до нуля. На лестнице, такой же, псевдодеревянной и резной, у ящика сто сорок два:

- «106»-ой 023-ому, связь, - протрещало.

Мягкая лощеная кожа запястья проскользнула аристократическим движением к ремню, снимая голограмму.

- Сейчас, - мягкие потные губы облизнул маленький гладенький язык, раздвоенный.

ТЕО532

Нет там температуры, где пребывает порабощенная душа меня. Жить учением на Теозе и вырождаться новыми законами материи, пряча в свиток схоластических от масс, интерпретаций достижения. В своей дешевой и лишь временной абстракции: откройте рот, вложите аккуратно Ф-1. Вы любите быть в рабстве, так сосите, грудь, вашего, пресоциального хозяина. Нет холода, где не было тепла, с чем сравнивать меня? Анафема твоего святого бытия: солдат, убивший по приказу внутреннего «Я», каждым. Дыра и пусто, черная вселенская дыра. Тепло - образование киновари виска, не сравнения удара с локтя. Дверь на ремнях, дверь открывается.

- Загрееее_, - не та.

ТР

Без слов, движением брови, Ты ловишь мысль в движении руки.

- Держи, держи, держи.

Обойму новую в пазы вложи, бей не мишень - звезды под иконами. Пророк, мой бог и

мой творец, я присягнул, чтоб принести собой, тебе, чудовище, конец! Часы не перебить. Их можно завязать в петлю, чтоб можно было что-то повторить? Их нет! Дверь проржавевшая отворена, свет на лежащего в пыли бледно-бардового «11»-ого. Низкие стены, потолок, разбитая щека, просохшие и онемевшие от жажды губы, оттенок кожи сменился: на послушный.

- Вставать, - в локте подняла тень черная, гигантская, не наклоняясь.

Оплывшие глаза, с трудом задержан полуобморочный взгляд. Запястья, два стальных кольца, большие пальцы по торсу, за пояс уходя. Жажда ушла, поставлен на ноги в просоленных одеждах бежевого, цепью наручников бренча.

- Че?! – глазами бычьими не слыша.

Дотронься до меня, спичку горящую у скважины оставь, на мир вокруг горящей нефтью озарись, сорви всю злобу, но ответь:

- Над чем смеялись?!

Чуток, не долго ждать, порвется нить, прольется кровь, испачкав нас. Не отвернешься.

- _дем, - и толстых пальцев жгут цепочку прихватил.

Картина плоскостей: ведет товарищ больше на уровне руки своей. Марш желтых фонарей, шаг ровный, три по-меньше, перебежками ступая. За коридором коридор, за дверью жестяной скамья. Дверь номер сто, дверь номер двести два.

- Помоемся, - поддерживая цепь браслета.

Элеватор, в зеленом камуфляже приветливо глядят, пальцы в карманах теребя.

- Спишь, бл? - прилипший в стену оттенками души, как гвоздь у клетчатой двери.

Фонари не отпускают, ловили взгляд, вновь в транс зловещий обрекли. Ст.братья форму «М-1» заполняют, считаю действия зеленым циферблатом на стене. Замазанные желтым овальные часы без стрелок фосфорными точками мерцают. По камере слежения за каждый поворот угла, охрана штрафной зоны изолятора снует без действия. Ботинки без шнурков, цепляются. Проходы между квадратов паянных решеток пола.

- Идем, – сурово дернулась цепь, подтягивая за наручники.

Глубокие округлые и черные глаза следят в полете мотылька, смазанного. Два шага. Стрелки бег замедляется. Засов тяжелый, испачканные фонари, наручники раскованы.

- Намутил? – переступая через лазерный порог, «28»-ой «609»-ому.

И капли тянутся, выпячиваясь потом с щек. Часов стрела подтянута, сбивая мысли с ног.

- Где-т к восьми, - мышцами перекаленными блокированы челюсти лица.

Нога за лазерной чертой. Палец к кнопке.

- Списооооо, - не договаривая.

Дверь возвращается. Моргнули и застыли фонари, перепугавшись вариации. Налево, три ступеньки, пять, налево, прямо, просматривая решетки ям. Я

присмотрелся в угол: под светом желтого луча, свернулся на бок, клубком дня окисляется. Под сводом клетчатых небес замерший слова высшего и чадо, порожденное насилием, костром, отеком синевы по глинистой спине, забит, забыт. Болезнетворный фосфорный ожог:

«21», - горит.

В грязь шлепнулось, глухим стуком ударившись. Свернувшийся клубок на дне пошевелинулся, проворачиваясь: в грязи фляга.

– Пш! Пшшш!! - под потолком в клеточку зов, - Слышь?

В лужах грязи движение.

- Слышь? – повиснув на решетке, «11»-ый протянул ладонь.

...энэ, - из месива.

– Эе, вернешь, – вижу дно скрюченным товарищем, - Слышишь? - высматривая движение виска клейма, - только в руки, - улыбнувшись, - мне.

Чугун лицом на грязный свет. С бровей по переносицы собралось в одну каплю. Скатила с век киновари проступи, спадая за решетку корреляцией. Попало в грязь замершего лица.

- Хxxxxxxxxxxxxx, – бессильным писком.

Полопались фонарей колпаки, задрезбуждали стены камня, сотрясая наросшие слои.

– Хх, - обрываясь.

Приподнимает душу со спины, с колен, т-гравитация. Удар о решетку в суровые ткани, по локоть руки, через клеточку кованную прижавшего. Подошвы каменные подбегающих. Грязь липкая в ноздри, не поддается плетение решетки, продавливая синяками щеки.

– Шшш, - ладонью жаркой закрывая разбитого лица веки.

Три черные крезинковые палки взмахами, удар, толчок ботинка, рывок клешнями за плечи, шлепок в сырость дна камеры. Проплавился кусок решетки, шлейфом раскаленным в кулаке по воздуху.

ТЕО146

Ты самая жестокая звезда - моих побед. Вижу: разлетаются механические сны, превращаясь в тех безобразных тварей, что душами под плотью культивированы, что мне, как друг другу, - насекомые. Что именно спалить на пламени костра, какие книги: пресвятейших, новых или новейших установок? Пришел момент: ответь пророк, не трусь! Тебе уже не защитится толпами, мне не врагов. Ты видишь – я один из них. Я принял облик твоих стен. Я сер. Есть носитель перемен. Насилие совершаешь. Облизываюсь, сжигая, открыв историю замученных не днем, не месяцем, тысячелетиями форм инквизиции, вековых гаремов. Дай поносить твои одежды, дай постучать твоим дешевым золотым жезлом. Кого распяли, пророка? Нет: сотни, миллионы. А сколько вешаешь детей, так веривших в подмогу крылатых канонизированных кобелей? Биологическая масса, путаешь?! Топорщится под рясой у тебя меж ног! И не утихнет моя грусть, и не заткнется моя грудь, пусть прогремят,

перекрестившись в точке, дискретные миры, где не под силу мне вернуть оторванную половиной от ноги! Куда уже ввергать в пучину Теоз, пусть кровью плачут каждые глаза, чтоб понимали: так везде, всегда, где боги, не синхронизация. Теперь я прорастаю в утробе каждого, еще не разразившегося в муках, мертворожденного утра. Теперь я как они? Теперь и мне клеймить себе подобных, как и я, в Рабы? Что думаешь? Не уходи ответом общим, Ты, да - Ты! Ты: «Нет» скажи - я изменю в заботе и опеки мир, давая по частице тем, кто не имел. Скажи Ты: «Да», и я построю тут же башню в рай из их тел, близнецами.

- А-ха, ха-ха-ага-га-га.

Жара, ведь лето просто быть должно таким. На подоконнике горшок, в нем кактус, высохший цветок. Проржавленные жалюзи, по кругу монотонно вертятся на потолке три лопасти винта. стакан пустой на крепдешиневой поверхности стола, капли еще в запахе. Квадрат фигуры, погоны, две звезды. Тумей слушает мелодию гнилой души:

- А — ха - ха-ха.

За окнами оранжевый груз. В дверь постучались, трижды.

- Открыто.

Убран стакан внутрь тумбы у окна. Дверная ручка задержалась.

- На себя, — удрученным видом картонный ленинант поднял с подоконника графин полный.

Ввалился губовислый папор, держа коробку черную.

- Перегрелся? — бегло обернувшись.

- Как? - втянул ноздрями обвисшие губы, усаживаясь в кресло под картиной: «хаки купальщики», - надпись у рамочки.

- Чем? — тумей протер зеленоватой занавесочкой стакан.

- ККК, - 0668-ой достал из кармана брюк платочек, промокая нежно кожу своего лица.

- Умм, угу - гага, - с графином и стаканами.

- Читал по НКТ-2? - искра, запах серы, дым, клубы оседает на бежевые стены.

- Забей, — смотря, как блик ползет по стене, заползает в горшочек колючей лианы, - Выбрал?

- Не знаю, — поправил губу, опадавшую.

- На, - стакан протягивая.

«ин-в_», - на запястье передатчика.

- _изду?! - внимательно в каталог голограмм, - Нах_й, - насупившись полосками лба.

- Возьму, себе, - языком щеку толкая, - _изду, - среди карточек влагалищ, - Магомедов, кстати, с _издой.

- Подотрись своим Магомедовым! - графина сгустки кровавые перетекают, -

Будет в отпуск, - смотря в лучи стакана, - две _изды.

ТЕО532

Режет каплями из труб, приплюснутых. Душа зажата, дрогнешь, вызывается ответ: пинок ступней в грудь, насильственный и неприкрыто дружеский, моральный минет. Ладонка крупная срывает кожицу с висков. Привыкшие к токсичному раствору граненные небесные глаза щурятся от капель глицерина. Наркоз по каждой клеточке, свет начинает нарастать.

- _сышься? - ГЛС отрывает осторожно роговую корочку с бледного черепа.

Ладонь шершавая, четырехпалая, кожи, выкрученной тоненькими эластичными железными волокнами, намыливает. Контроль широты — глубже, дермиса зеленоватыми оттенками, хаки размазанной.

- Так? - «20»-ый сдавил запястье, кусочком губ кривясь, протодермис глины стягивая.
- Вцыых, - капли оголенным чугуном вздрогнули.

Весело грузит бровью, руку убирая, в кадушку вод тяжелых опускает. Шумит дождь глицерина, сладковатым вкусом на губах. Бледно-кирпичная кожа, предотвращая направление прикосновения, литой черепицей уплотняется, отбрызгивая падающие полотна с потолка. Ст.брат сплюнул за плечо, кадушка над розово-кирпичной головой пеной изливается.

- Ме-ня.

Герои не имеют слез, героям не свойственна собачья жалость, ведь они, не рождены жалеть, их создали погибнуть. Тяжелый глицерин пульсирует, ложась стеной на спину, хаки махаона мышц, жил, разлетаясь облаком. Эй, бог людей, возьми момент на свой прицел, возьми на клык еще людей! Направь на стадо всех своих рабов. Давай, мне окажи услугу, будет в самый раз, глобально инфицировать заботой описуемой. Эй, бог людей, уткни толпу в свой стих, инструкцией изготовления оружия и взрывчатых веществ. Массовое поражение.

ТР

А свет не отражается от кованной луны, где воют пленники. Разбужен кто-то, но не ты! Зверь, человек? Сын мира, сотворившего его из всех поступков иже нет, выкинутых с мусором за дверь, создание полутеней, пощечин вместо срезанного материнского пупка, рассадник, место из греха. Душа с порезами, наличием, за не имением сердца, ракового жировика, зашевелилась, развиваясь метастазом прикоснувшейся стрепельки. Грязь, холод луж, леж, наркоз, локация ответному противостоянию.

- Смена! — наверху, за решеткой, расписанием.

В бетонных серых стенах раздирает кожу светящийся неон. Он тянет вялый догнивающий зловонный протодермис, давая волю новым клеткам, мышцам, суставам милитаризма, роняя в сырость старую поношенную ткань, удавом. Молчание, немного еле слышный стон. Кости лопаются!

- Грррррраааааа, - выкрикнул нагой, истатуированный плазмой, чугун.

Писание шрамами читаемы, перцепция долгожданная. Суспензия слезится, раны

омывая трансформации. И номер мой порядковый не затянуть, не перекрыть - два ярких алых крохотных диода сопутствуют рядами. Без паники: мир - войны шутка. Ловушка заперта, я порождение людей, проекция на мнения о действиях пророка, сына, духа, высших животных божества. Я – антибог, я – антисатана, расист по отношению добра и зла, структурная и серая системы единица, похожая на всех, а значит, на Тебя. Тобою лишь я отличим, стандартный для других. В моей груди забит большущий клин.

– Выгрыбыбегрри! - мой камень сердца изменим.

ТЕО146

Теплеет. Дождь уныло моросит. Туман над кронами перектровышек. Перчатки крезиновые глаз с ветвей срывают, в длинный, цилиндрический «ЗЧМ» бидончик, к бедру прицепленный, в прокладку «СДВ-ИФ» опускают. Ладони прокрезиновые через крезин чешут прокрезиновую грудь. На каждом дереве по два, по три квазисолдата защитными костюмами покрыты, вырезом лица плоского стекла противоатеомаски поблескивая. Потеют стеклышком, запах дыхания концентрируя. Перед глазами плывет в пыли картина сада. Табличка ржавая, оранжевая, с кругами, «ТЕЗ». В свистящем молоке:

- _ , бойтесь богов наших! Они сотрясли последний час. В тот день, как нас сюда направили на путь прощения, каждая кормящая забыла того, кого кормила, а каждая обладательница ноши сложила ношу, увидели мы людей пьяными, но они не пьяны. Наказание нас, здесь: б/ч шестьсот шестьдесят шесть. И среди людей бы, - блуждают с мегафонами, присоединенными к противоатеомаскам, фигуры прокрезиновые, - ли такие, которые препирались о богах — мы. Если вы в сомнении о нашем воскрешении на земле обетованной, то ведь боги создали нас из праха, потом из капли, потом из сгустка крови, потом из куска мяса, сформированного или бесформенного, чтобы разъяснить нам. И помещают они в утробах, насколько захотят, до определенного срока. Потом выводят на младенцев, потом — чтоб достигли зрелости. Среди нас есть тот, кто упокоится, и среди нас есть тот, кто возвращается к жалчайшей жизни, чтобы не знать после знания ничего. И увидет тот, кто нарушает дисциплину, перерождение бесплодное. Это потому, что Устав есть истина, и что Он живить мертвых, и что Он над всякой вещью мощен, и что час наступил - нет сомнения в том! И среди нас есть такой, кто препирается о богах без знания, без руководства и освещающего Устава, отворачивая свою шею, чтобы сбить с пути Б.О.Г. всех остальных. Для него в ближайшем мире – погрр, грааах, - запнувшись, мегафон, - Прэк-кха, - фигура наклонилась в кашле.

Яблочко к яблочку глазному, сады, речи впиваются сквозь противоатеогазы.

- Среди людей, - из мегафонов корпуса бронированного, транспорта гусеничного, - есть такой, кто чтит Уставу на острие: если его постигает добро - успокаивается; а если его постигает искушение, он поворачивается своим лицом, утратив и ближайшую жизнь и последнюю. Это - явная потеря, - 0859-ой вспотев чубом рыжеватым, легкой брони, в иллюминатор запотевший, залитый каплями по сторону другую.

0259 в дремавшее око сплевывает, сделав глоток из фляги.

– Ты що, бл?! - из динамиков.

Папор, повернувшись, сквозь щель зубов в лицо струю.

- Ша, бл, - из листа читая, - Боги вывели нас сегодня в сады. Вон, внизу течет. Пророками делаем то, что хотим во имя нашего прощения. Воистину боги всему свидетели, свидетели, свидет_.

Из рупора грузовика, стоящего на краю арматур поля:

- А кого унизит Устав, тому нет возвышающего. Поистине, Амах делает, что пожелает! Всякий раз, как мы захотели выйти оттуда из страданий, нас вернул туда, и... вкушаем теперь мы мучения огня! Тучных мы сделали для вас из отмеченных для Устава; для вас в них благо. Поминайте же Устав_.

Ландшафты, спускающиеся в ложбину сада, мигают предупредительными расставленными семафорами. Горизонты пестреют изумрудом радуги летающих полосок. Туман накрыл заплаканное полотно, покрашенными монохромными разграничительными столбиками. Сквозь рупоры:

- _ когда их бока повергнутся, - читая с пробегающей строки над переносицей противоатеомаски, - _ешьте их и кормите сдержанного и просящего стыдливо. Так Мы подчинили их вам - будете благодарны! Не дойдет до Устава ни их мясо, ни их кровь, но доходит до Него богобоязненность наша. Так Он подчинил их нам, чтобы возвеличили Устав за то, что Он вывел на прямой путь, а ты обрадуй делающих добро! Поистине, Устав охраняет тех, которые уверовали! Поистине, Устав не любит всякого изменника, хуяра неверного! И те, которые уверовали и творили благое для богов - им прощение и достойный удел. А те, которые прилагали старание к Нашим знамениям, пытаюсь их ослабить - обитатели Теоза! Выполняйте же команды, давайте очищение, держитесь за Устав! Наш покровитель! И прекрасен покровитель, и прекрасен помощник! И прекрасен покровитель, помощник!

Рука в крезиновой перчатке, как и грудь, как и крезиновая голова, все движется к обеду, срывая маленькое яблочко с зрачком слезившимся, высвобождая содержимое бидончиков в большие чаны «КР-Ц», загружаемые на гусеницы грузовика. Толпа в кружок, толпа товарищей-рабов. В костюмах из крезины стертые зеленые фигуры друг на друга. Гигант в крезине бьет, валят его.

- И прекрасен Устав, и прекрасен помощник! И прекрасен Устав, и прекрасен помощник! И прекрасен, прекрасен Устав, и прекрасен помощник! Прекрасен Устав, - интернальной связи эхом, - став, став, став!!!

Молчание товарищей за несколько шагов, под низкими кронами. Сорвалась с места, привстать пытаюсь, спины «21» номера крезиновая неуклюжая фигура - перчатка прокрезиненная пружиной вернула. В локте «13»-ого рукава, фигура выворачивается, пытается ремни крезиновые по местам сорвать. Кулак крепнет, по пальцам расстегивающим бьет, фаланги отдирая. Сквозь щель заслоненных рукавов, противоатеомаски: вдали взбешенные товарищи по-мельче, отброшенные, встают, снова нападают на товарища по-больше. Крезиновая крепостью фигура на бок завалила, локтем шею фиксируя, дальше к стволу оттаскивая.

- Хап, ха, хап, хап, - клаустрофобия.

Крезиновые пальцы скрыли обзор суеты вовсе.

- Всссс-хфууу, - синхронизация дыханием.

ТР

Дождь льется с прошлой смены лун. Закрыты купола. Кипят участки, появляется в карьерах андроцит, за окошком минтарета протодежурный, смотря на плацов пустоту, сдвигает занавеску. Пьет из кружки голубой эфир, следит за мониторами, перебирая графики. Кирка, лопата, тачка, уголь розовый блестит, добытым золотом. Дождь продолжается. Ортопедические костыли - кости. Дни тянутся. Под душем глицерина испытываем фазы трансформации. Стон, рев, под острыми пульсирующими струйками дерут друг с друга протодермис, срывая пузырями, показывая миру мышцы, чугунные. Большие лапы Ст.группы «к-2», «к-3» стаскивают и кидают под бушующие струи. Горбы, лопатки острые, кончики выглядывающих позвонков - реальности нутро. Часы отбоем поданы, завернуты в простыни по стекам. В окошечко глядит тумей, гладит промежность, наблюдая:

- ГлаС! – прослеживая в полутьме коридора, из щели двери, лучей движения, - Чувствительность!

ТЕО532

Железобетонный полумесяц в породе черную блестящую кристаллов медленно проник.

«ДЕНЬ», - из динамиков.

Свет звезд обрушился на плац, заполненный молитвами. Все для шагания, памазанья. Ни мухи, ни случайного затейливого сквозняка, нога к ноге, все кто возможен, за исключением постов, строями молятся. Тень проточасти прячет 024-ого. Жестикуляция, поза меняется. Нагреваются ткани униформ, паром со спин, грязно-бежевого, между лопатками обрисовывая озера, солью желтоватой.

- И мы создали этот мир, мы - хозяева прощения, даруемого каждому, кто принимает Писание Устава поклонением. В нас сила, - тумей на платформе с кружкой, тиком дергая глаз в звучание фонограммы, - Вы рождены по знаку и отличию, для каждого верховным богом, установленным!

В плац рядов доносится:

- Равнение.

Два силуэта по локальному проходу. Меткий взгляд.

- На право! Встать! – прикладывая руку у виска, папор 0565 плац квазисолдат поднимает, - Смирно!

Уриновые тени тормозят идущего метаморфозы холодным блеском плазмы. Брони зеленой, «16»-ый, профилем обрезанным, острым и прямым, «2» и «1» по левому виску, смотрящего наискось, приподнимая исподлобья нос, шагают по размеченным квадратам вдоль построения.

- Вольно, – бзыкнул.

Пилотка по лбу на бетон. ГРЗ:

- Быстро, - подталкивая перед собой.
- И мы, – рывкнула губа, опадающая, - даем прощение! Не присягнувший,

преступивший правила. И мы даем согласие встать снова вместе с нами в ряд, - поднята рука, - Горб!

В грохоте попадали.

- И мы даем свой коллектив, - оглядев, - Писанием исполосованный.

Колени наливаются под униформой гематомой.

- Смирение – прямой путь к прощению! Встать! Становись! Равняйся! Смирно! - тише, - В строй.

Шаг в бок, ячейка создана. Нет больше тяжести, агонии пути, прессованное днями, фразами:

- _не по пути

Нет в пустоте ни холода, ни теплоты. Нет перемен в рядах живущих безразличными. Нет завтра, если нет вчера. А есть ли хоть сейчас, когда в нем нет Тебя? Строй шел, строй выл, строй был не в силах мыслить - строй. Есть командиры, боги, командовать толпой. И все логично, но есть «но»: дерьмо, всегда дерьмо, глупцы всегда рабы, и страшно оттого, что этим уже счастливы.

ТЕО146

Дни жгут позор, а ночи рвутся простыней. Кровь, пленка кожи, кости растут, бамбуком сплава выпирая под разным углом. Мне не поможет с тем, с чем я живу, никто. Не нуждаюсь в боге, что водит пред глазами флагом, писанием очередным, мигая как бельмо. Мне нет насилием спасения, и не прощу его. Полон дыр от пуль, как решето. И так живя, остаюсь непобедим:

- С кем биться? - я один.

ТР

Дни принимают пищу из пота и утертых ночью простыней, прозрачных слез.

- хорош_, - интерголос.

А может, сотни все не правильно нутром воспринимают и преклонение, действительно, есть высшая ступень развития, агностицизм? А те, кто попытаются познать, дорога им прямая: в Ад! Должны остаться идиотами массы, провозглашая наивысший ключ духовности, маневрами? И если это так, то все тогда намного проще, и отбирая жизни, велик Б.О.Г. ты. А про таких как мы, речь даже не идет: нет разума, нет памяти, мы – столпы войны! Смирение - рабам действительность. Развертка не в клетках одетых в писанные яркие халаты, развертка не имеет короля, всех, ничья. Ты погаси свой факел и зарой патрон. Не разрушай сознательность форм. Я не был бы рожден, если бы мир святой, был бы таким, каким собрали - изменен! Мы пленники абстракции контроля человечества, диктуемым веками — интерпретацией. Ответ:

- не целился,- плевков с плеча плит тертеола фигура заряженная, вперед подталкивая, отирает.

Меня не создавали боги, меня создали вы: люди. Солдату не нужна подписанная пьяной лапой грамота, посмертно! Брат нужен - не приклад автомата.

- Пошел! - тактильно обходя местами, рука поддала.

В бесцветное полотно пропала фигура бронированная.

- _иш, - из динамиков, - встретите тех, которые не уверовал, мочить на поражение.

- Собак! - локти, - Всех! Шел! - толчок под зад коленкой, - Пшел! - движение повторено вариацией.

В бетонном коридоре уменьшается бронированный строй, вперед шаг сделав.

- Не стоим, - «16»-ой, - проверяем, друга друга проверяем! - ГРЗ нажимает кнопку вызова в стене, - Бегом! - нажимает.

- Датчики! - в шуме, - Бл, Датчики! Я кому говорю! - приподняв, в полотно швырнув.

Светиться — не светиться, в зрачках полосой мигает.

- Резче! - «27»-ой маской череп собирая, обернувшись, - Вперед! — последнего ГЛЧ вталкивает собой.

ТЕО532

Боль в шее, ссадин ноющая песнь, тупая в голове, она пролезет сквозь, уныло, еле освещаемое у зеркала, лица граней чугунного.

- Кап-кап, - срывается с бровей и скул вода, жгучая.

Щетка, сухое жгучее вафельное полотенце, лазерные лезвия. Облокотившись о бьющий перектротоком умывальник, вижу: пласты отеков, деформированы скулы.

- Спать не надо? – хрустящий баритон.

Сдернул покров тишины. Рука застопорилась, недобрив плит щек щетины. Горит, свою работу делая, свеча перектро в ряду у стен зеркал, указывая обнажение широты махаона, не поворачивающегося, в шагах.

- Что тут? – шлепнул по мокрому полу ГЛС, брови смыкая.

Включен висевший у стены колпак. Полосы зеркал растягивают пространство капающих кранов. Четыре пальца смотали полотенце на полку перед ними, продолжил движение лазерный прибор, по скулам обривая сплава поросль.

- _уевит? – фигура сзади заслонила.

Плечо, четырехпалая ладонь сухая, щека обривается. Широки кирпича зрачки, натянуты морщины лба «20»-го.

- Хорошо легли, - пятна камуфлированной кожи, плеч сбитые углы, исследуя порезы, - Что? Нравится берет? - лопаток содрогание в каждой грани чувствую, - Доволен?

В отражении слои фигурами.

- Солдаты - мы, - просматривая царапину щеки, не теряя взгляда связи, - все, бога. Кивни, - за затылок опускающая-поднимая подбородок, - Мы не идем по линии живя, - локтями опоясывая.

Ступни голубоватого свечения сменяют центр симметрии, чугунные приподняты

над сыростью плитки.

- в наших глазах, - укачивает, закатив глаза, товарищ ГЛС.

- Тэниабств-а, - сквозь локти прошипело.

Капля ударилась, попав в дыру стока.

- Что?! - вглядываясь в раны произнесшего лица.

ТР

Ряды стоят, чего-то ждут. Оранжевое солнце парит, палит, давит, смеется тысячами по кубикам перед белой трибуной со знаком перевернутой звезды и полумесяца в решетке, не шевелясь, крестом выстроившись сверху. Все в одинаковой раскраске предстают, милитаризма пятна. Сегодня день поистине Чудесный: признания своей судьбы, признание ничтожества себя перед великим господином богом - министром, шесть сотен шестьдесят шесть, Синиана. Преображения? Да?

- Да! - преобразаемся под действием святейшего Устава.

Количественные изменение перетекли в тео. Преображения, вот это да! Был милый и мечтающий малыш, теперь он – адская машина, мечтающая убивая преклонить, кланаясь стыдливо. Как это превосходно и красиво, остаться без рассудка послушным и покладистым чужим абстракциям. Как это замечательно, проснуться от удара в пах, пророков развлекая, испытывая тошнотворный страх. Как это нужно, оставаться в рабстве, во имени услуг обрюзгшего, но, право, славного.

Из рупора орет:

- Ура! Ура-Ура-Ура!

И набирая грудь, каждый добавляет, пластинку оглушая.

- Сужу Чустулуцу! – синеют глотки, - Ура!!! Ура-Ура-Ура!

Из-под реющих флагов ступают друг за другом фигуры в голубом, со звездами в количестве: «005», «006», «022», «0__».

- Ура!!! Ура-Ура-Ура! - не замолкающее, мотив, заученный вчера.

Шаг кто-то начал, начали шагать.

- Ура!!! Ура-Ура-Ура! – кричат все и шагают, по кругу, желающих пророков справа наблюдая.

Кривясь, смеясь, отдав приказ, они, стоя на подиуме, воздушные кидают поцелую, в принадлежащий только им массив солдат.

- Разве прошел над человеком срок времени, - пучок микрофонов, кафедра: места действия, - когда он не был вещью поминаемой, мы ведь создали человека из капли, - коробкам замершим, - смеси, испытывая его, и сделали его слышащим, видящим, - твердолобый, - мы ведь повели его по пути либо благодарным, либо неверным. Мы ведь приготовили для неверных цепи, узы и огонь. Ведь праведники пьют из сосуда, смесь в котором с источником, откуда пьют рабы Б.О.Г, заставляя литься его течением. Они исполняют обеты и боятся дня, - руки в стороны, - этого, - Они корят едой, несмотря на любовь к ней, бедняка, сироту и пленника: "Мы ведь кормим вас ради лика божия; не желаем от вас ни воздаяния, ни благодарности! Мы ведь боимся от нашего Господа дня, - кулаком ввысь, - этого! - И Мы избавил их от зла сегодня и

дал встретить им блеск и радость. И вознаградил их за то, что они вытерпели, садом и шелком. Лежа там, на седалищах, не увидят они там солнца и мороза. Близка над ними тень их, и снижены плоды их низко. И будут обходить их с сосудами из серебра и кубками хрусталя - хрусталя серебряного, который размеряли они мерой. Будут поить там чашей, смесь в которой с инбирем - источником там, который называется сале-сабилем. И обходят их отроки вечные, - когда увидишь их, сочтешь за рассыпанный жемчуг. И когда увидишь, там увидишь благодать и великую власть. На них одеяния зеленые из сундуса и парчи, (и украшены они ожерельями из серебра), и напоил их великий главнокомандующий их напитком чистым. Поистине, это для вас награда, и усердие ваше отблагодарено! Поистине. Мы низвели тебе Устав ниспосланием. Терпи же до решения Командующего твоего и не повинуйся из них грешнику или неверному! И поминай имя командира твоего утром, и вечером, и ночью; поклоняйся Ему и восхваляй Его долгой ночью! Ведь эти любят проходящую и оставляют за собой день тяжелый. Мы сотворили их и укрепили их целость, а если пожелаем, заменим подобными им. Это - поистине, напоминание, и кто пожелает, избирает к своему командиру путь. Но не пожелаете вы, если не пожелает Главнокомандующий, - поистине, Он - мудрый, знающий! Вводит Он, кого пожелает, в Свою милость, а обидчикам приготовил Он наказание мучительное, - крича, - Ура! Ура!!! Для принятия божественной присяги..

Кипит кожа, плавиться, стекая под броней, морщины оттекли со лба. Предстает мегахрундель.

- Тихо! – протодежурный на толпу.

- Спасибо, может, вы, товарищ папор, покомандуете вместо меня, а я посмотрю, - затащив пол рожи пяточком.

Втягиваются уши, ноздри, щеки в рот.

- Хватит облизывать, - трясая бесшейной головой, - Уважаемые товарищи! Сегодня великий праздник! Сегодня вы принимаете свой долг, получите свои, достойные вас, имена. К принятию божественной присяги, приступить!

Поднимают головы, в коленях оставаясь.

- Послушшшшшшаааааниииииее!!! – гортанным басом, - Путь к спасению. Первый, на_!

Из строя стали подниматься гремящие броней и автоматами, подходя.

- Овалищ генелал, пельвый для плиняти плесяги плибыл! – «335»-ый подошел.

Архитумей приложил к виску ладонь, ответив:

- К плинятию божественной плисяги плиступить, - передавая папку черную, улыбаясь.

На развороте корпуса прихлопнули ботинки.

- Я, ТЛЛ, торлжественно прлисягаю на верлность Чистилищу! Клянусь свята саблюдать божы законы, стрлого выплнять трлбования святых уставов, прликазы прароков и багов. Клянусь достойно выплнять долг грлешника, вставшего на путь прлощения, прлаводя свои дни в смирлении и фаслушании, дабы верлхние мирлы увидели перлемены. Клянусь быть рrrrrрабом, торrrrrржественно клянусь!!!

Минимум действие — дыхание. Бог завладел рассудком свежееиспеченного раба, играя с добычей, Зверем играя. И счет пошел, нас подключая.

ТЕО146

Качают головами товарищи рабы. Свет солнц давит на козырек кепи. «13»-ый плитами граней шеи в строй, не сутулился. Виски его обрity прямо, направления «?!»-ого, читающего вслух приказ, в коленях. Блики от автоматов бьют в глаза. Все присягнули, присягают, закричав:

- Ура! Ура! - пугая небеса, - Ура!

- Для прохождения смиренным маршем!

Блестит раскрашенными лицами шоу-группа, сладкая.

- А-ла-лааа, - юнцы-пророки, микрофоны облизывая, честь отдают в зад, в перед, обеими руками.

Фанфары и салюты, шары красно-зеленые и красно-черные, стартуют в небо, от схоластической земли. И это идеальный мир, с ножом в кармане и последним словом, остающимся всегда за ним: смерть всем в подарок. Ансамбль играет тушь, бог собирает урожай из присягнувших душ. По главному удару барабана шаг, Твои мечты под каблуком пророков, Ты:

- Ура!! Ура!!

Немного антител и вот он, переход на новый уровень, богов правления предел. На переносицу забрался вырвавшийся из-под туч луч, прожектором высвечивая важное пятно, в зеленых касках, тысячами вымазанных в дерьмо, тео.

- Нале-во! Ура!!

- А-Ла-лааа, - юнец-пророк на фортепиано, удерживая глаз, - Ла, - ансамбль.

Строй разделяется на сотни маленьких коробочек.

- Левой!

Зеленый батик облаков плывет, дергаясь в нехватке кадров, заткнутых в горле слов. Ушло сегодня навсегда оранжевое солнце, забрав с собою лето, выгоревшее, жухлое, сухое. Забрало лето тысячи пропавших без вести среди ботинок, уриновое.

ТЕО532

Ты видел все. Ты посчитал, что нужно так, черствея в знак отличия. Ты не предпринял ничего. Ты улыбнулся и сказал: «так быть должно». Ты оказался прав! Ты был всегда умней, и что?! Распределены в подразделение одной и той же базы.

- АБЗ – «М0», - «28»-ой оторвал взгляд от голопалки, - Мне за тебя «Я» говорить?

Одышка, сухость воздуха во рту, стянули губы, стоящего в самом конце, в строю.

- «79»-ый Абза – «М0», - ЗРЦ повторился.

- Ияа, - помято и неважно.

- Абза, остаешься здесь, исправим недостаток.

- Понятно, – ответило робко несколько в строю.

- Так точно! «960»-ый - БЗР – «F4», «778» -ый - БЗН – «F6».

Зрачки не двигались, застыли.

ТЕО146

«?!»-ый среди образовавшейся толпы:

Глазами выше: торс, ткань песчаная мундира поднимается, переходя в бронзу шеи, подбородок, выезженный маленькими кратерами оспинок. Две красные звезды на шее, слева: «033».

- Куда?

- Что? - поправляя съехавшую на бок козырек солдата, титан приблизил дуги черт лица.

- Не знаю, - полнота внимания.

- Что Ты не знаешь? - нагнетая удивление, - ВВ2.

Трещат, закрываясь, купола.

ТР

Нога зудит, от позвоночника сигналы обрываются, без чувств кожа хаки, в ушах свист, меж ребер страх. Глазок видеокамеры шевелится в углу покрывшегося потолка газом. Свет ламп неонов умолкает, зрачки мечутся, сознания теряя. Гортанным хрипом в окружение заполнено. Перед лицом мелькают санитары комбинезонами, к шее прикасаясь:

- Как чувствуешь себя?

Ломают, в грудь плавкого металла инъекция терпимо проникает. Глазок назойливо сверкает, по рельсам крохотным в стенке от угла к углу переползает.

- Чувствует себя, - кивают санитары.

Сини глаза, номер «13» на виске скрывается под шапочкой, санитарями. Тревога, задыхаюсь в неизвестности, в отчете желтых листьев черной папки, заполняемой построчно. Ступни зажаты голые в тиски, в оковы, с биркой номера. Мешки, на голову мешки, на черные глубокие зрачки, зажмурившиеся, номера «11»-ого, под покровами предкомотозной наступающей черты. Кто в панике смеется, кто давит челюсти, кто вопрошающе на санитаря смотрит, внезапно:

- Сааа, - чугунные холодные виски «21»-ые стянулись.

Жало шприца санитар безмолвно глубже вводит, вены вздуты.

- Как чувствуешь себя? - ткань на лицо санитарями.

Игла, пощипывая по краям, рука дрожит и рвет ремни. Кто-то понуро говорит:

- Терпи.

Металл горячий по артериям торопиться застыть, в онемевших кончиках пальцев останавливаясь.

- Закончить, – эхом, - процедуры.

Шаги, шаги, затихло. Тьма и шипение со стен. Газ давит.

- Вы, что все молчите? - слева, - Не молчите? Скажите. Аaaaa! Аaa! А_.

Стук-стук. Пульсация в висках. Стук растворяется.

ТЕО(Х)

Скажи:

- Вся мечта дерьмо, - писание святое требует!

Ты еще раб?

- Дрожи! - Раб пророков, четвероногим сделавших!

Дрожжи перед судьбой, дрожжи: Ты - раб, обязан преданно дрожать, целуя ноги. Трясись и злись пророк, пускай в крестовые походы гарнизоны псов. Я существую вне тебя, о, богосатана. Рисуи холсты войны, тучи транспарантами. Я – грань, рожденная из тени огненных костров императорами, сынами бога солнца и луны. Бери меня, бери всего, бери: я отдаюсь тебе, костью в горле застревая, прожорливое мира божество. Грызи меня всего, я счастлив, раздувая твой живот. Кричи, да хоть рычи - ты погибаешь, разделив. И там, в желудке, превращаясь в сок, я наконец-то проложил миру в осколках любую из, не схоластических, дорог.

Мне снишься.

ТР

<http://www.mutacia.net>

микромиры
//установка

ТР

Товарищ-раб / Милитарпанк

Ночь. Звезды и темно. По улице пустой сношает ветер рваные колеса, разбросанные от сгоревшего авто. А так все чисто: на столбах пустые вывески в кино. А так все пусто, вроде бы: стены домов тонкие, каменные, силой вакуумной срезаны, восьмиэтажные. В ночи лежит с простреленным виском мужчина черной курточки, пузом блестя из-под краев.

- А-ааа, - стон.

Лежит в песочнице боком, глаза открыты серые. Моргание, локтя движения, переворачивается на спину.

- Оо?! – прикосновение к отверстию виска, озадаченно трясется голова, поднимаясь, по сторонам осматриваясь, - Фу, - улыбка, с рукавов пыль сбита, - Прошла. Хеехахаха-хахаа, - Алб, _уки!

Из тьмы горизонта, звездным небом спаянным, во мраке улицы, неслышен шаг, штанинами едва форма очертания фигуры выдается. Хрустят, сжимаясь, костяшки кулака. По вектору бледных зеленых, красных ярких, голограмм сближение.

- Встаааааа, - на корточки в четырех точках о песок в площадке детской опираясь, пузатый замолкает, смотря на пальцы, - Пой..

Носок ботинка, расширяющийся, шероховатой тяжестью фаланги пальцев плющит.

- Аааааа!! - смотря на порванную кисть, приподнимаясь каменной клешней за затылок.

Штанины до колена, плиты брони, ремни, грудь вычурна гранями, торс повторяя, воротник, ошейник с красными мигающими точечками, яркими символами, два серо-зеленых окуляра маски, наводящихся, обтянувшей голову.

- Агагаа, - проямлил.

Кеды болтаются на уровне колен тертеоловых. Физиономия сеткой лазера разобрана. Таблиц символы, пиктограммы.

- Вор? - треском баса через маску прогремел голос гиганта диалектом.

Растрепанный в плечи лысеющего темени, чуть влево повернулся, видя из темноты ломающего шагом ограждение площадки, выходящего:

- Да?

Удар тяжелым:

- Два!

И в темени ночи из мрака абсолютного в руках гиганта слева заблестело удлиняющееся секциями, острыми концами, вонзается в ткань майки копьем, со спины в брызгах эфира кляксами, в ремни стальные, опоясывающие.

- Бп павп. Авпллвп лв ав к е, - гиганта треск.

- Баа ладал даввава?! – не выпуская сжимающееся, - Бада?

Округлены на максимум глаза лица, лентами стальными стягивающегося.

- Греешь?! - вновь диалектом, - Тебя, спрашиваю!

- Оапрооа дбаа! - тельце в комок сдавленное отбирается, - _ахна, - споря.

Тертеола чугуна носок ботинка по нему, в точку голограммы целеуказателя. Чугунным лбом маски отбито.

- Вба! – игривый окрик, наблюдая траекторию движения в векторах хаки, стухающих.

«[ТЕО]БИЕКЦИЯ», - блик переносицы.

ТЕО146

По треснутым швам бежевой глины отскакивает мячиком сферическое образование, поверхностью голографической блеснув. В открытую дверцу растекшийся по спинке аккумуляцией, докуривая в фильтр, в горизонты недвижимым взглядом, чугуном языком клык нижней челюсти облизывая, замер «516»-ого индекса ошейника. Пальцы отлива темного сливового металла подняли шарик, в подмышку тертеола впитывая, вставили. Приобретая плазменные кольца на покрышках, увеличивая диаметры, машина поднимается над треснутой пустыней, срываясь с места шлейфом пыли, столбом, осыпавшимся.

Никто

Рукав, торс: податливым эргономичным слоем тертеол плакирован. Темный перфоремень расслаблен на две единицы, на поясе видна, к бедру прижатая, приподнятая кобура, наполненная механизмом поглощения. Нога перетекает в туго стянутый, двадцатью четырьмя застёжками, ботинок, свисающий с мягкого настила пледа, местами забитый в протектора расслабленные когти, прометаллические, кусками грязи цементита, нервно подергивающиеся двумя — тремя в такте дыхания. Тепло и парко, вспотевшая щека полуперчаткой прикрыта. Зрачки под узкой полосой закрытых век играют в салки. На высохших губах реальный вкус: сухого дня. Звук:

- Хх, - дрогнула диафрагма.

Не видя, захвачено больше дня. Бутыль с водой прозрачен, на дне в осадке желтоватый, сверкает зайчиками, отпрыгивающими с окна. Через него искажается лежащий у стены кровати силуэт начавшим движением.

- Пхк, пхка, - глубок кашель, - Аграа-кха.

Холодным цинкованием покрыт, веки в строках плазмоидов истатуированы, открыты. «2», «1», сопли, зеленоватые, погон, алый крест, звезды диодами на шее, индекс: «РС», - слева, справа: «[]». Перевернулся с живота на бок, застыв в окно.

- Умгр, - плечо кэфир гоняет по сосудам, застывающий.

Рука подтягивает локоть немymi пальцами. Бьет сеткой в бок перектроток. Черты до подбородка жилами, дальше, чистилища слогами выкаландрированы.

«_мена», - на циферблате кулака, горящего под кожей стрелками вен фона исписанного эпидермиса.

- Грр, - поднатужившись, - Гркха.

Пальцы за кобуру. Присел, чуб лысой головы оттягивая. Уперся в стену полос янтарно-грязных, не деревянных. Два стула, три кровати, высокие, местами разнотонные, украшенные резьбой потолки, стол у окна, у противоположной, увешанной плакатами агитационными, стены.

«_каея», - под шрифтом плаката фигуры безликие друг против друга, позами, плоскостью вывернуты.

- Аа, – криво, - Кха-кха, - не разогнав эфир по всем сосудам правой половины, опуская левую ногу, не дотянув до пола, поменяв, - Ка? – подошвы ложатся.

Два шага, перескочив пустующие нары, облокотился «21»-ый на стол узорчатый с тиграми, драконами, выжженными перфоратором, елозя по шершавому лицу ладонями, вытащил с века засохшие пленочки, сорвал. Направо, уходит коридор, звуки рукоприкладства, музыки, сливаясь в дикий гогот.

- Эа, - зевнул и потянулся, дотягиваясь к потолку, - Гм, - хлебнул осадок, потревоженный, прибил сухость во рту.

Поднял с залежалых нар черный кепи, прихлопнув им по левому бедру.

ТЕО146

Другой шаг и другая поступь, тот же путь: по коридору и направо приходится свернуть. Считают пальцы сигареты, карман груди, продолжен шаг, дотрагиваясь полуперчаткой до панели, волосовины задевая ногтем. Нормастеничный стан двух золотистыми полосками погон темной брони хаки плеча, залипший взгляд, исполненный приказами, необходимых, невозможных выполнять.

«КБ2СМ2», - схема эвакуации слева.

Шаг, схема строений переходов подуровня:

«Пч2»

В проступах царапин серого цинка, колючего ворса, дотрагиваюсь до двери ручки. Усталость валит с ног, могу я спать? Подумай, одари меня: чем-то другим, кроме колен сгибания. Дверь в переходы открывается, затоптаны полы. Ступила чугуна подошва, когтями прячась в рисунке протектора. Матовый коридор. Стена с гербом, стена с флагом,

«ПРОСТИ, ВЛАДЕЛЕЦ», - лозунг у двери двустворчатой.

ТЕО532

- _то, как, но, има_, на, фор, ена_, - товарищ-раб закрыл дверь за собой, попав в солдат движений хаотичный рой: что тащат ящики зеленные квадратные, трое с повязками чернил зеленых, помощники дежурного раба.

«разжиженные каменотесы V2», - шрифт трафаретный в шаге удаляется.

К решетке серой, очередей сбитых, подходя:

- Не_уй стоять!

Сопля погон между товарищей с полосочками, изношен взгляд. Шаг в сторону, исчезли, появились коридоры вывесок: «В», «НА». Очереди шаг до выреза в сером полотне:

- СПМЗ, - смотря в погоны «261»-ому, ноздрей рыльца, полуперчатку на лоток, - без комплекта, - плечом от выдающихся стволов влево.
- Сдавал? - за окошечком решетки, в шуме окружения теряясь.

- Не брал, - расписываясь в книге сбивающихся голограмм, под принимающими, отдающими руками.

Проема размеренная суета, хаки пятка снуют туда-сюда. С сегментом отсеченным небольшой участок затянувшегося черепа, твердого, узкоглазого сержанта, комплект, поменьше, полный, запасной, по одному в проем решетки просовывавшего:

- Зайди!
- Что на_?! - сзади.
- Щас, бл! - в спину брони, бока, внедряя, дополняя, в локоть к плитам груди легкой оставшееся сминая.
- ана, касы, авы, - гамом толпы.
- Становись! – напряглись связки в три тональности.
- Зайду, - протискиваясь прочь.
- Зайди, - выглядел: «21_», спины, оторвавшись от голограмм книги, - Пиши! - без действия пятнистому накладывающему.

Звонок, по коридорам побежали, теней в полу отражения. В броню спины впитались, удлиняющиеся блоки, в пояс кобуры.

танцует Господину (Господу)

Двери. Табличка:

«006 ZK»

Полуперчатка темная костяшками подсвечивается кулака, трижды.

- Фотите, – оттуда.
- Дверь от себя толкает локоть в коридор пятидесяти дюжины стульев у стены, проходит, остановился у прикрытой. В щелку: танцует балериной, делая па, «122»-ой, обвисшей униформы ковыля, «_-2» диод ошейника, на каблуке ботинка, другую ногу поднимая.
- Отлично, - аплодисменты.
- Два шага отошел, присел на подоконник.
- Разрешите идти, рядовой ОБС, - доносится.
- Идите, товарищ вафлейтор, - режут слова.
- Дверь полностью открыта, с одной тоненькой полосочкой погон, маленький, худой, глазастький, доволен.
- Привет, Уголек, – покручивая между пальцев сигаретой, подмигнул.
 - Виделись, - морщась плазмы татуированными строчками, - солдатами, - штрихами переносицы, волнами лба.
 - Ха, солдатом? Вот-вот буду апостолом.
 - Бл, - спадая на плечо, нижнюю челюсть подбирая.
 - УГП! - на дверь, такая я же сопля топорщится.
 - Грйа, - ботинок за порог.

За, под столом, из ящиков ламурный капитан улаживает на стул, рядом, кипу красных папок, серых конвертов. Настенные картины привлекают глаз: маленькой слева - двух дырок, большой главной - двух хоботков сморщившихся в дырке, напротив маленькой еще - губ, брызжущих струями.

- Товарищ капитан, вызывали? – не двигаясь.
- Вызывал, УГЛ, вызывал. Упакуй, только аккуратно! Смотри, чтоб не рассыпались,
- из-под стола, - Как спишь?
- Нормально.
- Совсем ничего? – выглянул алыми губами, скрылся, - ОБС другого мнения!
- Рецепторы - третьего, - укладывая в тонкую прослойку на спине брони.
- Врет и не краснеет, - встав, согнувшись, упаковывая стопки, в окно дважды направлением лощенный черный ворс на черепе, с висков ладонями, поправив, - Фу, бл. Только прошлый месяц. Как в гроте? – на стол садясь, - «погрешность 0,05%», - показывая блестящее запястье.
- Без происшествий, - засмеявшись.
- ну да? – щелчком пилотку с края стола на череп керамический, запонки, большие, на кителе застегнуты, по носу чугуна, - такой несерьезный. Идем, - за шею подтолкнув хлопками, - Издеваешься.
- Не издеваюсь, - на два шага расстояния, в коридоре, гримасничая.
- Должность у меня такая: знать, - у зеркала остановившись, пилотку на бок, - Так что, ничего не хочешь мне сказать? - от зеркала «006»-ый оторвался.
- Кокарда.

В зеркало, разочарованно вздыхая:

- Гадство! – герб поправив, - УГЛ - УГЛ, когда думаешь сержантом стать? Да-да, - напевая, - Да-да-да. Так нормально? – сложив ладони, в бронь китель затянув, потянув бровью.
- Так точно, – глазами в потолок, дверь открывая.

ТЕО146

Другой день, продолжающийся. Грудь, не имея страха, устремляется вперед. Ботинок шлеп, другой ботинок шлеп. Штанина черная, шорохом стирается высохшая налипшей грязи клякса. К ремню инерция, выползает по краям обрисовавшего жилета, передавая дальше импульс рукам. Нашивка серебристая черного фона ткани жестяной гербом отличием приклеенана. Волна движения доходит до прижатого, обтягивающего шею ворота, чугуна кожи синева. Движения вмиг прекращаются, карих глаз пара остановилась в горизонта, фиолетовой с красным, узкой черте. Планета близкая спутниками видима, по закату расцветая оттенком миллиона роз, парящим над землей, влажной. Рука из шрамов в переносицу, раздвинув пальцы, закрывает день. Оцинкованы ресницы, закрываются, смывая слезы сна, пушкой стираются. Шлеп-шлеп, ботинки на увлажненную от утренних дождей тропинку наступили вдоль плазменной ограды миражом, чертой пустыря. На шее красные огни, погоны золота исключительности пророками отведенного в

служении пути. Прошла половина, обед забыт, до ужина еще есть час и два. Направо, зная: в облаке, холмами с иглами, еле различима область, не прекращается работа механизма, головоломки базы.

ТЕО532

Другой день, номер ноль, сто, тысяча, вероятно миллион, нет разницы. Сегодня будет очень сыро: осень, чем позавчера. Другой день, еще день. Ботинки наступают в высохшую грязь липкую, ненавязчивую, оставшуюся в пятнышках шагов, рождающихся за спиной, опять, опять, опять. Фильтр сигареты увлажняется слюной, огонь, золотом сияющий, в небе горизонт наш. Дым легкий, пар, невидимо струится из ноздрей, веселя замученный глаз. Носок, на пятке поворот, на расстоянии шести сот шести шагов наросты башен, уходящих над зигзагами стен ограждений, как ни поднять взор.

ТЕО146

А облака торопятся, нам кажется, шагая по земле: молотком божественным прибиты в небо, болтаясь в теосфере. И оттого устроен мир, что вовремя сказать хотя бы о единственном бог не дает. Наверно, из-за этого легко прощаться, любясь в зеркале манерами быть чуткими, заботливыми, плюя в лицо слабейшему. Жму кнопку вызова в стене. По козырьку бьют капли, целясь, с волнистых крыш слетая. Я жду ответ сигналами. Шевелится глазок, и наблюдение дает полезный знак. Забор, бетон, стена, стук изнутри, за кованной железной дверью:

- Чего?! Открыли! – затягиваясь окурком напоследок, светясь полосочками погон плеч, торопит тех, кто охраняет дверь, стоящий сбоку бункера гигантских врат.

Замок, еще.

- Дзззззззз, - пищалка двух мембран.

Звук механизмов, литое с гулом в стены, свет, коридор, персона в панцире-броню, два автомата на ремне, эфирный датчик торчком прикреплен на локте. Арбузное, в полосочку от странного ожога, круглое лицо, тупое, растянувшееся пропорционально.

- Ручник сними, – капли с кепи стряхивая.

Подождешь, – жуя, говоря.

- _бетесь? – за дверью щелкнувшей.

- Ну! – заверещал «2045», блаженно улыбаясь.

В рубку смотровую, пред зеркалом остановилась царапин мелких оцинкованная физиономия.

- Ушел дальний? - сидящему за мониторами.

- Ага, уже, – от турникета, в жевании.

- Нет, - наездом переглядывает блоки «612»-ый.

- Что?! - из рубки в коридор узкий, - Щас, – захватив, горстью достающего из брони кармана ягоды, раскручиваясь на лепестках турникета.

- Держиии, - соскальзывая.

Алые строчки в шею вшиты, тяжелые порядковые номера, нет полосы, две у другого. За выступ с потолка в туман спина тертеола: «21(k-_)», брони нормастеничная фигура, из ламп оранжевых табло:

«ВЕРЕН БОГУ?», - выгорая, - «ЕЩЕ НЕТ?!»

Что есть неловкого? Приходится молчать. Позорней отвечать?! Мой макромир – мораль, раз правила запрограммированы в кость мозга. Не скромно оттого, плевать, на асинхронные законы справедливости и прочего задаренного барахла. Краснеть? Привита перворожденная — не моя вина. Жалеть? В дерьме любая путь указывающая нам рука. Что странного, в том, что мы, да - мы, не собираемся любить дифференцируемо? Мы исполнительные, верные, смиренные, в пределе развиты. Убийство? О чем речь, БОГ! Блага для пророка. Думать? Научена рука: держать ствол автомата, собраны пальцы унять крючок курка, перекрестившись выстрелом: десятка. Не так, неправильно повторено?! Бросают слезы на асфальт, под ноги инфицированным защитной масти существам, те облака, внимание не обращая на заключительный сеанс дождя. Труба шпиля антенны ретранслятора верхушкой из-за крыш квадратных, типографские персоны примера потрепанные серые, стекая слезами дождя, квадратные строения. Мне нравится, лорд гомосапиенс, тебе рабом легко и просто принимать вколоченные муки в мой макромир грехами. Мне нравится в крестовые походы на, тебе неверных, не сотнями, а тысячами отправляться. Раскаяться и снова, снова, снова, во имя господина – убиваться!

Кап-кап, за ворот капли просочится норовят, те небеса молчат. Густой дым клубами выстреливает порции вдалеке, окутывая грозную квадратную с навесом башню, великую, среди шести по сторонам невидимых. Нога небрежно наступает, пальцы фильтр сигареты теребят. Всему место богом, иначе не сейчас: нет выходных, усталости, поработанным волей бога, трансформированных в солдат.

- Когда упадет падающее, нет ничего отрицающего падение! Унижая и возвышая, когда сотрясается земля сотрясением, когда сокрушатся горы сокрушением, и станут рассыпающимся прахом, и станете вы тремя группами, то владыки правой стороны. Что это за владыки правой стороны? И владыки левой стороны, - из мегафонов по углам строений.

Сутулиться тертеоловая бронь, двигается.

- Действительно, - бормоча.

В пяти шагах строй, нагруженный ящиками, трубами, деталями, измазанных кляксами, разводами жирными, темными.

- Раз-раз-раз, - командует рыбьеглазый сержант, махнул рукой.

- Того же, - плевков в бачок мусорный.

Карие зрачки свернули, следя, как беспорядочно гремят механизмами, по правое плечо, где за аллеей стынута выцветшая знамена улочки, размеченной ими, сжал скулы. Их ткани рваные колышутся, еле-еле, не монохромно, цвета крови, тьмы и масок - камуфляжа, заливших все, цвет кожи даже. Ну, а ботинки, им то что, они шагают, им то все равно, кругами даже. Пророки говорят, так просто: «не дано». Куда уж проще быть, чтоб мир весь преклонить?! Куда гнуть пуще спину, когда уже лежишь, вернее лижешь ступни святых начальников, твердящих о конце, но

знающих лишь о своего носа длине?! Щелчок, огонь, сигарный дым бьет из ноздрей ключом. Паучьи улочки длинных высоких корпусов, трубами толстыми. Нога в ботинке повернулась плакаты с рожами героев, беспечно улыбающихся, размытые дождем на стенах, стендах у развилок, проходя. Язык шершавый по сухим губам, вкус частых сигарет кусает неба. Техноангары вылезают из-за поворота: в дыму стоят, друг друга закрывая; между, дважды меньшими, тронуты, открыты. Штанина черная, штанина номера ангаров не спеша проходит: «IE48», «IE55», «IE60», «IE72». Внутри их суэта, ремонт и профилактика. Светло, но фонари жуют гнетущий желтый свет. «IE8M». Ангара дверь малая в большой открытой. Не переступая рельс порог, полу-перчатку в кулаки сжимает УГЛ, вникая в суть авто-слесарных работ. Там макромир по правилам болтов и гаек, искр, огня и жара, горячего такого, с веселым дружным хохотом.

«куришь?», - под номером ангара трафаретом желтым.

Пар теплый, за пределами готовится обрушиться зима, холодным запахом осеннего. Оливковое плотное плечо, замазанное черными полосками «18»-ое идентификационное клеймо, рисованный заимствованием из истоптанного детства и будущих побед, гибрид, чуть обнажая душу при каждом выдающемся моменте, тождественен заклеенный «?!»-ым. Ставя черту, испытываю в этом толк, товарища кинувшего грязную деталь, поправляющего комбинезон мягкой жести синей. Дым, грохот молотков, искры автогенных, шум перепалок и движение просохших ртов. Ты до сих пор втыкаешь.

- Сменился? – два пальца оливковые переместили сигарету с губ царапин, засыхающих, холодных, в пыл испачканных окисью топлива, пестреющих жаром двигателя.

Обжатый паром по сторону порога, стянутый броней, гранью на грани макромира, дальше чем есть, волей потрогать, не смотреть.

- Только, - полу-перчатками хрустя.

- Помятый, - рука зеленоватого отлива чугуна застегнула кнопку на грудном кармане.

- Дальний будет?

- В три.

- А че так? – границу макромира не переступая.

Предельный переход за пояс, за порог, в пространство техно-транспортное, един центр тяжести. Звук - забил гудок.

- Мой, - громче свиста сдавил верзилка.

- На_уй? - в шуме давя.

Слушая.

- Останешься, - глаз протирая.

- На_уй рассинхрон?! - комбинезона лямку поправляя.

- Так получается, - обернувшись, - Заи_али! - подшипник кинув, - Иди это, - стихая грохотом, - Гандрапилу скажи.

- Толку?

- Отоспишись, - смеясь, фильтр возвращая.

- Заступить сейчас не мог? - поглядывая за броневи́к нижней платформы, в искры, дым желтого, чуб прометалла поправляя.

Две капли конденсата опали с потолка на щеки, разогретые. Молчание. Оливковыми пальцами докурена сигарета. Где продолжают рвать на части в ссоре механики монтера, пар облаком скрывает.

- На_уй спать мне?! - лопатками плечи разводя, - Одноху_ственно!

- Будешь, – ромбы глаз приблизились, раскрываясь, - Даже не заметишь.

- _укаа, бл! - вскипая, - Да все нормально! - ежась, - Можешь, не беспокоится, разрешаю!

Ничто не угасает: не горит, ничто и не исчезнет, всего лишь раз проникнув внутрь, куском сознания меж переносицей стоит. Кто не показывает грудь, постоянно о ней думает, либо ощущает. Не видишь – так услышь! Знаю: возможно, каждым днем.

- Вот зачем, - довольно, - опять нервничаешь?

Обернулся, взглядом оббегая по дорожке из волос бронзовых пушистых, вверх, уходя в торчащие щетиной рыжей скулы, титана 033, сзади подкрадывающегося между стеной и бронетранспортером. Оливковым товарищем почувствовал со свистом кусок арматуры над макушкой.

- Ауи! – «18»-ый обернулся.

Большая фигура медленно синим комбинезоном стремительно давит меньшую, заминая.

- Ну? – хрипом недовольства.

Цвет карих глаз трижды отразил болтающих фонарей всплески, гора силовых плотностей бронзовых рук давит товарища, играючи замесами, к борту брони каркаса, отсеченного.

- Ауи!

- Где должен быть РТТИ? - шепчет титан, постукивая оливковым затылком по броне, диким безумием опекая.

Туман искр, дым, пар, жар, грохот варящегося между гаечных ключей металла, шум музыки.

- Товарищ, ленинанти, – повязанную папку из брони вытягивая, - Расписовка!

Разгоряченное пунцовое лицо, на половину выжженное оспами, подавшему слабые признаки:

- Сиди тихо, понял? - маленькие ржаные глазки возгорелись адским пламенем садизма, - дай этого гада помучаю.

- Ээээ, - прохрипел обездвиженный в полосках черных масел, поверх комбинированной синей униформы техно-транспортной.

- Гррр, - помахивая листом скрученную папку.
- Иду! - гиперрука ослабила, - Сидеть.
Фигура сделал шаги. Лязганье шестеренки.
- Сюда! - смех, - КВЧ, ко мне.

ТЕО532

Багровые, тигровые заполнившие небо тучи свысока удаляются от перехода мостиком локальным подуровня:

«И702», - затрафаретчанным в стене отеков.

Фигура тертеола, отчет Хозяину в чернилах грязных капель дождевых ведя. Передвижение, сутулясь, ворот поправляя, стоящий в заменителе крахмала, пуская сигаретным дымом из ноздрей, товарищ «21»-ый в бетонном блоке, в полосах дождя и света сверху включающихся фонарей, закручивая в шаге по лестнице наружной винтовой, стуча подошвой по решетке мокрой.

- Связь, - черная перчатка с обрезанными пальцами сжала.
- Быстрее можешь?
- Поднимаюсь.
- Кххк. Кххх, - прокашлялся ответ, - конец связи.

Подошвы отмеряют по ступеньке узкого пролета, над головой достигнуты три желтых колпака, соединенных воедино, под кожухом большого лестничного фонаря. Готические потолки: покорились обои от света желтизны, высокие бронированные тонированные окна, притягивающие последние лучи заката макромии минтарета, лучей нагруженной звезды, пульта управления голографических объектов, прыгающих, три стула свободны, пар легкий, кружки на столе. Броня приблизилась к центральному пульту мышц черной униформы. Гололисты журнала, изображения людей полуперчаткой перевернуты. Отпиваю из кружки, взглянув на терминал, шею почесал. С ремня винтовка, постукивая дважды носком ботинка по крайнему, левому, второму снизу, ящичку. Глоток больше:

- ммнгы, - губы кусая.

К окну боковому, с зеленой кружкой, не оставляя за приклад, смотря в туман: тускло-горящие башни, разбросанные кратеры дырами пологими, шпили ниже; прищурился: квадратные бесчисленные блоки, друг к другу спаянные базы, капли росы снаружи стекол, скрывая жителей милитаризма.

- Шир! – стирая колечко, оставленное, липкое угла стола дном кружки, за книгой наклоняясь к выпрыгнувшему из ящичку.

Оглянулся на гул стен, тишину, потягивая винтовку на ходу, устало к тонкому лучу, плоскому в правом углу коридора приоткрытой двери. Остановился у окна напротив: продолжают шпили башен горизонта, смазанного полем, минтаретов в тумане блеклом, вдали комплексов, окруживших. Щелчки, авторизация, моно-мелодия, подсветка синеватая тускнеет, голотабло:

«СМПП. 21(к-/ПС1. Зр ~ 15%. Дл = 6», - в ячейку укладывая комплект за

комплект, пенал, пеналы.

- Твари, — к двум коридорам.

Налево, дверь открыта, прямо и опять туда. Двери в полукруге. Ближе, таблички: «КРС», «РТБ», «РТА», РТУ», «ОР_»

Дверь крайняя открыта. Коридор залит желтой подсветкой тусклой.

- Да-да, — голос вывалился, - Сюда!!

Сквозь линзы очков дверь открывается.

- Товарищ половник, разрешите войти? — нащупывая светящимися татуировками выключатель.

- Разрешаю.

Лампы настенные полосками белыми.

- Эгреее, - жуть мучения прикованного к нарам у стены дымом аппарата, свернутого, курения, - Бгрээ, - сквозь очки дорыкнув, - вольно, - со звуками слов дым выпускаю, - Держите, - ловким па прибор передавая.

- Вафли, - зажав в руке воздушный аппарат, дымом смол наполняясь, - не представляешь, - напас, глубочайший.

- Что? - лежащим, упираясь головой в сейф, длинным хитрым, держащим между пальцев трубочку, - А че?! Вполне, - огонь пальцев выбивая, трубочки конец запален.

- Ссссс, Кххх. Кхххххх, - морщась от давления в груди, - Обсос получил соплю, - кривясь, - кто заступил? - по плету, аккуратно застеленному, разминая в легкость бронь.

- Бл!! - «77»-ой в линзах вострепнулся, - Ебст, - за порог кидаясь.

- Ну, — передавая.

- Пама, - подрываясь в коридоре, - зсс.

- Ааа, - коробочку, примеченную под товарищем, в карман локтя, вновь из кармана, в аппарат смол, верхушкой королевской, в карман штанины, губы закусывая, - Точно, - затягиваясь.

Перекрестный изумрудный циферблат прибитый на стене мигает, ужасающе.

- Вниманиээ, бл, - на лапку микрофона нажимая, - Внимание! Азан. Готовность: минус три. Командирам приступить к проверке личного состава.

Господин

Стук в дверь. Кивок. Рыльце мажора показалось, слезившееся. Из окон дуют ветры, теплые. Заточенный под звезды генерал, нос втянул, перегородкой изнутри почесывая, слипшейся. Главнокомандующий, по жилистым крученым шейным позвонкам перебрал, глотая кадыком, гипнотизируя, за воротником концом с резинкой зеленым длинным карандашом, почесывал. Касаясь стола пальцами, с листочком маленьким уход квадратной головы пророк 0279. Из окон дополняет панорама шпилем, еще семи таких, размером меньше, кратеров.

- Менять. Что ты еще не понял? Я же сказал: всех свободных — двигать, -

пропечатывая стопку листов, покривился, поглядев в окно.

Стеклом движется.

ТР

В окне буквом очередной волной льют дожди осени. По крышам, квадратных, разных высот зданий, тонны зеленой жижи обрушиваются. В партии лета появился, в партии тепла. Не говоря ни слова лето осень утром нам оставило. Ноги в ботинках к дождям привыкли, выйдя из жаркого утра. Ветер холодной тоской навивает, за пояс приходя к ночи снами: видна домой дорога, больше по распорядку унижать во имя господина, БОГ, 2Е8, ДАКС, лорда, не приходится. По длинному побережью крыш, отстроившихся на высоте, край охраняя кратера, на горизонте шпилей, вереницей опоясывающих, в одном из построений, выглядывающим скрытым постом наблюдения, в окно, застекленное плиткой полосатой, бьется дождь, пену на стеклах оставляя. На подоконнике, присев удобно, раскуривая несигарету, черных тканей соплей погон зеленоватых, снайпер «21»-ый, в шуме ливня грусть оголяя, законную. Рядом за стенами и коридором, в части поста, в уютной комнатенке, трое товарищей, сидя на нарах мраморных, играют в азарте, пьют из жестяных кружек вываренный эфир, коптят потолок сигаретами. Усталость душой вечная.

- _мпфы с тобой фибли разные, - трещит радиосигнал, - фшшвшдной воды фшшш слезы облшшш, - доза по перепонкам перадации.
Морских волн пена пузырями в окне потолка.

ТЕО146

Сушатся броней, в зеркала смотря коридора, вбежавшие товарищи-рабы, отряхиваются. Не прекращая, в песках пустыни ходят караваны, солдатами. Замазанные акварелью зелено-голубой внутри тех домиков полы, залив паркет жижей, увязли в ливнях штанины, вплоть до колен, обмякшими.

- Отбой! - согреться.

Сержант младший оцинкованный «?!»-ый в ботинках ног, а не сандалий, в дверях, где-то за: дежурные, помощники их, за мониторами спят сладким послеобеденным глубоким сном, расслабив ворота, босые ступни бледные в пальцах растопырив в стороны. Солдаты грязные в крови, по униформе кляксами залипшей, ходят строями, разоружаются, вооружаются, ходят строями.

ТЕО532

Вечерний день принес смену дежурств. Пост смотровой. В рубке закинув пятки босые на стол, в каркасе кресла оборванном, единственном. Дождливый день наполнила жужжанием зеленая трубка аппарата.

- Вахта СП.3.2. Раб бога УГЛ_.

Из трубки заурчало.

- Караул, - трубку от уха, - Что Бирку не знаешь?! Отпускать? Есть. Проверил. Понял. Чего он хотел? На ужин надо менять. На связи, - замотавшись окончательно в проводе телефонном, не торопливо эфирные сгустки с носа утер, остатки от дорожек бурых под голограммами, обильно обслюнявленным пальцем, уничтожил, - У-гу, - по деснам поводя язычком, причмокнув, - Бегу.

Туман собрал в себя пролитое за ночь в подушку, незаменимое с утра. Туман скрывает небо, два.

ТЕО146

Штанины черные оперлись о бетонную стену. Слякоть в брызгах из-под подушек плазменных броневиков автоколонны, сигарета не в дыму. В золоте погон слежу за караваном, мимо перемещающимся к контрольно-пропускному пункту гигантских врат шрифта: «В5КППЗ». К губам прижата рация, на вереницу, сопровождающую автоколонну дюжиной, глядя под ноги, вперед: где замедляет шаг.

- Проверь еще раз, - и медленно кнопку отжав, прохрипел УГЛ, подтягивая нервно щеку, - чтоб не искать!

Запястье оливковое поманило, гневно жестикулируя, не отпуская стоящего по другую сторону движущейся колонны броневиков, прихрамывающего:

- Быстро! – «18»-ый укомплектованный кричит.

От уголка к углу переходя, смотрят пылающие холодом глаза. Страшен след их немного безразличия. «404»-ый долговязый паучьими шажками подбежал на фоне камуфлированной обтекаемой брони, широких черных рукавов, штанин, едко-зеленых полос ворота, копаясь, передал.

КВЧ прокрутил колпачок рации. Автоколонна разделяет в шуме лужами.

- Нет. Кажется, - ответил в пыли.

- _добиваешь_, - сигнал прерван, - _шшшсаа_.

И третьим слоем тертеоловой брони обрастая, «?!»-ый бронь волнами поправил, ежась, отворачиваясь вдоль бетона стен, в противоположную сторону движению машин, скрывая губы за локтем, в рацию:

- Прощения, - скулы сжимая.

служу Господину (Господу)

Меняется сосуд, переворачивая капсулу с песком. Строй вереницей во главе пророками, топчет пустыню хаки. 0101 по шее у ведущего к пустующему горизонту. Он смотрит на запястье, не стягивая рукава. Карта топоэфирная на мониторе крутится в точке движения. Безумие тождественное рациональному складу ума. В зрачках полосками сверкнуло отражение целеуказателя.

- Взвод! – не замедляясь и не оборачиваясь, - Ускорить шаг!

Сменил момент окружение, точкой перебравшись, назад след. Солнце наполовину закатило за линию холмов. На протеватеомасках безмятежных улеглась обязывающая злость. Всем, каждому, ТМ - составом, программой нейро-лингвистической к горлу подкатило:

«убить», - желание.

Слева от строя, в кепи маску превратив, команду ожидая, бардовых скул хозяин, клейменный двумя единицами, хрустом костяшек пальцев намагниченных, с двумя полосочками золотых погон на латах стянутых широтой брони, смотрит исподлобья на 0995, синхронизированный.

- МТЕОХN2, за мной! – 0996, повернувшись мордой в тени заката грязно-желтого, командует, отделяясь автономной группой, - Занять позицию!

Прищурив оба глаза, тумей 0101-ый оглядел, отвлекло внимание.

- Понял. Связь, - рация исчезла, - Взвод! На позицию, бегом марш!

Микромиры полны чудес. Микромиры полны чудес? Микромиры полны эпох людских, единственных, правильных умозаключений! Город. Закат на ратуше площади тысячной, сотен серых силуэтов столпившихся. Каменные стены трехэтажных башенок, домов и лавочек. Каменная мостовая, телеги припаркованы заблаговременно до, выкрики толпы:

- Ведь-мы! Ведь-мы! Веееедьмаааааа!!!

В хоре довольные на пламя синего костра в поднебесье уходящего, скандируя, таращатся, проекциями грязными в стороны хлещут, серые мутные фигуры наброшенных тканей на лица искаженные, опухшими глазницами, с прогнившими ноздрями бледной трепонемы.

- Хибж-ра! Хиб-жра! Хииниибжраааааа! Хиб-жра! – хором яростно, желанием наполненные повторяют, в повешенных детей одиннадцатилетних, серыми мешковинами одежд своих обмоченных, шатающихся, по десять на стропиле.

Стража серая, в затравленных узких щелях глаз, с крестом на свастике груди. Бледная дорожка по ступенькам под навес каменных статуй фасада замка. На троне, вынесенным, серого дерева, в грязи бежевого парика, сидит, задрав ноги, монарх, по левую ногу епископ с замотанной серым головой, с ухмылкой на лице, по правую - женщины без одежд, с чепчиками на высокой, с бегающими серыми клопами, прическе парика.

- Отступник! Демон! – толпа не унимается, радуясь, подкидывая в костры механизмы деревянные, стекла, пробирки разбивая, - Антираб!

Сквозь серые фигуры проходят опоясанные невидимостью тертеоловой брони, с «АПх5» автоматами в хребтах спин, в маске литой и чугуна тяжести ботинках на двадцати застёжках, солдаты бога мира «б»б»б», втыкают в толщи, размытых акварелью булыжников домов, с хрустом выкрутив, моргающие красным колпачком, шашки. Солдаты лезут на полуколокольню без двух стен изнутри по лестнице. Сквозь синее пламя костра проходит ленинант 0101 безмятежно.

- Не верный! – толпа ликует, - _аааяаяя! - на плаху с обезглавленными трупами, прыгая, смотрит, вождельно рты гнилые разевает, - Хауааа!!!

Волна факелов качается руками. Палец пророка на мониторе голограмм переключает:

«модус_»

Искрами обдаётся с самой подошвы ботинка до черноты берета. Искры по точкам площади, толпы. В толпе местами серые проекции разорваны.

- Аг, - лицами растягиваются.

Ботинок грубый, плотный, квазиметаллический на алую дорожку по ступеньке поднимается. Ствол пистолета высвобожден продолжением руки.

- Стража! – пищит монарх, - Стража!!! - пальцем указывая, - Стра! А! А! А-ааааа!!

Навстречу спускаются мушкетеры, изготовив шпаги. Улыбка снисходительная очередь на: поражение, в лохмотья выбивая эфирную массу из ничего не понимающих, невежественных проекций в шляпах. Пули бога, пули идеальные, теодостижения, крошат с крестами на груди, не разбирая. Дорожка алая приближает наступающий ботинок к трону.

- Стра!!! – качается парик, - жа-аа-а.

Удар шпаги по плечу, плитами утяжеленному. Два белых шара глаз смотрят, следа не замечая на броне черной противника:

- Нграаав, - направлен в голову ствол квадратичный, очередь череп в шляпе серой с пером снося.

- Оуууу! – в трон прячется монарх.

Застыла социомасса:

- Уаааа.

Сплавом лицо орехового отлива в рассвете грязно-желтого солнца, командира теовзвода, берущего голову короля, ладонью за горло выдержав, не смотрит на меня!

«тетаэфир — 17%», - запястья голограмма.

Хаки рукав пробивает грудную клетку серую ударом прометаллического кулака, за ребра захватив, на две части растягивая проекцию существовавшего сознания. Двумя, попеременно, с полуколокольни обозрение: частями уходящий стенами город, срезом продольным, раскладывая механизм длинным наконечником, в крест на куполе пробитый выходя, из окошечка выглядывая:

- Птицы-ЭШ2 – РБМК, - рация, - ТМК установлен, - отталкивая от окошечка безухого, - Понял тебя.

Око пророка повернулось в сторону за трон спрятавшегося, дрожащего епископа. Тумей наводит сканер:

«присутствует дерьмо», - проблескнув, - «внимание»

Бровь приподнял стоящий за спиной тертеоловой спины 0101 пророк 0996, довольно улыбнулся, трон в сторону, за ногу проламывая голени кость, епископа по лестнице вниз тянет.

- Оу! – ярость свою куда-то подевав, толпа смотрит, как к ним идет светящийся гранитными плитами по торсу, с оружием божественно-дьявольской руки.

Солдаты из-под касок. «25»-ый «627»-ому и «281»-ому:

- Пачки, - бинокль готова.

Пророк 0995 хватает за плечо епископа, черепом отталкивая в подбородок:

- Намата! – закричав и надломив с хрустом позвоночник серый, сжирает в локте не отдающего 0996, ребра проедая, эфиром пачкаясь, гортанно проплеываясь, - Рааа прррррааа.

- ААААаааааауу! – толпа ревет в панике.

Очередь автоматная. Старухи, мужики, стражи, мушкетеры - серые проекции, кусками разлетаются в выстрелах.

- Птицы-ЭШ2, – «63»- ий передает, - Линия замкнута.

Вспышками.

суд Лорда (Господа)

Стены вагонки, натянут серым потолок, просторный зал на шестерых, клетки, крепче нельзя, двух сторон открытыми дверьми, ожидая дорожкой, возглавляющей. За литым столом кресла. В черных костюмах строгой униформы, в прическах одинаковых, на лысых головах, звезды огромны плеч. На стульях у стены солдаты бога, три. Сильнее трижды осветили зал потолочные продолговатые лампы. В дверь слева вводят опоясанного сталью из груди насквозь, меньшим. Сменяются парами солдаты, заняли места у клетки, вталкивают сушеного, рахита головы, помятого мужчину серой тени, потертого.

- Встать! Суд, - 0047 слева, со стула не вставая.

Машинописью пальцы по чистому листу стучат напротив троицы монохромной униформы кителя. Стоим, тройных плеч звезды в линии одной, единственной спины. Вращают лопасти на потолке. Ультраправый судья, тремя пятнышек мешка глаза, из голопакки:

- Урел Страшный Жутко.

Тишина. Судья, ультралевый, пренебрежительно взглянул, пах вдавил к горлу.

- Я - надо отвечать.

Смятое покачало черепом, промямлив:

- Агалаага.

Центрового судьи голова вернулась к рассматриванию маленького галстучка:

- Продолжайте.

Ультраправый:

- Так вот, - впиваясь глазками в скрючившегося, - Убийство тридцати девяти человек. Применение пыток. Причинение тяжелых телесных повреждений. Убийство трех собак. 460 актов изнасилования женщин. Двести один случай изнасилования подростков. Поклонение истинному богу. Спонсирование строительства храмов истинного бога. Улучшение доступа к истинному богу людей. Во имя Амаха милостивого, милосердного, статьями 213 ч1. ГУС п.3, принимая во внимание облегчающие факты преступлений, Федеральный суд Синиана приговаривает Вас, Урел Страшный Жутко, властью Амаха, к заключению на Теоз сроком в жизнь, в качестве представителя торговой марки «ИПЕЯ». Поистине, Амах знающ, мудр.

Судья центральной:

- Решение суда не подлежит пересмотру, - удар молоточка, - Приговор вступил в силу.

В руке 0035 штамп, повеяло вонью справедливости. Открылась форточка решетки, всосалась голова, со всей силы печать залеплена в лоб, цифры штрих-

кода. Дверца открывается справа, четыре хаки камуфляжа выволокли, взмах лопастей подпотолочных вентиляторов, двери закрыты, узорчатые.

- Ходи, - ультрацентровой, десна верхних резцов из-под губы облизывая.

Среди спин брони прихрамывает старикашка, в длинном. Резные толстые двери раскрыты, яркостью поглощая.

- Встать, – тумей 0097.

Обмотанный, стальных полос скованный, влетает за решетку. Скамья, удобней, младший сержант «7» покрутил унылые зрачки. На мужичка с бородой длинной, ламурной, ультралевой судья ровно:

- Силох Палумадхи.

Из клетки, задыхаясь:

- Иааа.

- Силох Палумадхи, убийство трех миллионов людей, разрушение 20 городов, посредством тактического ядерного оружия, организация военных формирований, казнь шести тысяч женщин, накалыванием на половые органы. Так?

Стенографист 0997 вниманием.

- Да, так, - старик-бородач, - Во имя Б.О.Г!

Судья центральной прищурил оба глаза, прокуроры.

- 182, - накуксил нос судья ультраправый.

Сзади решетки между товарищей «13»-ый кирпичный:

- Гонят.

Старая социомасса в клетке за грудь от стержня, ноющего, держась обеими ладонями, злобно оглянулась.

- Палишь? – прикладом сквозь решетку в лоб.

- Силох Палумадхи, во имя Амаха милостивого, милосердного, принятой статьей 182, безусловной, Федеральный суд Синиана приговаривает Вас, Силох Палумадхи, властью Амаха к отбытию одного срока на период восьмидесяти четырех лет на Теоз, в касте правителя Ибанской республики. Решение суда не подлежит пересмотру, - молоточек, - Принято. Поистине, Амах - прощающ, милосерден.

Форточка клетки заскрипела, шуршание пророка-прокурора, шлепок на лоб штрих-кода. Дверца без скрипа правая отворена, конвой увел осужденного.

- Суд, – кружится в голове команда, - Встать!

- Альберт Иоханович.

Литые губы белого сержанта на ухо:

- Хочешь посвищу?

- Создание и пропаганда логической деятельности, антибожественной. Генератор

греха. Отступник. Жизнь богохульника. В ней не было наивысшего ключа контроля человечества. Так?!

Взглядом, испепеляющим, центральной судья, пуская ручеек по лбу пота, вмял рот лохматого, заросшего патлами серых волос огромного черепа, в сюртучке, подштанниках.

- Ммм. Мммэ мммм, - пытается пробормотать.

- Альберт Иоханович, во имя Амаха милостивого, милосердного, статьями 282 ч2(а,б,в), 283 ч2, 280 ч2, 277, 275, 148, 130 ч2, 129 ч3, 207 ну и все, ГУС, Федеральный суд Синиана приговаривает Вас, Альберт Иоханович, властью Амаха к отбытию трех сроков на период 60, 70, и 75 лет Теоза, в касте инвалида, имбицила, богомола. Поистине, Амах уготовал неверным унижительное наказание.

- Ааа?! – губы в юшку синюю порвав склеенные, в клетке то перекошилось.

Судья ультралевый:

- Решение суда не подлежит пересмотру. К исполнению приговора приступить, - такт удара молота в руке хуятола.

«13»-ый вздохнул, дыхание задерживая.

- Ныыыы!!! – из клетки.

Дверь левая раскрылась, громко, шуметь перестали подпотолочные пропеллеры, лопасти подгибая.

- Суд! – прокурор, за женщиной молоденькой, в серой кофточке, шортиках, наблюдая.

Четыре сильных клешни рук впихнули в клетку, валяющейся на полу оставив.

- 122-ую, - на ухо ультралевый.

- Уже была. Ходи, - просматривая гололисты.

- Вероника Петровна, - кивая, - Можете не отвечать. Во имя Амаха милостивого, милосердного, женщина. Статья 121, - улыбаясь ультралевому, - ч1. ГУС. Повторное заключение на Теоз, в касте животных: собака, далматин, альбинос, сука. Поистине, Амах возвышен, велик! - глотать слова продолжив.

Растрепанными локонами светлыми, стеклянными глазами, пол лужей серой обмочила.

- -1, - молоток держащему.

макромиры Господ (Господа)

Закаты пали на квадратные строения макромиров, длинные шпили горизонта. Зажглись оранжевыми фонарями оповещающие мониторы. Сирена воеет специализированная, пугающая всех, кого и не касается.

- Внимание, азан. Готовность: минус два, - из мегафонов голос распространился сразу отовсюду: и между улочек пустующих уже, коридоров, наглухо закрытых и помещений бытовых, техно, СПВЧ, любых, - Командирам приступить к проверке личного состава, - прервался, по другую сторону сигнала, из-под самого источника, из двух его ноздрей дымом смол изливаясь, раскуренной трубки, дрожащей.

Прищурив левый глаз, синяк на переносицы от окуляров почесав, ШИР отжал кнопку микрофона, складывая в стол, на кресле пилота отъезжая.

ТЕО532

Кусками возвращаемая память не унимается:

«Цель быть должна достигнута, надев оковы послушания раба. Цель, быть должна действительной, все остальное - ложно, мишура».

- Конечно, - не обмануть, когда так хочется.

Что это, меж ребер:

«надо», - над переносицей, - «зря»

Наблюдение движения случайного прохожего, зная: на фиаско обречен день, в котором посчитал, что был спасен, не инфицирован.

ТЕО146

Мой молот сросся с костью сердца, переродив в оружие мое нутро. Я принял остриг твоего солдата, чтоб выстрелить в тебя, о, достижимое мое вышекомандующее божество. Мой мозг лишь отражение костров и палок, обнимавших в сопротивлении меня. Твой мир – тщеславное дерьмо, как и твоя экспроприация! Мой мир:

- _на.

ТЕО532

Нет на картине в городе весны: осени, лета и зимы. Холст чист, холст ни живой, ни мертв – пустой, мир твой. И солнце едкое, кислотное, зеленое, пропало в сумерках, пугая звуками ночи, появившихся за пределом ограждения базы высоты, продрагивая до костей безумием шатающейся меж столбов фонарных, цвета хаки, преобладающей тоски. Шаги, здесь никуда без них, шагаю я, шагай и ты! Две кобуры, стук на ремне оповещает подуставшего, цокотом ходьбы.

- Держи, – занят разноцветной лапшой из прибора, сгорбившийся с гаяльником, переключающий сквозь третий правый пульт снизу.

- А, - спокойно, тише, «21»-ый в кресло наметился рядом.

Рухнул, задумчиво в окно глядя. Часы указывают: два.

- По КРК? – протягивая пальцы с самокруткой, аристократически.

- На, – список голограммой припечатанный.

Поплыл чарующий дымок:

- Чего без звука?

- Бигги забрал, - меж пальцев длинных и сухих скользнули провода.

Рукой коснулся голограммы. Дым в потолке легкий, зазвучали громкие фанфары, маршем боевым в строй встать побуждая.

- Нуууу, - затылок почесал, губы уменьшая, - выключи.

Летай в ночных пучинах облаков, крадись сквозь темноту, мой зодчий, произнеси

вслух, в ряд вставая!

- Уголек! Аууу! Уголеееек! – встревоженное язвами и шрамами лицо мутно нарисовано.

Расплывчатая фигура жестикулирует двумя звездами плеча, протягивает руки, по щекам хлыща.

- Что с ним? – протодежурный вытянул шею, - Уголек!

Фигура восковая превратилась в папора токсидермического 038, длинного.

- Гонит, - Шир, забирая из подмышки пророка голоплату, - Не против, если я на ужин спущусь? Ему тоже бы не помешало.

- Да, конечно, - тяжело присев в свободное кресло, отталкиваясь ногой, подъезжая на маленьких роликах ножек к своему протопомощнику, «21»-ому.

- Я пошел.

- Да, иди, ты уже!

- Пошел, - пару шагов, пританцовывая, движением губы добавил, - Дальний.

- Шир, ты или идешь, или говоришь. Исчез!

Гуттаперчевая фигура пропала в темном коридоре, выводящего на винтовую лестницу. Мокрые карие глаза отвернулись, недвижно застряв в точке левого окна. И потянулось: звуками линия дождя, играет музыка.

- Ты мне не молчи! - настраивая волны голограммы, - закрою, – в столбцах записей роясь,

«лафизлаф», - выбрав.

- На дежурстве, - не меняя положения.

Окно, капель дождя в поверхности стекла. Пружина выдавливает скрип, кресло вращается.

- Пустота.

- Уголек, так говорить нельзя и думать тоже. Не гневи Амаха, всевидящего и всеслышающего. Я вот тут, с вами нянчусь, а вы меня еще и сдаете постоянно! А я в отличие от вас никого еще не сдал, - отписывая в журналах однотипных, - а могу.

- Я причем? – от легкого смешка бодро стряхнул конец сигареты за гладкий край:

«_ущенка», - читаемым шрифтом.

- Что там? - подтягивая пепельницу ближе.

Серым истатуированные пальцы открыли ящик нижний, баночку без окурков на край стола:

«с сахаро_»

- Кому я? – на шейные диоды, подбородок поднял, - NULL-частица.

Чучельник размягчился, промокая.

- Амах, всемогущ, уготовил именно тебе судьбу такую, только для тебя. Ты – очень важен.

- _издец, ну да, - паром изо рта обдувая стекло мрака, - отстой.
- Хотя, - приближаясь к фильтру сигареты, прищурил левый глаз.
- Ай! - оборачиваясь на источник оплеухи.

Стук о дверь, прижатую кирпичом в плинтусе. Из темного лестничного коридора выполз захлебывающийся смехом.

- Бл, Шир! - дубинкой со стола кидая, - Инфаркт можно получить!

«77»-ой повернулся за дубинкой, захлебываясь дальше.

- Уголек, ты бы оглянулся что ли, - внимание концентрируя, - У вас группа чугуна, - палкой резиновой по сухожилиям от щиколотки до плеча.
- Бл, - пяясь в стул.
- Тормозы, - в «77»-ого палкой, из рядом увешанных.
- Возьми хоть например: Салибиджиева, вашего. Чем он занимается?
- Прыгнула!! – стенку обнимая, синевя, еле выговорил.
- Да попустишь уже! Иди припей, – метнув фуражкой, - Дай сюда.
- В смысле? Служит, в караулы заступает, как все, – прищурился.

Тяжелые плюшки по виску «21»-ому, по уху:

- Вот!
- Да что такое?! - спрятался в занавеску.
- Может дубинатором? - захватил за рукоятку черную резиновую палку крючка стены, - Хватит ржать! - по линзам очков, по плечу, - Сосать, бл! - по бедру, по сгорбленной спине связиста, - Сосать!

- Ну и, – УГЛ замер.

Высокая башня силуэта протодежурного нависла.

- Кинулась! – палку не отдавая, «77»-ой лавирует.

- Кто кинулся?! – за палку дергая.

Оплеухи.

- Так что там? - броней двойной покрылся, от стула уходя.
- Каша!! – красные глаза выкатив, линзами очков сверкая, душераздирающе.
- Иди, у него, спроси! - палкой подбивая.

Сирена третьей степени завывала над бараками. Ночь незаметно, неизбежно на шпильки вышек кратеров, моргающих яркими огнями, малиновыми точками спустилась, нависла, на макромиры опала глухо. Ливень последнее тепло осени лижет, из общежитий никого не выпускает. Капли льются, жгучая кислота, тиной папахивающая, смрадная. За полосатую решетку лестничного перехода, в щелях своих вид на дворик базы открывая, стены бетонные прижали боком стоящего лилово-черной ткани старшего сержанта «41»-ого, последнюю затяжку делавшего.

Ливень снаружи бьет, внизу, за этажами, обрушиваясь на гигантские шатры конические. Углами между нами сбито.

ТЕО146

Караванами пустыню багровую исходят по направлениям солдаты. Нам не страшно, воюем за бога - процесс становления, организованной. Вся непорочность в пятнах зеленых утрачена. Милитаризм! Перевернута, в нас каждом. Нам нет возраста – вечные странники в поисках мира, прислужники войн. Бумаги тоннами и карандаш заточенный в руке грифелем, черкает, рисует траектории судеб наших. Свежесть бумажная от занавесок белых. За длинным буковым столом, в мундире, звездами наполненным, богоподобная хрюша. Пальцы на кнопке вентилятора, встроенного в стол, выбирая левым-правым углом, скорость оборотов. Бумаги кипой развеяны по полу, сквозняками. Генерал под звуки:

- Хань-чу Ань Чу Ся__, - патриотического пения, подписывает огненными буквами в углу сверху, снизу, бумажки гербом пропечатывая.

Стук в дверь приблизился скоростью волны через двадцатиметровый стол, со всеми стульями, сидящему за кипой папок, захлопывающему ящичек печатей. Матерые вспотевшие губы облизнулись, выждав:

- Да.

Дверь черной норой раскрылась. Мягкой поступью ботинки, застопорившись в шаге:

- Разрешите войти, товарищ-генерал?
- Заходи, - губы втянулись.
- Есть, - ответил «?!»-ый, спустив честь, шагая без брони, винтовки, без кобуры двойной, золотых погон черной хаки униформы ткани.
- Присаживайся, – полнотой лояльности, - Что думаешь? - следя краем глаза, считывая ядрышками глаза.

Мягкое сиденье стула усталость ног впитало. Две пары беспалых перчаток сжались в кулак, ложась на хаки бархата оббитый стол.

- О Вас, товарищ генерал.

Фаланги плотных пальцев прохрустели, оттянули ящик под столом, поднимая стакан дымящегося эфира, сдавливая скулы.

- Доклад, – сухим звуком.

Младший сержант протягивает папку, печати окровавленной, касаясь толстых пальцев.

- Благодарю, - вежливы губы, - Смотрим.

Царапаю обшивку стула. Толстые пальцы вскрыли кляксу, потекшую кровью, слоновыми глотками запивая нетерпение. За окнами нормальными, нормального размера, нормальной толщины стекла - нормальный дождь, холод знамения.

- Не молчать, - на стол содержимое пакета, - Как там наш друг?

Пальцы вспотели:

- Беспокоит наличие сердца.

Маленький куб прозрачный перекатился костью с точечками.

- Не спиться? - пальцы мегахрунделя приблизили к глазу грань, вариаций сидящего напротив младшего сержанта, - Гротный, - в тумбочку, заполненную кубиками, кидая, - страдает, - полнотой внимания.

Портрет на стене затылком. Шторы скрыли блики.

- Незаменимых не бывает. Больные солдаты, мне, не нужны.

- Так точно.

Трубка, телефон, мегахрундель:

- Михайлыс, график спортивных занятий подразделения.

Трубка, листок стола.

- Исправиться.

ТЕО532

Ты видишь луны? Спишь ли ты под склоном тьмы? Кем были, кто есть?

- Мы.

Слышишь треск, боясь открыть глаза? Кто предал зря? Однажды зеркало пробралось за пазуху, стуча. Оно рвалось из внутреннего кармана:

- Пссс, - подзывая.

Кто каждый день в нем отражается? Заткни их голоса! Пожалуйста, ответ! Там, где должно быть сердце, между ребер каменных оков, пустой конверт, там адресата нет, письмо, в котором не осталось больше строк. Пар теплый безразличных слуху фраз, сквозняк свистит вальсом трупов, начинка сигарет бьет барабаном около виска. Знаю: над головой галактики, миры иные, зовущие в ночи, сверкающие звезды - ненавижу вас, ведущие по вечности домой, дающие лишь рабские мечты! Мечтаю я: с закатом превратится в стаю птиц, чтоб разлететься от себя по сторонам, сгорев в луче последнем солнц, бесследно осыпаясь прахом по рвущим небо, облакам.

- Фас, - ты.

памаз Господину (Господу)

Дверь с надписью. Табличка:

«ор/У148А»

Ламурная ладонь проходит сквозь мембрану дверной ручки, в разжиженной ее поверхности за механизм, дверь в стену.

- Заходи. Давай-давай,- вталкивает.

Светом тусклым желтым фонари горят, ламп запасных. Четыре на четыре, пульт управления без кнопок, черное стекло. Подрагивая плечами в предвкушении, закрыл дверь за собой бесшумно, к панели управления, насвистывая, подошел.

- Щас, - не оборачиваясь, пальцы разминая.

Достал сигарету.

- Отставить, - резко крутанул колесико.

Зашипело. Просветляется, прозрачным становясь. В карих зрачках картина процесса право, славная: в сером с фонарем неоновым, кольцом под потолком, ряды чугунных кандалов сплошных отверстий: запястьям, головам, мачтами на шестернях вращаясь, пригибают к бетонному полу, лбами ударяя.

- Быстро, - из двух кнопок на пульте управления:

«ручн», «авт»

Вылезло меньшее колесико. За смотровым окошечком, ряды чугунных механизмов кандалов нарушили ритм, сильнее разбивая о бетон преклоняющиеся головы.

- Понял, - прокручивая и прокручивая ручкой колесико, высматривая тембр движения громадных механизмов, - покуришь, - крутя маховичок сильнее, лбы разбивая внимающим молитвам, послушникам прощения идей, - чу-чу-чу, ооо! Ща-ща.

В карих зрачках все отражаются и отражаются перцептики ответные реакции. С каждым лба биением ежусь, на шаг к стене вплотную отходя. Не слышны, не разборчивы, известны фразы движением губ пророка:

- Я собственность Амаха. Я собственность Амаха, собственность Министерства Очищения Б/О/Га.

Колесико в коробку управления панелью спряталось. Стекло почернело, пряча.

- Вышли, - белыми ровными зубами.

обитель Господ (Лорда)

Шум, гам внутри вагонов гиперпоезда. Пророки, трое с ранцами «к-2» группы, в тошноте бледные. Глаза в оплывших мордах, жирных, тощих, преисполнены отсутствием. Вагоны прибывают к станции подземки бункера. В толпе неразличим, в толпе различаю хорошо, что не притягивает стимулом прощение заполучить серая масса червяков, одетых кем-то старшим в хозяина мундиры. Блокпост, контрольно-пропускной режим. Хмурые сержанты оберегают турникет. За мониторами усиленного сканера, пара внутри укрепления от станции путь преграждает. Проходят, след синий оставляя фигурами на мониторах, три строчки, бегущей информируя. Ламурный тумей в спину подтолкнул.

«внимание», — черным отразился монитор очертанием граней, - «TR_»

Стволы автоматов перекрыли турникет. Самодовольны ряхи, квадратные, бросают взглядами надменность.

- Что за _бла? - ламурная рука в локте.

ТР

Осень! Впервые я не выхожу за силовое поле у тебя. Осень поразила насквозь сердце, у каждого! Ты делаешь меня бессильным. Исчезаю, источаясь в тебе, с тобой, день ото дня. Те строки, что пишу чернилами багровыми, оставлю у порога, в

то утро, где меня не будет никогда. Пол-ложки тающего сахара в кусочках кактуса, три раза прожевав и в путь, накинув бронь, живот стянув, туда, откуда не свернуть. Но не сегодня!! Среди колонн посреди полумесяца свастикой на мраморном полу, блестящем насухо натертым, он смотрит в тень от монитора, бросающего образы садов, где между ног у нас всех - гениталии.

- Кто там биздить?

В пустые нары присел «186»-ой. Ткани униформы в спящем режиме, в желтую майку, широкие трусы, пристраиваясь, кусающие покровы пледа принимая. Жирные ножки, тельце, прыжком во второй стек.

- Аккуратней, - снизу.

- Уголь, ты? – с усилием перекатившись на край, чуточку сползая, держась за матрас.

Лежа на спине, сверкая платиной татуировок, докуривая.

- Я, - смотря ему в глаза из темноты.

- А че ты тут спишь? – приглушив диафрагму легких, на грудь, свисая, прохрипел.

- Чтоб тебя палить. Спи, давай, - не отводя от него глаз.

- Дадут завтра?

- Нет, - тихо.

- Скажи, что ты врешь, - шепотом.

- Я вру.

- Нет, ты врешь.

- Я вру.

- Ну Уголь, ты же знаешь, и каждый день врешь.

- Не скажу.

- Ну, скажи, скажи пожалуйста, _аебался, хочу старшего.

- А если скажу, больше не будешь спрашивать?

- Если скажешь «да» - нет.

- Завтра.

- Ну, так не честно, ты вчера говорил, что завтра, и что?

- А ты вчера говорил, что больше не будешь спрашивать.

- Да, за_бали там _издеть, - сонно.

- Завали _льник. Я у Надима спрошу, он тоже знает.

- Спроси.

- Ну, скажи! Ну, Уголь, ну, что мне сделать? Хочешь спою?

- Спой.

- И ты скажешь.

- Да.
- Ты на_издишь!
- А если нет?
- Скажу про пакет Салибу.
- Попробуй только, - забрал из зубов окурков.
- Так и будет.
- Вернется дальний — будет приказ.
- Когда вернетесь? - на нижний стек сползая.
- Не знаю, - подушку обнял, засыпая.

ТЕО146

Понимает, что жестока. Дрянь эдакая знает: недоступна. Ласкового света, спадающего из окна на замотавшегося в плед меня, не соизмерить с эталоном нежности. Приходит ночью, даря себя, целуя пятки хлыстом безтемпературного луча. Взошла на небосводе пенициллиновая пушистая луна, скальпелем останавливая рост кома в груди, говоря:

- _засыпаешь, - просыпаясь.

Сестра, укутай локонами плечи, холод оцинкованного чугуна, поверхностность в пыль превращая. Пятки до пола не касаются, посередине ночи пенициллиновой сижу. В дальнем углу храпит товарищ, неизвестно о бодрствовании ему. В окно хочу выть, но молчу. Без мыслей, без желаний, сирена по привычке тише. Двупалых твердых тапочек подошвы по зеркальному полу. Пенициллиновую сигарету приготовив, на балконы. И тишина, такая мягкая, как дерево липовое — мед, свернув на угол в коридор, под свет ламп, дезинфицирующих фон. Кончик языка растягивает ссохшиеся губы, делая глоток из фляги, дверь открываю, подставляя наступающей зиме под майкой грудь, в пространство лун к стенке шершавой прислоняюсь. Иглы антенн, мы попрятаны. Сквозняк под пояс и трусы, несигарета. Я бы хотел глотнуть тот млечный путь, что вижу небосводом фиолетово-зеленым, не могу. Я приземлен, куда я полечу? Могу спуститься в ад, на Теоз, но к чему? Дымка тумана надвигается четырнадцатью постами, выглядывающего из-за стенки этажа. Чуток решительности - верность равна количеству зарезервированных мест. Мне не одеть бы завтра бронь, по дороге с богом выходя, чтоб ощущал: необходима Твоя опека, незаметная.

ТЕО532

Скрип-скрип. Скрипит дрезины механизм. Дрезина над сухой парит, треснутой, глиной. Железные две ручки рычага: верх-вниз.

- Всегда, - досадно, напрягаясь, качает лопухий «76»-ой.

Скрип-скрип. Дрезина по программе чипа держит около периметра бледно-орехового поля путь, в зоне действия эфирных сигналов, плывущих перистыми облаками, до пиков башен исполинских, в часе друг от друга.

- Хуже, - качая с противоположной стороны рычаг, «77»-ой, пропитавший потом китель, следит за монитором.

Выскочила красная точка. За ручку, из днища выстреливает со свистом, дымом, запахом горелости, стальной штырь с датчиком, вереницу оставляя за собой, мигающих зелеными колпачками. Тень выгорает последними полуобморочными безтемпературными деньками. Сквозняк свистит о бронь. В зубах под очками мультифилтровых хамелеонов трубки маленькой горящий уголек.

- Может, - вдыхая ароматы смол в дали сетки ландшафта, проехав тригопункт, вслед подморгнувшим зеленым семафорам.

Скрип-скрип. Дрезина держит путь. Рычаг работает душами. Впивается штырь в сухой, потрескавшийся глинистый коричневый, коркой покрывшийся, грунт. Сбоку, впереди, из миражей вырисовывается, парой.

- Кто? – платочком утирая пот, морщась, ушные раковины стягивая.

- SS, - зрачок, щелкнул режим очков, - Ухо! – принимаясь вновь качать, - Ухо! - вернув линзам прежний режим, - Ухо, ухо, ухoo.

Дрезина верно продолжает, днищем срезая намертво барханы. «19»-ый, вороненный, машет рукой.

- Щас, ща, – приговаривая, - Подберем! – кричу им.

«21»-ый дернул за пояс ржавого.

- Прыгать?

- Да, - кивнул устало, - Тормози! – закричал, почти вплотную.

Дрезина наезжает, дико ускоряясь, качанием двоих песчаной униформы сверху.

- Иииииии-хаааа! – проезжая.

- Стой! - бегом.

- Давай-давай-давай! - из-под очков прибавил рычагу силу.

- Стой! – не поспевая, гремя ранцем, - Стоять! - за ногу, взобравшемуся на ступеньки, - Падаю!! – коленом провисая.

Скрипит дрезины механизм. Со свистом в грунт глины впивается мигающий зеленым маячок. Пустыня сквозняком бодрит, под медными далекими небесными бегущими лошадаками, легких, беспечных облаков.

- До_уя наглядели?

- Так, парочку.

Вечеря

- Чего орешь?

Да, именно дыра, от пули, что в мозгу застряла у тебя! Я не смеюсь, мне все равно, такая же, сочится гноем по виску. Ты говоришь:

- Болит.

- Терпи, - лови в ответ, товарищ-раб, даже с пробитой головой, пока пророки говорят.

- Идем! - чего стоять, дарить ему еще себя?

Та дырка, что в Твоем виске, насильно пресвятыми духами знамением

имплантирована.

- Ты спал, - нет в том Твоей вины, теперь со лба стекает гной!

Еще чуток, лишатся нашей дурнопахнущей плоти. Мы погибаем, пророки в растянутой агонии предсмертной испытывают абсолютное блаженство, осознавая всеми.

- Терпи, - если же хочешь быть овцой, - терпи!

Замазанные отблески по стенам жира. Убиты богом мы с Тобой, товариществом созданы. Рука, манжет зеленый камуфляж рукава, меж пальцев двух по-графски ложка загребает порцию каши, раскручивая по спирали из центра миски эфирные края.

- Так? – хрустящий мягкий бас.

Созвучно эхом прокатило между стен половин серого:

- Ак...

Низкопосаженные потолки, уют имитируя, плакаты агитации господ, по одному на стене каждой, рисованные в каждом зале, рамки сверху прибиты. Символика, патроны, дуло, ТЕО. Столов маркировка. И так за стенкой, и за стенкой стенки, залы, где есть мы.

- Подустал, – Салибиджиев расстегнул стоячий зелено-черный воротник.

Напротив, трясущиеся пальцы нервозно загребают ложками порции вязкой кашицы. Выстрижены лианами борозды черепа щетины, бардовые, оцинкованной лысины.

- Че? – «11»-ый прищурил левый глаз.

Широкий ворот двух разновидностей зеленого упрятал затаившуюся грудь, набравшую для слова длинного немного больше, чем могу вздохнуть.

- Гонят? - шею, хрустя покрутив, расслабляя, набрал ложку.

- Наверно, - смеясь, покрутил носом, такую же глотая, потягивая из зеленой кружки лиловый сок.

- Слышал, - поддерживая спину прямо, - что газарит?

- Еще раз я этой _уни не слышал?! Дай _изды, - очередную уплетая, - узнаешь.

В дверях сквозь дырки следит за трапезничающими в углу зала, между залами. Под тусклых ламп свет, скользит просушенный «52»-ой в мешке на голове с прорезями, чашки убирая со столов, увязшие в эфире, отдирая:

- Подытожить?

Ложки: стоп. Звук лязгающей посуды за стойкой повара. В соседнем зале зачавкали вновь.

- На __уй! - кирпичный сжался крепостью, ложкой кидая, - Кха-кха, - подавившись.

Ладонь чугунная киновари между лопатками.

- Бгра, – срыгивая, - Бхэ.

Размазал с глаз массу, стряхнув бледно-багровыми кончиками пальцев.

- Бл, - сморкаясь кашей.
- Бллл, - кривясь, - Сал.
 - Дашь бидок? - платочек вытащив.
- Не дам! - отряхиваясь.
 - Кофейные пальцы горячие сухие с кителя стирают.
 - Не размазывай, - со стулом отъезжая, встал, - возьми у Угля.
 - Когда? - глоток, внимание не нарушая.
 - После отбоя будет, - со штанин стряхивая, - только выдали. Посуда! Тряпку!
 - Простираешься. Дай, не жмись. Будешь, - кружкой.
 - Оставь. Не дам.
 - Зажал?
 - Да!
 - Аху_ел, - кружку с усердием ложа.
- За_бал, - проглатывая остатки каши.
 - ДЛБ кинул полотенчиком.
- Встану! - в сторону, - Сам заи_ал, дай половину!
 - И сдвинули зеленые кленовые жухлые рукава загораживающую вазочку с колючкой.
 - Проехали, – прошелся влажным комом полосатой тряпки между штанин, - возьми у него.
 - Он не даст, – на черном фоне изумрудов пятна цвета хаки кинули.
- Ну, и?!
- Ты, че а_уеваешь?!
- Багровые ладони сдавили крепко за виски, подтягивая через стол, по венам содержимое быстрее разгоняя, передавая:
 - Нас делить нельзя!
 - Кофейные черты стянули битые углы.
- НДМ! - резкий удивленный окрик протодежурного пророка ртутного.
 - Застыв в движении, повернувшись шеями.
- Я.

ТЕО146

Нависла ночь над кубиками с окнами градиентом неба, отсутствующего, трубами заводскими напоминая об относительности тишины, сгустками дыма. Она одна такая грубая, со мною, правда, незаметно, как я с ней, неприступная, нацеливает мушкой, в грудь тем, кому банка пустая там, консервная. Она приходит утром, с вечера, а

ночью - все она: заплесневелая, наждаком стертая, непредсказуемая, тоже мне, луна! Мне прямо говорит: «у нас с тобой, точнее у тебя». И выстрелив и попадая прямо в череп определенному в прицеле оптики врагу, я верю ей, а не ему. Слева, теперь на три часа справа, стреляй! Она подсказывает, зная: верней ее, я не встречал. Не утренняя, но звезда. В любой из ситуаций, выводящая из дебрей обещанного, рассчитывая только на себя. Передвигаясь в одиночку на территории чужой, я выпускаю через ноздри дым сигаретных смол, о Ком-то с ней не забываю никогда. С ее простиранными окровавленными тучами, где она парит, мне есть ради Кого, уберечь себя, заткнувшись, но скульптур. Перчатки крепко зажимают пальцами стволы, пули - проекции бегущих на меня, немного напрягая броню спины. Я с ней не примирю: с Тобой, наивность даунская.

отражение Никого

Туман песочным снегом заметал. На смотровом форпосте, шрифтом «304U12» красным, сержант «285» в бинокль на высоте улицы между складов квадратов зданий метель просматривает.

- «7-7» ДБ-3.5, 4-ому «И7И2»: сигналы отсутствуют, - в рацию, сутулясь от частиц падающих, бьющих в окуляры.

Кончиками полу-перчатки по стеклу окна. Среди таких же, рядами хаотично, постукивает Кто-то, секунды проводя. Накрыта куполом база «б»б»б» теокамуфляжа. Еще секунды три, поле вывело в карман пространственный, с принадлежащей территорией, блоки. Пальцы вдавливают кнопку ободранную, загораются уровнями ламп ряды, двадцатиметровые освещая потолки. Склад. Упакованы коробки, трезентовые тьюки. Блестящее манит. Горячим облачком в морозном окружении ноздрями выдыхаю дым сигаретный. Оторваны подошвы стояния, скрепя по бетону когтями протектора. Различной маркировки ящики, размера, лампы плоского света тихо освещают УГЛ. Перчатки стянуты, заклепки на одежде сорваны, брошены ткани униформ. Сорван трезент с конструкции. Рефлектор больших плит отразил нагого, с полосами на плечах желтыми матовыми, без искажений, точно повторяя жилы, мышцы холодом оцинкованного чугуна, грани исцарапанные, черты зарубцевавшегося шрама локтя. Зеркальным словом в профиль плитам бриллиантово-зеленой поверхности. По шесть сторон:

- Мужчина? - так точно, - Так точно.
- Может женщина? - пауза, - Некая чувствительность, хотя, - открыты веки хаки серого, - нет программы воспроизводства.
- Мальчик, - на лоб притирая чубом, - да. Наивный, веселый, беззащитный.
- Я девочка?! - зрачки застыли, - Шапки красной каска, пробитая.

Метель гудит, сирена в коридорах воет. По одинаково бетонным, постукивая по карману связкой ключей, КВЧ бродит, сутулясь в холод дней.

- Угля не видел? - у сержанта, несущего ящики, загораживающие по козырек.
- Где-то был, - проходя.
- Где? - в спину «352(k-2)».

Глянцевые пластины отражателей не отвечают на искания. Подтянуты, крепки,

брюшные мышцы, стянуты полосы изгиба позвоночника, лентами темными упруги. Пальцы проводят от шеи до груди. Ботинок чей-то кроме, вдавливаясь подошвой в бетон, скрипит. Перед собой поднял взор, в точку пересечения взглядов, в молчании крика, не останавливаясь, не останавливая:

– Сказали? – размеренно.

Приближение.

- Мужчина? - натянув уголок щеки, - Никак нет. Я раб, к тому же не самец, - в зеркало прямо.

- Тогда я женщина! - левей в зеркала, - тем более, не самка в поисках самца.

- Я мальчик? - в правое отражение, гримаса, - нет, крепко в руке держу вверенный мне именной орудия приклад

- Тогда я девочка, – висок проклеймленный повернув, в отражение меня, - Хм, да. Не девочка.

Читая пушками оливковыми царапины спины, качаю головой, читая из подмышки. Снимая хаки мехом воротник, обтянутые ткани униформы темно-зеленых плотных рукавов трещат по швам, подчеркивая широкие строгие плавные углы.

- Солдат! – пряча плечи товарища в бушлат шрифта «18(k-2)», впитавший аромат ензина, миндаля, сотнями дней воротника.

ТЕО532

Что-то не так. Что-то не так! Что-то?!! Холодеет. Плитка бетонная под пяткой стала мерзлой. Холодно очень. Где??? Отсутствующее небо лопнуло, снегом из черноты на шпильки минтаретов постовых осыпалось. Что-то не так, встаю. Нет никого среди колонн, забиты нары.

– На восемь-шесть, - плюется в сумерках тумана утреннем челюсть.

Отстреливает автоматика до огненной стены первичных ограждений материализующиеся сгустки социомассы. Беснуются точки полотна на голограммах бункера наблюдательного. Плед клетчатый рывком раскутываю, холодный день пролез в глотку через ноздри, уши. Придется встать, я не хочу. Ботинок острый изнутри, проржавленные гвозди окровавленные в стельку медленно вросли.

«так нужно, раб» – кричит писание святое монитора для таких как я, бедняг.

Три пальца почесали за помятым ухом. Кофейной спины широта, майку в шее растягивающего, в нормальность приходя. Три цвета: красный - цвета крови, по жилам не бежит у нас; зеленый — кожи, дали боги, защищая от различий глаз, дней наших: черный, сливаясь в лужу грязи, судеб, брошенных на вертел святых великолепных звездных королей.

«ты мой слуга, прелестное дитя», - конец рассудка.

И так начнется новый день, еще, еще так много раз. Еще раз я проснусь один, один среди всех нас. Я пробужусь в их утре, не моем, читая вслух приказ. Я подышу их воздухом, сгнивая заживо в фантазиях - моих, сотнях. Красными тенями наполняются стены. Сирена режет. Бронь униформой облипает на меня, стоящего

перед монитором с потолка у выхода в пустоту коридора, сонного:

«ты нужен, нужен Мне, товарищ-раб»

письма Никого

Никто бы не подумал, стал частицей армии: для Никого. Хаки в зеркале утра, не видно разницы, приколотой заметками листка. В русло рутины вошла вся сущность моя, растриванная. Так просто и легко: новая мишень — милитари! Конверты белые ложатся у нервных пальцев, «5»-ый узкоглазый товарищ по меркам на парты. Пророк «071»-ый, окисший, не зевает, размазан по спинке стула, переворачивая страницы голожурнала на коленях. Статьи и новости без дат.

- Белобородов, раздал? – брякнул пророк, с носиком.

- Так точно.

- Все, садись, не маячь. Что пишут?

- Фотография.

- Ну, занимайтесь короче.

В погон золоте в доску лениво. Каждый с конвертом, публично перепуган, пережеван, свершенными событиями памяти.

- Что, УГЛ, не пишут Тебе? – уныло перелистывая широкоформатные листы.

- Не пишут, - утрируя.

- Ну, ничего, - воодушевляя, - мне тоже не пишут,

От листков оторвался «13»-ый, с ряда сзади внимание негласно обращая сухо. Проходит вскоре час, пройдет он, нам придется встать, одеться, и, не умываясь, протерев глаза, бронь на себя надев, взять в руки автомат. Спит в днях холодных не один товарищ-раб, разбросаны в матрацах нар. Они лежат, зажат в руке пустот комок, пытаюсь удержать смысл строк. СЛБ, подушку обнимая, засыпает. Мне будет страшно, ну и пусть - я сны о Доме не отдам, я снами этими горжусь! Черные ткани шевельнулись, проворачиваясь. В ту же подушку УГЛ, челкой втираясь. И пусть в обеденную стужу в окне невидимом, дослушивая, додумывая кусочки памяти, застывшие товарищи, точно такой же, как со мной они: комок счастья, обогретый воспоминаниями.

- Грота подъем! - молчи.

реактор Господина (Лорда)

Болтаются дубинки черные на поясе у них: стандартной — товарища-раба, огромной - пророка титанического, бронзового.

- Без рук, - в сторону, - Сейчас.

Бронзовые брови тумея хмурятся.

- Нет.

- Дай сюда, - титан, на себя, вместе с прибором, за ремень приподнял.

Смотрят на карту.

- Перешли, - вплотную на ремне, к нему затянутый.

- Вроде - вроде! – за ворот схватив, в мониторчик прибора носом ткнул, - Вышли, - замахнулся, за ухо крепко ущипнул, - Щас, - сложил прибор в три четверти, аккуратно снайперу вспотевшему вернул.

- Топливный.

- _уй, - показывая схемы подуровня, - Как называется?!

- Так.

Бронзовые уши уловили, титан остановился, поворачиваясь:

- Обрезай! - перебирая пункты голограммы.

Свист обрывает треском впереди стены, в пыли вспышек дыма этажи понеслись. Бронза за пояс, клубком сворачиваясь.

«готово» - монитор запястья.

- Вшух-вшух-вшу-вшух, - вибрация органа.

Шелест движения.

- Девятый КРК, - в коленях привставая, сканируя запястьем с головы товарища-раба:

«сопит»

- ДР, - рация, - Ф6, - за пояс тертеола приподнимая.

Переполнение эфира полосами бронзового рукава по сжавшемуся.

- Аа, - перед носом бетон, приближающийся.

За колено большая рука, кулак титана с волосками на фалангах бронзы к носу перевернутому, - Гр-кхе-хе, - довольная физиономия.

- Тихо, - просмеивая выделяющийся потом, перебрасываясь на плечо звезд, - Граа, - за ухо чугунное кусая, - Гра, - искрясь.

Из люков стен в оранжевых полосах свет. Ботинки максимального размера, шагом приближая.

- Во, бл, – в одну точку внимая, - еще передают, - морщась, шею повернув, за нос кусая, ладонью накрывая полностью лицо шрамов.

- Смотрю же, - манжет тертеола опускаю, - бл, - не отвлекаясь, выглядывая из-под пальцев.

- Ага, - ту да же.

В кристальных зрачках карих миллионы людей замотанных в простыни, с шести сторон к огромной площади цепочками, спиралью появляясь, стремятся к центру, камню в виде камня, дотрагиваясь, исчезают.

«лог_» - бронзовые пальцы вдавили голограммы стены, - «активно»

ТЕО532

Шумит листва гнилая, висящая за окнами. Шум становится глухим, дверь за

ботинками высокими размякшими за стенами бетонными гидравликой, с шипением вошедшего, отслаивается с ним.

- _шфу, - спит, нарисовав глаза, дверной слуга, - всссс.

«21(k-)», - черного рифленого панциря спины перестал переливаться в движения отсутствия, полосы плеч, две кобуры набедренные, ствол иглообразный, собранный в прикладе, царапающий блеск полов, сжатый в руке, бросая тени.

- Тссссс, - спит, не замечая ничего, усталый, загнанный помощник дня, - Ссс, - дыхание товарища-раба бытовых нужд уплывает в свете фиолетового фонаря.

Бетонный коридор, герб бога, главнокомандующего, доска презрения, доска прощения, почета. Углом обзора отблеск силового поля участка стенки правой, за пределом - мгла.

- Уголек? – хрустящим голосом из тьмы, светясь малиновым «11» шеи.

- Я, – снайпер уныл по коридору, - Прими стволы.

Шнурки поникли, зазывая уложить, потягивая за концы, расслабить узелки. ПлазмOIDов татуировок строк лица, за воротник прячущихся, застыл на переходе с освещенного, желтым, в залу, принявшую в символику до блеска отражения натертого пола, тенями по иероглифам ободка. Угловатые колонны подпирают холодные бездушные тупые потолки. Ряды по тридцать три ячейки, где в коконах пледа замотаны и спрятаны от мира с головой, снующие в работе бога пчелы, нарекшего их всех до одного: стада тварями. Блик новый, желто-красный, отчетливо рисующий фигуру, втиснутую в стул, железный, в центре круга.

- Спать? - в бликах трясущихся.

- Да, - поворачиваясь, - Что там? – в центр полукруга герба проходя, в экран взгляд поднимая.

- Уа, - зевнув, руками потянувшись, со стула поднимаясь, плечами и лопатками хрустя, - _уйня. Ж.К.Т. «36»-ого.

- Отстой. Как можно такое смотреть? – растирая переносицу.

- Как можно такое снимать?

Цвет шороха, он приближается, высвобождая в темноте превозмогающую статью. Полоски золотые размахом крыльев на плечах. Пол отражают письма, заткнувшие при свете бога нас. Стрелкой цвета сажи газовой прилипшая челка приблизилась к кепи хаки зеленого дежурного раба, кусающего губы, расстегивая пуговицу воротника:

- Что там? Уголек, – выбивая, - Пророки все равно насочиняют, Уголек, – щекоча.

Газ струится из вентиляционных дырочек в полу, сонный свет рядом не знающих тревог, тоски, убийств, даренных богом во имени прощения. Развелся.

- Прорыв, - пряча лицо в жилет бронированный, от домотавших рвений крепкого товарища.

- Прячешься? – преобладая, - Вот спрятался, - потягивая за локоть рукава.

Картинки цвета жизни фоном триколора:

- Ты гонишь, – зажимаясь подбородком под натиском товарища, - я вооружен.
- Безопасен, - развязывая узел рук у смеющегося, - А! Я вижу твой нос.
- Разоружи, - за рамки нормы пульса выходя, - меня.
- Seriously? – багровая щека приблизилась к холодной, синеющей издалика, - обратно не отдам.
- Не надо, - замерев, зажмурился.

Хрусталик поглотил невидимые облака, плывущие внутри соседнего зрачка. Под крашенными кронами деревьев бетонного двора, затихших гулом, подслушивая сидящих под зелеными ветвями арматур, глядя на звездное кислотно-фиолетовое небес полотно, зовущее домой, непременно.

- Давай Ты будешь спать сейчас, я тоже.
- Не-а, - удар кулака в ногу.
- __укаа, - за ногу, - давай!
- Никто нигде не спит.

На кубе чугуна.

- Так что? – выпуская багровыми ноздрями дым.

Молчание.

- Решил не спать, - рефлекторно, удар предвкушая.
- Нет? - в смехе отвернулся, повернулся багровым видом непричастности, - Со мной надо спать, а не __уй его знает где! - вглядываясь в тьму бетонных плит проходов, - кто там бродит? Ээ! - громче, - Уйня, Ты кто?! Че бродишь?! - миражу ночи, - Со мной хочешь спать? - вернув внимание.
- Конечно, - замирая.

Во мгле, в тиши деревьев кованных, между галактик, коротких интервалов гнетущими сиренами, плечо к плечу макромиров пределами, пуская дым молочный, втыкают.

- Иди спи! - зеленых плотностей хаки, - щас приду.
- Не ври, - окуривая фильтр.
- Почему? - багровые ушные раковины замерли.
- На__уй?

В бедро кулаком.

- __нахй?!
- Бл, спать, - за воротник, - спать.

Бронь натянулась на ремни. Частица черной пустоты заткнула ладонями глаза, уши, в плечо бесконечности волны.

- Уголек спать хочет, – подхватывая локтем повязки красной шеей.
- Я не могу спать так, – видя кулак, - Также должен спать.

- Все должны спать, - челку на носа писания плазмы натягивая, - Сейчас проверю посты и спать, а Ты — спать сейчас.

- _идар.

- Что бл?! – удушая отворотов сзади, - Спать бл!

ТЕО146

Две черные стены. В тени еще есть, не видны. Стул посреди. Над ним в стене шумит серыми строчками экран. На поясе дубинка, край бронежилета, фляга. Штанины зашуршали в полутьме. На мониторе показались цифры две. Зажглись две лампы желтые, усталое лицо.

- Сидеть.

Вздохнув и оглянувшись, стул занял. Фаланги пальцев, стянутые пластырем, сжимаясь кулаком, хрустнули. Красные диоды на шейном позвонке зажгли «13» перегрузкой, всеми символами, яркими разводами во тьме. На мониторе газетная статья, слева шепнуло:

- Начало премудрости: страх Господину. Иже:

Ресницы пригибаются от ярких взрывов на экране.

- Страхом пред богом каждый уклоняется от зла.

По жухлым пятнам униформы прыгают проекции.

- Смотреть.

Сдираю пластыри тихонько, прикован к экрану монитора на стене.

- Ты был неверным, Амах, всевластный и всевидящий, всегда любит тебя!

Вспотевшие ладони крепко держатся за ножки стула, силой пророков на картинки этого смотря. Пряча за локтем кусающие рукав твердый дрожащие уста.

- Не отворачиват_, – остаток голоса, - ца-ца.

Сбоку светится новый монитор, показывая с разных ракурсов кусками из подобных желто-грязных, еще, еще новый кадр такой же.

- Амах всевышний и всевидящий, передал, - мониторы.

Кэфир капельками вытекает из рта, булькая пузырями между челюстями сжавшимися.

- не веришь? – интерголос, - верить.

Фон сменился. Мягкие цветочные тона покрыли мониторы.

- Хватит! Хватит! Хатиттттттт!!! – на бок вместе со стулом хрипел, падая.

Экраны монитора покрывают, крушась, сливаются.

- Ты тварь Амаха, всемогущего. Ты - падшее дитя! - искажается, - Вторить: Славлю Тебя, Отец, Господин неба и земли, Славлю Тебя, Славлю Тебя, Славлю Тебя, Славлю Тебя, Славлю Тебя, Славлю Тебя, Славлю Тебя.

Теряя, разгоняясь, трезвое сознание, кирпичных черт оттенки цвета выблевал:

- Бгрбла.

Приказ:

- Отставить, заново: Господин, ты истинный хозяин тварей сущих. Славлю Тебя, Отец, Владелец неба и земли, Славлю Тебя, Славлю Тебя, Славлю Тебя, Славлю Тебя, Славлю Тебя, Славлю Тебя.

Фонограммой:

- Отставить, заново: Господин, Ты видишь хитрость врагов веры нашей и их рвение одолеть нас. Положить им конец! Да умрет с этими людьми все лукавое дело их! Дам мне силы убить их. Убить их. Убить и_.

Беззащитно в локти прячась.

- Грррррраааа, граааааа, граааааа!!!

Гул перектрический. Спираль на лампах желтых разводами гасла. Нормальность не прошла. Тот, кто сейчас распластан в заблеванной униформе, царапая ногтями шершавые полы, в бессилии одной ногой на бытие, глотая впихнутую ложками дерьма действительность, рвет кожу на себе - один в сотне бетонных комнат, за стенками, за стенками стенок, богом в солдата завальцован. Что Ты, такой же как и я, считаешь о связанных? Что ты сжуешь у лорда человечества приняв, центра общины. Я не считаю нужным насилловать и убивать, имею вариант другой, миллиардами.

Погрешник

Стекло действия. Бетон. Стены, стул, санитар, фокусом: щербины носа, поверхность грубостью лица. «407»-ой, на табурете проецирует затылком в стену символ. Карточка меняется: слон в хоботе с цветком. Пики графопостроителя. Бетон. Пальцы чугуна сжимают ствол «ПМ», чеканки хрома пальцы просовывают магазин, преобладающие, движение корректируя. Стул к стулу, пророк не отпускает взгляда. Фигура черная другого, обходящего сидевшего, затмила стекла.

«к-», - списками таблицы, - «F - активаци_»

Бетон ряда. Двойная карточка в руке санитара: крест, пуля. Ряды стеклянных окон. Стул обняла плотность чугуна, с хрустом ломая.

«бояться», - кнопка вжата.

- Ааааа, - от стула пятась, локтями отгораживаясь, в стенку затылком упираясь.

«не бояться», - пальцем удерживается.

Помятой униформы между пророками минорно.

- В слой, - санитар санитару перед стеклами комнат наблюдения.

послушный раб

Прислушивается к щелочке в тамбуре, «166»-ой, на несуществующий ус наматывает лентой магнитной. Слышны:

- Что значит?

- Убери.

- Узнаешь в человеческой толпе меня?
- Узнаю со спины.
- Вот, ни разу не подколот.
- Ты?
- Полазь целый день!
- Да, я вообще не про то! В курсе когда я последний раз мылся?
- Вчера, - довольно.
- Ты тоже, - улыбаясь, - не надо.
- ФЛП! - жестяной голос Гандрапила ударил холодом пота по спине:
Рыжего хаки на лестничном проходе о стену головой забился.
- Смирно! – спускаясь по ступенькам монолитом, покачивая головой, - В наряде?
- Так точно, товарищ капитан, – дрожащим голосом, - Разрешите идти?
- Иди, - тужась, засунул оба кулака в карманы брюк, с полосочкой, из подъезда бункера на ступеньки выйдя.
Внимание асбестовых полос резинобетонного лица: ладонь КВЧ, стирание с щеки товарища развода едкого, выражение глаз УГЛ не предвзятых - наведено автоматически.
- КВЧ! - приближаясь к бетонному карману путей подуровня, - Че ты его гладишь?
Палец большой оливковый пушкой дотирает, не оборачиваясь:
- Товарищ капитан, Вам, завидно?
- Гр, - тиком вернув баланс фуражке, - Доиграетесь, - пар из ноздрей мимо.
- Гонят, - след Гандрапила провожая.
- Страшно, и гротный тоже, - притоптывая пяткой фильтр самодельный.
Протянута сигарета белая.

Никто:Господь (Господин)

Удары клюшками, боельщики-рабы. Круговорот. Удар по голове. Бетон, как зеркало правдив. В доспехах красно-черных, не встав с колен, один, среди алых знамен, иллюстраций героев, в центральной точке бетонного поля, опустевшего. Через забрало шлема: табло светит счетом:

«6 / 0», - пророков.

Ресницы захотели, было, закрылись на мгновение, как тут же в помешательстве открылись вновь, в бессилии бетон встречая. Плакаты криво увешаны рекламой:

«прощение МОЕ в тебе»

Сил нет. Откуда их черпать? Глаза, тщетно защищаясь, переметнулись вправо. Широкая доска, среди знамен хаки:

«ты можешь не любимым быть людьми», - сменяясь, - «не пророками»

Спинные мышцы, проигрывая, на лопатки переворачивают душу.

- Хшшш, - глух выдох.

Нечем дышать, меж этих образов святых смеющихся не остается чем.

«КЭФ», - искрами свечением запястья набирая, - «переполнение_»

Пальцы рукой онемевшей разрывают фиксацию груди, защиту расслабляя.

- Хап, хап, - рывком сделан глоток, другой, снимая шлем, вконец не отвечающей рукой.

Кому как, но ему не холоден бетон. Свет серый, бьющий из зелено-красно-черных витражей, лют, безразличен он. На языке привкус до тошноты прокисшего разбавленного молока. Вибратор запястья органайзера в передний план тоненькой линией бегущей теогаммы. Закрывается сознание, ментоловые губы смыкаются, продолжая остывать. Квадраты чистого бетона, маленькая точка «?!»-го порядкового номера оставшегося на линии удара красками триколора исчезать. В черной дыре проема, спеша, переметнулась закамуфлированная спина. Исчезла, появилась вновь, грани, черты кирпичные висков «13»-го, под зеленым воротником, подсвеченным диодами ошейника, замедляющегося, осветила.

- Бфа, - изрыгнул, - Уголь!! - окрик осел по бетону поля.

Фото на память бога, взглядом упыря, смотрящего иконою над чернотой порога, приказывало:

«НОГУ ДЕРЖАТЬ!», - пугающий, нарисованный, укор.

На терминале раскатанного рукава выбрали пальцы кофейного чугуна. Бронь слоями уменьшая ускорен шаг. Комплекс хоккейный секциями ламп моргает, освещая окружение: блестящие борты, поля от зрительской трибуны, разделенной; спектр бросив в точку лежащего, доспехов полусорванных. Закамуфлированы в травяном хаки штанины, в центр, размеченный красными, черными линиями, кругом, подплыли.

- Уголек, - на корточки, - Э?! - кофейные пальцы отцепили черную резиновую лямку, удерживающую шлем, освобождая мокрый чуб прометалла, окисляющегося, широкою ладонью проводя по ворсу оцинкованного черепа.

Кристаллы синих глаз нервно забегали по синюшному, в шрамах покореженных, лицу. Чеканные пальцы на бок повернули пассивную щеку.

- Бл, - не видя след точками, - гр, - из нагрудного кармана, - такой, тоже бл, - доставая теоптечный квадратный пенал, - накормлю, бл, - пальцы отстегнули ампулу:

«Вера Господину, 1:5000», - меньшими вслед, - «перед употреблением молча_»

- _за обе щеки, - перевернув на бок, в колени, - бл, - ввел миниглу ампульной насадки, прокалывая защитную плевую, вводя кубики.

Кирпичный острыми ушными раковинами под кепи, не пробьешь, открыт голым торсом.

- _ха, - дернув головой.

Струя зверская ледяная по разъезжающим векам серого, холодного цинка, скрестившего запястья на груди.

- эе, - сплевывая, - пфы, - раздувая еле-еле щеки, затекающие струйки.

На короточках, держа шланг, в закатанных штанинах. Прозрачные локоны воды стекают с чугунной головы, слезами по лицу, ручьями беззащитных шрамов, клейменным запястьям «?!(к-», плеч омывая жилы, витые в тorsi, уходя в собранных колен дрожь. Местами сигарета промокает, раскопегаренная дыханием сохнет, тлеет, не потухшая. Под брызги подставив терминал запястья, эфир в душе гоняется, вверх с боку, до вздрагивающей от ударов существующего израненной, порезами зажившими, груди. Активизируясь, ресницы показали искорки угля. Не двигаясь, смотрю под съехавший на лоб козырек:

- Гонишь, - концом шланга обрызгивая.

- Не, - кашляя, - Выключ.

Струя потерялась.

- Нах_уй так пугать?

- Грил, - безуспешно, ватным языком лишь шевеля, - н граю, - одним потоком взгляда, остывший от агонии сбитого жара.

- Знаю, - отпивая, приблизив шланг, от струя, снимая кепи, брызгая на голову, - Так тебе и надо, - сбросив в угол шланг, беря подмышки, - Подняться можешь?

- _езнау, - морщась, кепи шлепком сбивая на ухо.

- Нет! - резко поднимая.

Покорными

Бьют барабаны. Свистят газовые мины в небесах. Велосипедные войска, в шортах по колено, наступают. Массовка серых тысяч площади обрезанной. Реют знамена двух оттенков искусственного, серого. Толпа разделена, частью серого крича:

- Гиндзилаке! Гиндзилаке! Гиндзилаке!

С шарфиками требуя:

- Пааааааакиииииииии!

Никто не знает за кого. Солдаты в невидимом режиме между, поглядывая. С трибуны же, под длинными полосками из серой ткани с символом, он, повелитель мертвый, толпой - живой, кричит:

- Кааз-лы! Кааз-лы!

Машины едут и горят. Машины с надписями защиты толпы серой прав. Кто знает, кто забыл: солдаты бога помнят хорошо, знают: кто, за что, кого.

«Байдан», - посмотрев в левый угол, - «реальность 3»

049-ый ленинант, тремя подручными, пропитанной брони, с натянутыми сферами на лбы, среди толпы океана серости, в невидимости.

- Грота, внимание! Командирам распределиться на участки. Участки занять, - интернальной связью, не останавливая шаг, смотря на серые прозрачные фигуры

человеческие, прыгающие с табличками, плакатами фотографий, скандируя, безжизненным остатком.

«тэтаэфир», - на сканерах оранжевым пульсируют, - «50 гривн»

В линзах масок атеогазов отчетлив градиент: толпа, серые велосипедные войска, дым «В9ВАС6» гари. До двадцати мы путешествовали, теперь, не дергая плечом в прикладе, поглощаем былые цивилизации. Брандспойт, разлетается на куски толпы социомасса.

- Ну, - нервно передает «523» «13»-ому, - ну же! – в толпе ища зафиксированный вектором квадрат, в маску «34»-ому.

Пророк подпрыгнул вместе с троицей своей, серым шлейфом невидимости по воздуху к помосту пролетая.

- Спасибо! Спасибо! Спасиииииибог! – лидер с помоста.

Берет черный хрома лба 049-ого, потягивая край брови, носом к носу стоя в невидимом режиме от выкрикивающего толпы лидера.

- На позициях, - не отвлекаясь, - к установке тоермиссера приступить.

Палец на голомониторе у запястья терминала держит ползунок:

«чувствительнос_», - опускает.

Кулак искр бело-синего, тремя солдатами перед качающимся рядом серых фигур у микрофонов лозунги кидавших проявляется, под взор глаз увеличивавшихся толпы, всеми углами, ремнями и заклепками, в коже тертеола, зрачков черных укором, в шипении зубов стянутых, показываясь. В толпе взорваны проекции, точно: солдаты.

- Эээээ, - рот приоткрыв, лидер толпы пятится.

Молниеносная рука, больше всего тела, в звездах на плечах теоуниформы, на него смотрящего, за череп сверху маленькой, стандартной для лидера прически парика, схватила, поворачиваясь к серым толпам, обеим, держа на обозрение, в локте выпрямлена.

- Хааупа! - череп серый сдавливая.

Солдаты кружочками плечи толпы очередями обрабатывают.

- Уапххахаха, - в кашу раздавив вафельным ломтиком тело, пожирает, частыми кусками лицо зажевывая.

Хочется спасти? Куда спастись? Незачем! Хочу проекции толпы за премию скорее поглотить. Толпа на части делена. Толпа несется, некуда! Очереди зарядов плазменных в головы. Блики насилия. Серые проекции толпы друг друга в жижу эфирную сминают, разрываясь под ручными плазметами в клочья. В толпу дымовые шашки. В глазах кристально-черных оранжевыми переливающимися фигурами отчетливы.

- Мачшииии!

Солдаты отрывают ребра, позвоночники, хватая пробегающих серых людей, стараясь во прощение Б/О/Г/а идей. Ревут и мечут хаотично, кроша асфальт,

очугуневшие. Раскладываются голограммы, сменяясь над каждым, из товарищей, нимбом головы. Датчик эфирный завывает на запястье линиями дрожащими. В перектроимпульсе цель принявшие, расщепляют спрятавшихся за смятые фонарные столбы.

- Вааааашиеее, - папор унімае голод, жуя проекції в обидві руки.

Прицел в ревуших, не воспринимают глаза серо-голубые, трижды бронированного плиткой кирпича товарища «13», развернут антенны шпиль спиной упершегося, подтягивавшего в локте, в оскале «95»-ого. В прицеле оптики самые яркие из серых персон пропадают, появляются, в точном попадании: головы, шеи, центральные части форм симметрии. Тенью, иже с ней, ее поступью осторожно, движется нога тертеола, облегченного, между кусками рваных тел. Выстрел за выстрелом, по опустошившейся площади, к трибуне лидера. По сторонам блики добивают, вперед перемещается. Остановился и втыкает. В спину хребта «?!(k-» винтовка складывается, дополняя полосой позвоночник, впитываясь.

«фаза накрыта», - два карих глаза отрешено в грузе терминала, - «сдвиг++»

Перетекают горизонты.

TP

- _мелкие, – в черноту дали за полушатром контрольно-пропускного пункта от бесконечности той, раскуривает сигаретой несигарету «145», слева сидящему, тремя бороздами от переносицы шрамами обрисованному, в зеленой шапочке, «26»-ому сержанту младшему, в тщательно обритой, заново пролезшей железной щетине.

- Б-б-б-б, – липучкой брони поддегивая.

- Бабу? – поморщив нос сдавил фильтр криворотый, в кристальные слезившиеся глаза товарищу взглянув.

Через ноздри дым белый драконом.

- Ну, – воротник расслабив.

- Из пота спин.

- Да, - передавая, - наших, - подтягивая крепче шнуровку правого ботинка.

- Создают, - дали, ботинок, - ДЗС, перестал.

- Какие снежинки делают розовый снег?

Размытые, нечеткие фигуры отражены в волнах поля периметра, друг в друга из друга лопавшиеся, расплываясь. Бинокуляр сложен.

TEO146

В забитом кубрике паром пророческих потов, с плакатами святых, взамен обоев временных, жирных рож, тошнотворных, «86»-ой ждет, сморкаясь искрами. Папор 076 с мундштуком в зубах кладет карту: желто-зелено-красную. Влетает в дверь, материализовавшуюся, бригада. Вздуты венами, дубовым соком пропитанные товарищи:

- Стучись! – покосившись, выболтнул белковой пены и комков папор, пальцем в сторону грибовидному младшему сержанту, -

- Куда рветесь? - накладывающие зелено-бело-красную, красно-желто-красную пророки.

- Товарищ пророк разрешите нам использовать врагов плененных нами, - двое подтверждают, - для утех наших.

- Думаю, - между красной и красной с желтой звездочкой в веере перебирая.

- Ну не сношаться же?

Сероватые зрачки «86»-го сузились.

- Никак нет, - подбрасывая черно-красно-желтую, - считать?

- Но мы на службе бога, Амаха, всевеликого, всевластного - плененные мужи пусть нас обслуживают по полной программе, все равно нет места в садах райских им.

- Пас?

- Да, - белую в красным кружком под красно-синим кружком пряча.

- Использовать солдатам бога нашего Амаха, всемудрейшего, великодушного, - рубашку с галстучком синим поправил, почесывая шею, - Берите по пленному на шестерых, избавляйтесь от грехотоксикоза, - накидывая по две карты, - Бл, без эксцессов. _ыбеу! Чтoб были в нормальном состоянии, еще суды.

- Есть. Разрешите идти?

- Разрешаю, - пророкам, - Кто?

Листок в руке пропитан вспотевшими пушками пальцев.

- Ты еще здесь? Давай текста.

- А, да, - поднес листки форматные.

- ТЛЛ, а не помятых нет?!

- Никак нет.

- Иди! И помни, кто тебя, - не смотря, - спать уложит, греет, кормит.

Солнце быстрое за горизонт, в прохладе черных не проснувшихся кустов. Пар из рта, морозец на виски. Небо затянуто лиловым. Под потолком колпаков, желтого, шумят, окружив ринг вишневого гиганта, рвущего фигуры серого, теосолдаты.

- Мочии! - волнами.

Вываливаются в ринг длинобородые, лысоголовые, обнаженные фигуры. Искры сеткой с плеч в локти, сминая в дергающееся месиво «83»-им. Кучками солдаты бога души заключенных лобзая и лобзая себя по кругу заставляя, натягивают на кулаки.

- Мочи его, мочи!! - пророки на скамье.

Натягивает тетиву струн гитары сержант младший, грибовидный. Размазана жижа по лицу триумфатора вишневого, обтирающегося.

- Боя!

Шинели развиваются трауром по нам, в игры играющим, попавшимся. Вдали от ринга между сценой «?!_» спина, с усмешкой выражение «11» - ого, подсад

подъемом из толпы «13»-ого. Рвет «31»-ый в пене рта шкуру барабана, меньшею клавишник «70»-ый, бас-гитарист «17»-ый елозит по струне.

- Я готов мочить! - кривые губы, - Мочить - мочить! Готов готовым быть!

ТЕО532

Вечер, часть дня. По коридорам свист дежурного раба. На плитусах зеленых: «Б13кт02 — Д». Ботиночки бесшумные умеющего не оставлять следов хозяина скользят по влажному надраенному псевдопаркету. Со стен плакат героев: фото рабов с 044-ым пророком, богов-гуманоид, диковинных мест, нагруженных в дорогу в гору мулов и ослов. Хозяин поступи неслышной по коридору продолжает путь, цепочкою побрякивая по карману оранжево-черному, засаленному. Герб: «запиши и сохрани». Пройден коридор. В три направления: куда, какой. Бледные пальцы, длинные, музыкальные, пророка 0124-ого. Летает где-то, жужжание слышно. Под стульями 0406, ботинком в нос 0605. Шесть на четыре дельтакубрик, под каждой стенкой по нарам, заваленные тумбочки, форточки с решеткой. Дверь внутрь открыта. Твердая, широкая, полос оранжево-черных хаки, фигура товарища «2»-го, грузоподъемного. Парафиновый ввалился за порог. Глоток сознания. Болтается в полосах аварийных снайпер, в движении под редкими подпотолочными блеклыми лампами, стекая по плечу слюной. Твердой поступи верен, качая от покусывания ворот униформ, прижимающего инстинктивно. В мыслях, отравленных страданием прощения безропотного дня, в объятьях товарища - не теряю хватки никогда. Свет милитарилун из форточки навеял запах родины. Ложится подсвеченный плазмой в свете пенициллиновом, в угаре лизергиновом, тая парафиновым.

Господин (Господь) режут

Солнце бледно-червивое в морозе утреннем взошло, дворик локальный быстро осветило. В полосочку истатуированно серым чугуна лицо, в тамбуре на пороге, светом заслоняясь. Без кепи, без кобур на поясе и без винтовки и ремня, в полной готовности вслушиваюсь в свист ветра, едва слышимых:

- Бл.

Продолжил шаг, надел кепи на вспотевший чуб, моргнул, протер комочки с век, на первом снеге: розовые, протектора ботинка подошвы, глубокие следы. Небо невзрачное, заткнутое болезненной яркой белизной. Среди бетонных стен, по улице, среди кованных деревьев, стендов газет, прошлогодних:

- Уголь! – сбоку.

Удар крепкий по плечу, приостанавливая на ходу.

- Оглох?! – слева кусающему ноготь, - С моста еще ору! - кисть одергивая, - В уши долбишь?

- Не слышал, - Салибиджиеву.

- В госпиталь?

- Да.

- Идем, - темп набирая.

- Идем, - уверенней дважды.

- МПК на ПИЛ, - бетонный поворот, - Шакалы, никто не взял.

- Пойти некому? - брови нахмурились, высматривая редкие предметы горизонта, открывающегося.

- Слушай, если бы я попросил у тебя шмат сердца, дал?

Полуперчаткой за ладонь сухую, разбитую в костяшках, кирпичную, просунул в бронь грудной клетки:

- Держи.

ТЕО146

Веселая мелодия, стул, стол, кушетка, долговязый в тканях комбинезона по овал физиономии.

- Солдат! - словом нажимая, - Мы ампутуруем, да и еще заглушку вставим. Понимаешь?

- Понимаю.

- Плохо понимаешь! Почему отросло?

- Не могу знать, - расстегнул воротник.

«13(к-», - ошейник.

- Все равно?

- Так точно.

- А мне нет! Плохо, очень плохо, товарищ солдат, что, Вам, все равно.

Смотрю, сглатывая показательно ком в горле.

- Я к тебе обращаюсь, не столу! Почему отросло сердце?

- Не могу знать, - безразлично.

- Ты хочешь, чтобы Тебе поставили заглушку веры?

- Не могу знать.

- Мы тебя поставим. Снимем и поставим опять, да возлюбишь ты Амаха, да прославятся дни командования его.

- И что?

Моменты шага, затекания, стоп в ожидании. В палате косятся стены. Газ, шприц, инъекция. Залип. Холод света. Два санитар, камеры слежения, запах сознания, яркие желтые лампы кольцом над. Режут, вскрывают грудь души, бланк заполняя.

- Чувствительность ТТ, - слыша.

Марлей накрывают граненные черты лица, зажатого ремнями, глаза.

- _уырыти сца. _е акриватаааза! Ожааалуста, Жааалустаа!!!

Движения зубцов по тканям вглубь, глубже, плавно.

- Твр, - хруст.

Из ребер показалось, комком массы пульсирующей, эфиром темным, отекающим.

- _е нужное для солдата,— коллегам, - Для, - сверху, оттягивая синеватую повязку с длинного лица, - раба.

ТР

Между туманами зимы нет причин:

«не приходить», - когда обещаешь.

Те, кто формы повторяют, не думая, создают конвейерными свиноматками, в наших мирах ручонки детские каменными глыбами в пустыне порождают. Пальцы в кулак - грубые, в ладонь — расслаблены, нежны. Багровые фаланги затягивают шнуровку правого хаки ботинка, рифленого. В размытом фокусе взвод, передвигается, плечи, в броне тяжелой, расправлены. С хрустом шеи НДМ пыль с погон сбивает. Ладонка недоразвитая младенца статуей гигантской в песке пустыни вкопана, тени от двух солнц оставляя. Ушная раковина, изъеденная кислотой, в таком же, камнем, слева.

- Любительница окситоцина, только, - читает мелким шрифтом, убирая ногу с окаменелости, - Куда подорвали?! – дюн мираж, бегущий.

Никто без сердца

- ТШШШШШ, развеивает и засасывает дым транквилизаторного сна кондиционер.

Мраморные полы, круг:

«БК-2\3»

Дежурный-раб спит. Сирена воет. Атлет просыпается, упав со стула, на ноги. Подходит к красной кнопке в коридоре, смотрит на отсчет табло под потолком:

« 002, 001, _»

Палец давит.

- Подъем! – криком близко.

Софиты давят, по воздуху передавая дребезжание звонка. Ресницы обнажают карие зрачки, сужающиеся, фокусируясь на движения. Пальцы под пледом, прощупывая опухоль, след операции. Стягивая плед, скрывая голову, под ним скрутился.

- Подъем! – тональности разные.

Пинаются, под пледом только слышно. Растоптан и изъят.

- Уголек, подъем, - приказом, припавший на ухо, идол пропорции, сержант «1»-ый, старший, просит.

- Встаю, - вяло.

- Что такое? – убирая руки с живота.

- Зябко, - почесал плечо, - Пэта!

- А?

- Дежурный заходил, – в маске обыденности, вставая.

- Час назад, - приподнимая ставнями широкими души, - Дышишь? Разотри.

Вышел, еще не вступил в свои обязанности рабочий график дня, лишь подготавливая спину каждого раба. Ведь кто же будет на себе возить пророков и богов? Слуга, отчет отдающий, что таков. Бетонная стена, есть небо, нечего смотреть туда. Холодные морозные лучи оранжевого солнца на выходе туннеля. Горит на потолке табло:

«В/б25-58», - сменяясь, - «+ _% андрогита»

Облокотился правым боком о стену холода, передавая ощущение грубо затягивающейся раны, еще одним шрамом. Снег за порогом сыплется мелкими частицами льда, заполнив в воздухе утра. В окурки, дымящиеся, надломленная сигарета. Смотрю в носок ботинка, пропускаю вниманием проходящих строев каменотесов с сержантом пенапластовым, на половину освещая одеревеневшие лица оранжевым лучом, даря ту одержимую правилами бога безмятежность, в которой, на удел свой: как всегда.

Никто и Никому

Вода. Блик тусклой лампы кольцевидной потолка. Она разбрызгивается по плиточкам зелено-серым. Струятся по душе, светящейся писанием плазмидов, холодной колосья. Тонны ее, она легка, скрывает грусть потерянного в суматохе дня, растроченного в чужих баталиях, любых баталиях, баталиях зелено-красно-черного манежа цирка. Расслаблен и закручен пружиной смывающий, сидя на корточках, грязь мира, прилипшую приказами Б.О.Г.. Святые письма горят расписанным по телу сиянием, трясущегося в агонии, прощаемого существа. Рука к руке: поднять и опустить. Он раб: ему нельзя рабов любить - неуставщина, богов - необходимо!

- Я плох? Да, обречен на ложь? Походу, навсегда! Я – зверь, волк, псих-одиночка, ненормален, ненормальностью нормален той. Я – человек? Нет! Сын? Никак нет, я товарищ-раб, слуга богов - я Твой, солдат! Я твой цветок, засохший в кактус беззащитностью любви. Убиваю по приказу, еще день чтоб побыть в гниющей раненой плоти.

Накрыли в битом крике голову ладони от брызг тоски:

– Сотри-ии-ии!

Из коридора, завешенного через пять висячими шарообразными желтыми колпаками, стоит неслышно, смотрит Кто-то, в шумящее потоками громадное пустое темное, спина вкраплений плавящейся киноленты, запястье правой рукой сжимается. Здесь не услышать фонограммы из писаний, здесь в душевом отделе сердца - мрак, как в дне замершего от безответного, отверженного, мирского океана. Розовы ступни, бардовые по телу ворсом маленьким узоры. На голове выстрижены такие же цветы ворсом коротким острым непрерывным. И лишь горят две цифры в темноте алые: на шее единицы. Горячим цинкованием упругая, гипертрофированная, ткань мышечная, углами выстраивая спину, имажинизацией о форме увидевшему, напрягается. Датчик слева циферблатом перекрестным зеленым при входе на стене:

«120 грд. тоски»

Ладонь широкая раскопечаренного чугуна дотронулась до ледяной стены.

- Ууух, - на запястье посмотрев, шагнул под озверевшие капли, - бл.

Шаги, и тише стали. Сбиваются ледяные струи, обдает приближением, жаром со

спины, потоками в подмышки, смыкаясь на груди, сквозь оцепенелость ноль градусной тоски.

- Е_нулся?! - в короточках сидевшему спиной, сливающимся иероглифов отблесками плазмы, раскрытого в тылах, закручивая вентили разбрызгивающих с потолка торчащих труб, - Тоскливую включил.

Не двигается «21»-ый.

- Меня, - пылающее жаром, - слышишь?

- Включи, - за труб капель скрывая взгляд, - пожалуйста.

Багровые ладони на плечи, надавливая, играючи:

- Что? - контрастный душ со всех труб острыми струями.

Волна горячего потока, обдающая, пугающая нужностью, в ответ на грубость – нежность, без края, бесконечная.

- Аааа! Ааааа! – в коленях НДМ УГЛ прячется.

Закрутился в эмбрион, спасаясь от ожогов в пене окисления. Без звезд, без стен и потолков, покой, в ушах — гудящий звон, трансляцией сигналов не настроенных, потоками на вектор бесконечности, Тебя.

- Сearp! – хрустящим басом.

- Не вижу ни_уя, - мир бликов созерцая.

Мягкий войлок, теплый воздушный, обвивает обсушенную душу, ноющее ощущение висков. Закутан в желтое, меткой проносящейся «11_».

- Щас, бл, - порозовевшему полотенцем отирая голову.

Комфорт уюта теплоты.

- Улыбается, бл, - сомкнул ладонями бледные ступни.

- Гром, ты? – специально.

- Я, - веселостью даря, - Кого ждал?

- Да никого не ожидал, протри, пожалуйста.

- Сейчас как протру, - мощная рука верно стирает роговицу, залившую от чугуна, корочки сдирая, - Что за _уйня?

- Не знаю.

- Тихо, - лицо серого санскрита махровыми петельками, - Как контуженный: говоришь - без толку.

Сочная светлая картинка расплывчатыми краями отдает.

- Че без толку?

Череп округлый бардовых выстриженных орнаментов.

- Що: с толком? – две сильные широкие клешни свинцом на плечи, сжимая, спали на перекрещенные холодные лодыжки, растирая.

- А что?

Лодыжки чугуна в багровых пальцах хрустом.

- Оу! - пытаюсь встать, - Ты че?!

- Размечтался, - не отпуская, - Во, - ступню в другую сторону сжимая.

Движений нет. Хруст.

- Все! Все, Все! - за пальцы пальцами, - Аааа!

Замер.

- И що? - большими пальцами за сухожилие лодыжки.

- Аааа! - пытаюсь отобрать ступни, уткнулся лбом в плечо багровое, - Не надо! - капли холодные с лица о плотности плеча товарища.

- Что там говоришь, каждый день? - сильнее дважды, и прокручивая.

- АА, - в подмышку челкой прячась, - Каждый, - бессильно напрягаясь, смотря лбом в лоб нахмуренных полос.

Приослабил пальцы.

- Хмеге, - захватил в локти голову на грудь, смеющуюся, - Че молчал? - серьезней ночи дня округлыми в глаза, - Стало легче? Я - Твои проблемы.

Нет сопротивления.

- Вот так, - улыбаясь, полотенцем обтираю, - Вообще, молчу про некоторых, кто ведет аморальный образ жизни.

- В смысле? – по спине мурашками.

- А че ты покраснел?

- Я всегда красный.

- Да, а я всегда синий! - за стопы взявшись крепче, подтягивая, привставая, пристально внимая, сверху придавил.

- Бл, э, - черепом в пах упираясь, - Не знаю.

- Что Ты выкручиваешься? - с брови стирая пленку чугуна окиси, - Мне врать, не получается?

- Не хочется.

ТР

Стекла. Свет. Стекла, полоса половин лиц. У стекол бетона прохаживаются. Голомонитор, бежит строка. Окошечко резко рукой, белой такой, внутрь отъезжает. Комбинезоны, кружочками локтей, согнувшись.

«чувствительнос_», - сдвигая ползунок.

«ЕТЕО», - проверяя.

«Ор», - уменьшая.

«КЭФ» - увеличивая.

Пункт к пункту, палец открывает:

«TEODD», - спуская взор.

Закрита голограмма:

«FORMAT - ISHLM.-2.2, - процесс среди процессов по иерархии последних - главным, отражаясь надписью поверх других, желтой, черного фона, у каждой из стеков, рядами.

TEO532

Люки сверкают, тапочки подошвой каучуковой хлюп-хлюп. Быстрее принять холодный душ, быстрее в одеяло замотаться, сразу, ни о чем не думая, заснуть. Подушка резво ухо встретила.

« НДМ 11(k-_)», - сменяясь, - «отключен»

Колонны экранами мигают в ряд. Ночь оголила желтые, с оттенком красным, фонари. Где-то в ночную смену долбят и молотят горную породу, те спят, защиты всякой вовсе лишены.

«РЕГЕНЕРАТОРИУМ 03», - надпись в перспективе искажается открываемой двери.

Ресницы, кукольные, чугуна не двигаются. Глыбы ботинок, скрепя и нагоняя ужас, на свету моргающего в коридоре фонаря и, палец толстый жирный по углам:

- Там, там и там.

Глаза, прозябшие от солей сна, поддались ударам твердого тупого. Треск черепа.

- Почувствуй мой кулак, товарищ-раб. Чувствуй, идиот. Я – твой пророк, - с колена, вновь с ботинка, сверху и, под болтающуюся яркую желтую лампочку в кругу, в кулисах тьмы, смеется тумей 0683.

Пространственный карман, пип-шоу: с малиновым свечением по коже обнаженной вышли двое с рогатиной раскаленной.

- Читай молитву, раб, СемьСемьПять!

Вошью втираясь в настил глины и угля, каменотес бы уже плакал, но слез лишен солдат бога! Нет восприятия даже, право, славно в гной сбивая, в лоб плюя. Все равно не будет, не было!

- Бона, бона!! - слизь глинистая выползла из раскуроченного рта.

- Да, – жирные толстые пальцы с нестриженным ногтем, грязным, за филе маленького изувеченного толстячка.

Слюни пленкой ослепляют, выплескивающиеся из глотки:

- Бгра-бргоароап!

Лампочка погасла и зажглась, не раз. Проталкиваются упирающиеся души. Крышка в стене, круглая, придавливая. Лезвия лазера в ее оси.

«взмучивател_», - пластина под рукояткой.

Тетравлика, пульт управления. 084-ый:

- Ням-ням, - на кнопку плоскую нажал.

Лезвия рубят, брызжа о стекло.

- Нормально, - 085-ый суспензию лиловую мерит издали.

0116 глаз в жижи замечая, зрачком расслаивающимся.

- Еще.

По кнопке вновь. Скрежет, краник открыт, по стаканам разливаясь жижей со свистом, почвакиванием.

сигналы Ниоткуда Никому

Кора земли, замершая - мягкая, как патока, наброшенная сверху слоем пепла, вязкого в грязи. В красных огнях, обветренной песчаной ночи, колющий тригопункт распределительный ловит сквозняк, сквозь пропускает мелкие песчинки. В зубах наполовину спичка, маячок. Шумит безбрежным океаном мглы пустыня товарищу кирпичных плиток, эргономичных, принимающего импульсы, в рацию переходящие, за силовое поле взглядом исчезавшего. Ботинок вязнет в ней, золотых погон движений шлейф, винтовка за спиной, губы зажимает. Кирпичные скулы под квадратным козырьком хаки кепи, кристально-синими глазами в сторону, на звуки подходящего ботинка.

- Че там? – место настила рядом занимая, УГЛ за сигаретой в кармашек на бедре полез.

В кофейных пальцах сигарета. Местом насиженным делюсь:

- Слушай, - рацию прислоняя, придерживая кирпича ладонью.

- Ага, - закусил фильтр.

Тертеол двух спин брони с боков в сплошной срастается.

- Что?

- Слушай, - прижимая ухом корпус рации, - Торжок на счет меня ничего? – в искрах плит брони, внедряющейся, подсвечивая:

«...жите ей что я тшшшшушел, скажитешшшш я осталсякрхх»

- Нет, - в помехах разбирая, - на прошлой смене поймал, - передаваемую сигарету, с дымом в кулаке, от вихрей сумрачных песков скрывая, - ее.

- Да? - улыбнулся краешком губы, облизываясь, - Хотел бы домой сейчас?

«?!»-ый курит.

- Ты бы захотел хотеть туда? – приподнимая черный козырек со лба, отражаясь в карих карими.

- Наверно. Ты?

- Что: «я»?

- Что дома ждет Тебя?

- Не это, - сглотнув горечь дымка, - А? - повернувшись.

- Встрял, - полуперчатки заминая.

Кирпичных плит нежность встrepенулась:

- Куда?

- Наезжает.
- Кто? - нет движения.
- УГЛ.

Пустыня мглой сухость песка разгоняет. Тренога пятиметровая ретранслятора гудит, завывает. Одной броней тертеола двух спин, в кулаке куря, слушая пойманную радиопомеху.

- Разберемся. На блоке сейчас?

От тригопункта точки импульса, поля поддерживающего, к мерцающим огням неоновым, отдаляющимся.

- Не, только снялся. На вторую.
- Мне тоже, - вставая, - Идем? - отряхивая штанины.
- Идем, - настил презентовый сминая.

ТЕО532

Что изменилось, что? Смотри: поверю! Теплеет. Заснув, в объятьях снайпер обезоруженный беспечно млеет. Кайма границ, чугуны и волны, разогревшие виски, закрыт от мира этого, уткнувшись в ткани пледа товарищ-раб, зажатый в мышечную ткань товарища-раба, попав самостоятельно в тиски. Бог смотрит с трона деревянного, инкрустацией металла, камня, душ, жаждая мести, не собираясь ждать. Но он ведь бог, здесь не вмешается, взывает дьявола. Так было до сих пор, истина осыпалась, тео.

«ничто не может изменять», - вспышка точек, - «кроме», - так нити тонкой между нами никому не разорвать, так, точно так.

Но бог желает мстить. Но богосатана не допускает конкуренции. Одно остается этому – исчезнуть. Часы, храп, блики двцветного проектора, умиротворение, над спящими нависла тишина. И что бы ни приснилось, и что бы не мелькнуло странную фигурой, пропадая, не здесь это и не для них, не для сейчас. Дыхание, мехи грудные, снова храп, древесные полы, колонны, прыгающие монохромные картинки на часть, виднеющейся из-за угла, стены. Не слышно отмеряют ночь часы. Киновари плечо закрыло запястье истатуированной плазмой руки. Стоп: номер три.

ТР

Там тихо, тихо так, что звуки голоса, дорожками разложены, на всех тонах распознаваемо. На пике треугольном одного, из опоясавших святую часть, шпилей, рельсами собранным, перфоплощадки оранжевой пустыни, на высоте пятнадцати десятков, схолоретранслятора башни, держащейся на тросах трех натянутых, снизу, влитых в бетонные столбы, две фигуры. Открыт ящик закрытыми пенами, распотрошены пазы. Пальцы изоляционные оттягивают, скручивают, выверткой вдавливают цветной лапши, вылезшей из зеленого щитка, труху. В бинокль по сторонам, у края, свободными ботинками по воздуху когтями «13»-ый облокотился о толстую перила арматуру. Дымится сигарета в зубах «300»-го бритомохнатого товарища, упершего локтем кожух щитка.

- Держи, - в натуге подозвал товарищем «к-2».

Подтягиваясь за трубу перил, СЛБ отвлекся от бинокля. Разложенные инструменты по карманчикам штанин, рукавов покладистого материала, срослись, торчат. Из клещей в руках, затертых, выскальзывают провода. Беглая искра.

- Не отпускай, - передал.
- Давай, бл, - пальцы зажимая, - Че так?
- Зае_ывает?

Клещами ворожа в щитке, пугающе:

- Тебя что, нет? - желая знать, мохнатым черепом потея, морщась полосами лба, вглубь клемм шурупы проворачивая.

- Крути! - накручивая окуляры снова, - ТМП?
Резьба обломилась, искры вызвав.
- Что такое? – провода в щиток запихивая, - Аай! - пальцы одернув.
- Потухли.
- Что? – тревожно короткие широкие штанины сделали резвый шаг, - Сюда! - бинокль вырвав, по той же линии просматривая, - Б_дство.

Ремешок бинокля сдавил горло:

- А что? - прохрипев.
- Что: «Что?» - не горят.

Воздух наполнился сдавившей горло сухостью. Плазмет за ремешок с решетки под ногами, с предохранителя снимая.

- Все, – в перекрестии векторов за полусотню до размеченного временными шашками периметра.

Выглядывает битая агломерация, материализующейся кривой движения, четче проявляющегося, девятым валом накрывающего, социомассой.

- Включишь?
- Да, - теряясь пальцами в приборах ящичка.

Болты посыпались, из рук через решетку пролетая, в песок дрожащий, приземляясь. За спину ствол, хребтом брони, обрастающей, впитывая. В сетке голограмм маски микромир материализуется, переключая вариации.

«суперсимметрия», - пиками, нарастающими, голограмм, - «мод 7 7 3_»

Ботинком на перила, собой вращая ось. Когтей свобода расправляется, впиваясь в арматур жгуты.

- Держи! – просовывая новые ростки жал в распределительный щиток, облизывая губы язычком, фиолетовым кончиком, - Держи!! - злобно обернулся, замер в ожидании.

Свечением прозрачны плиты тертеола, амортизируя сгорбленной спиной

микромиров горизонты, вплотную накатившие. Палец на кнопку.

«теорежим», – оповещение щитка, - «активно»

Синие огни башенного шпиля. Свободное падения, бархан пески. Колено, грудь тереоло, уходящая куском брони от пояса, ниже. Локти открыли собирающуюся в единую трубу, лестницей вверх спиралью, до шпиля, антенну, уходящую.

- Кр-кха, - на спину одышкой прохрипев, растянулся, вытянув ноги.

В небе не будет отражения земли.

резервация Господ (Б.О.Г.)

- Нет божества, кроме него, живет, умерщвляет. Хозяин наказал за ересь. Не видели мы увещание, живя людьми. Мы будем созданы пророками, и возвращены волей святую землю, и не возвышайтесь против бога, учитесь приходить с явной властью. Я прибегаю к Господину моему, Господу нашему, не буду бит камнями, - звенит в ушах реверберация.

На терминале забронированного с каски в берц хаки:

«резервация»

Сухость тающей грязными дорогами зимы. По калие идут бога солдаты. Под небесами грязными святыми несем огонь в народы слабые, природой жившие, не знающие пророков никаких – неправильные! О, да, как низко они пали, деревни и селения: в них нет святого писания человека в парике, в чалме, с кудряшками. Солдатами бога гроты боевого обеспечения по курсу приказом мессианским истребления. Две капли на щеке. Тает снежинка на ментоловой губе. Она соленая, как кровь, что дымом поползет из чужеземцев, живших по ссылке сто веков. А у товарища бардового, под кепкой вместо каски как у всех, командующего отделением, не чешется ладонь, готовая спустить курок, зудит! Приказ пророков выполняется. Лорд нам поставил ясную задачу. Духи племен, убитые, разлетелись в пулях, эфирными частицами.

«статус», - слева сверху голограмма, - «фиксация»

Шагает, увязая в грязи, старший снайпер «19»-ый, в бинокль плавно стекающую горизонта нить исследуя. Смеются, наслаждаясь битвами рабов, ареной цирка, сверяя уверовавших голосов счет.

«лист V2» - продвигаемся.

- По циклическим группам, стройся! – нестигаемо, - Свободные - в кольца! – капсула факела поля защитного выкручивается в корпусе своем, освещая картину поселений кочевых, с хилыми интонациями человеческих эмоций страха, беспомощности, шлейфом в мире синем, отсвечивающих, на проявляющихся экипированных, солдат вооруженных.

Векам не закрыть карих глаз, бинокль убирающих. Рабы божьи, бога право, славного, значимого, верного и настоящего, рвут автоматной очередью цивилизацию. Виску больше, чем есть, потом холодным не обдать. Оцепенев, по щиколотки в глину увязаю, смотря в великую духовную значимость крестового похода, которого не остановить руками выполняющими, признавшими себя слугой, идеи культа, вождя, пророка, ну и конечно, бога. Сердцу, изъятому хирургами божественно не плакать,

плачу я! Мы убиваем, действуем за мир пророков приказом старшего. Я, конченное существо, раб, не способный перечить насилию, зная: не могу, таким вот убересть от воли божьей, никого, даже себя, встав и уйдя посередине утренней по расписанию молитвы, на-всег-да! Я виноват что жив, я виноват что продлеваю своим раболепием тебе жизнь, Б.О.Г.о.С.А.Т.А.Н.А. Я изменяюсь формой новой, остановив войну, жизнь, вот такую - мерзкую, послушника, взамен на стол тебе, о, Мир, кидаю.

ТЕО146

Граница заливает оба глаза. Скоро опять и снова пропадает по-новому глава. Из жизни новым годом приходя, мне горло воспалят тупые однозначные слова:

- _ненавижу с тобой, скотина мультиплика.

И начинает нервами играть, чтоб было напряженной Тебя ждать. Сливаясь с безнадежностью и безразличностью, мечтая просто сдохнуть, любыми способами, в раз. Бог не остановится, придется выжечь фосфором входных врат зоны в каждом из нас. Свет давит и горит, свет полнолуния, двух лун, соединенных на двоих. Душа вся в дырах, в пулях, а сверху бог надел бронежилет, чтоб никому не увидеть этот секрет. Не выходя из-за стены, сняв кепи, УГП помялся на пороге, глазами в пол паркетный посмотрел. За вторым рядом парт СЛБ, из банки вязкую субстанцию ложками поглощает.

- Сегодня мне приснился Кто-то, думал, что сошел с ума, - рядом напротив, сжимая банку.

«СГУ_», - пальцы закрывают, - «_КА»

- Так, - застыв с ложкой пустой, подтягиваю щеку морщиной кирпича.

По горлу кадык перемещает приторность содержимого, падают на матовость стола липкие капли, в лужице собираясь.

- Мне хочется узнать, - пустую банку положи, - Гром думал ли, - кофейные пальцы утирают хаки ткани лоскутом, - что делаю сейчас, и думал, - запечатанная банка рядом, - ли он так, - двух разновидностей чугуна фаланги, - а если думает, то почему, - ноготь поддевает петлю защитной пленочки, вскрывая, - и как?

Сух взгляд, цедя сквозь зубы:

- Никто не говорит, - ткань возвращается, утирая подбородок, - что Кто-то что-то обещал, - чугунные углы лица не отражая, - Никто и не приходит, - ложкой черпая, - Кому так важно? Кого-то Кто-то ждал?
- И видимо, так хочет бог людей, так он приказывает нам, Уставом Б/О/Г/А, имея на все случаи ответ? - за ложку, - А если я спрошу то, - обмакнув, облизываясь, - что Тебе не знать?
- Я не будет отвечать, - ложку с банкой ближе.

Еще банка.

- Я мог ждать дни и ночи, но зачем?! Я мог бы думать о Тебе, зачем? Я мог бы верить в то, что Б/О/Г людей – другое, не как есть.
- Плевать, - частыми ложками.

Подсел, за уши обеими ладонями, бас свой заглушая.

- Не понимаешь! – закричал, сдавливая челюсти, - Сегодня убивали, просто убивали, мы разрушали сознательные формы за кого-то, потому что он не может убивать - ему впадлу. Убили за Б.О.Га мы, и вчера убили тех, кто с ним не согласен!

Дребезжание. Сдавил клеймо виска «?!», лбом, локтем блокируя движение шеи.

- Ты, че, товарищ?! Чистилище! – ладонями сухими закрыл рот, борозды шрамов ощущая, - Жестокости границ не будет! А в ответ, на ту заботу, что нам дал Отец, однажды мое сердце лопнет и унесет с собой этот нормальный мир, - кристально-карие глаза упали в объятья отраженных, умолкая — Мир! - закричав в ткани черные униформы, носом цепляясь в клепку нагрудного кармана, - где я! - за ворот черной ткани кителя, - Приговорен, быгрт, - на ухо сорванным голосом, - фафсета оим!!

Нет окон, возвращая.

ТЕО532

Ладони согревая, растирая друг о друга, без пары снайперской своей, по краю крыш шагая, под ноги не смотря, незаметный, чернотой фигуры в полосе погон, забыв на час о тяжести брони себя, на высоте держась за шнур перектракабеля, в свинец небес уперся ядрами кристально-карих глаз. Так высоко, намного выше всех других, цель так близка, челкой со лба, нежней, легче вчера. В ход образы, пустынных берегов не существующего океана пены полевых цветов. Они колыхнутся, пригибается ложноножками социомасса, покрывшая все, от «А» до «Я» микромиров, не макро.

- Что будет, если ты придёшь? Что? – прикрыл ладонью рот, чтоб кто-то лишний не узнал, - Что станет с вами облака - нет меня?

Загадывая желание любое, исполнится. Нет слов. Все сказано, по адресату не попало. Нет слез. Слов не достаточно мне, стало очень мало. Никак не звать. Без слов я перестал существовать, дописывая предложение краем листа. Ответный слог, ответа звук, что стороною обошел по линии огня. Ты приходи, я промолчу. Мне нечего сказать о том, я больше не хочу. Чтоб действовать синхронно достаточно себя однажды изменить. И пусть меж ребер нет органа, нет сердца человеческого для любви, успеть оповестить, прийти. Достаточно всего Твоей ладони, и будет полон ею мир, в каждом Тобой изменим. Мы, кто если? Знай: между звезд пучин галактик времени, жив - мертв, именно Тобой, одним.

ТЕО146

В ответ: ни облака, пурга. Осколками снежинки в рукавах. Перчатка их сбивает, проводя. В разгаре бурь негодования, зима! Вздохнули черной утепленной бронью солдаты, смиренны, как всегда, зрачки, тянется квартала пелена. Зима - мечтает каждый обрести еще чуток тепла. Прицел, жухлые обтекающие глаз очки, взят строго пост на мушку. Угол обзора, ходят от безделья в нем свои. Снег ненависти Господина из ада по дороге, степным затором снеговым, циклоном безразличия и мягкотелой шкуры. День к вечеру, к ночи перевалочной базы, в пустыне человечества, забором плит перекрытия, куполами жилых, техно, распределительных очертаний. Часть – полночь. В глубокой дреме храп. Сопит, зевает взвод, еще один и много, много! Под полусферой стены и потолков, свет сквозь метель из маленького не замершего окошечка уныло бьет. Сотнями коек, их солдат, кто с кем, в обнимку, как, укутав в

ткани души, спят. Обезоруженный стеклянным взглядом УГЛ в двойном слое черной брони недвижим, поджав колени. Крутят всю ту же скучную пластинку сиреневые под глазами ободки. Мы все одни и те же тут - солдаты бога. Мы на войне, в которой нас забудут даже закопать потом. Настанет день, и мы, до дома не дойдя, здесь остаемся. Одна на всех, она, смерть наша, дешевле банки из-под сгущенного просроченного молока. Мы грязь на своих плечах крестом, звездой и полумесяцем неся, осуществляем смертоубийства по приказам, насилуем, пугаем, оставлением метки ударов, заслуженно слыша: «грязнее, чем солдат, не существует». Да?! Нам не нужна оплата за патриотизм богу. Нам это — ничто, лишь костью в горле, на здоровом глазе мира катаракты мутное бельмо!

- На__! - с распрями религиозными, - все равно.

Между колонн метнулась тень. От тени запах дыма сигарет. От тени запах масел едких, ацетоновых колец. Тень на спину улеглась, фильтром светясь, просовывая руку под подушку, голову, окунувшуюся, заснувшего «?!»-ого, ком одеяла обнявшего тугой, в локте лбом приближая. Курил, молча прочил себя товарищу, силу свою спуская незаметную. Латы брони, не снятой, расслаблены, расстегнуты.

- Спим, - дыханием «18»-ым грея.

Подушку под затылок чугуна, царапины глубокой цинка, сочленениями тертеола интегрируясь.

«адаптивно_», - одной рукой сильнее.

ТЕО532

Свет лунный сквозь решетки окон на матрас, оттуда Кто-то смотрит. Луч яркого прожектора, светлее молнии, снаружи спящим прямо в глаз, не спящему с тревогой. Мир маленький, но очень уж свиреп, ко мне впервые с исключением он дышит? Бинты на ребрах краски, час: полночь. Остановились пятна, преграждая монитора:

«холодно»

- Дальний? - НДМ в полосах плеч золота на краю нижнего стека нар.

«не мерзнуть» - рекламой экрана.

- Нет, - не отрывая взгляда.

Нет более невысказанности, пусть водят камеры слежения несовершенные тупые доктора. Ладонь багровая собою заслонила луч прожектора, и на прожженные кирпичные ресницы спящего в ночи обрушились тоски тонны.

Нас не было

Свет. Стол стальной, под манипуляторами. Склоняются над фаршем тканей лазерные щупы, расслаивая сплав нитями. Кусками арматуру ребер меряют. Вскрытая брюшина на сегменты делится.

- Сравнил веса? - набитым ртом у роя форм голограмм, движущихся.

- Бетта, - с хрустом выламывая окислившуюся часть бахромы.

ТР

- Шо там? – в шагах от каемки ушной раковины чугуной.

Расстегнута коробка торчащих, блестящих с пробочками черными резиновыми, законопаченных ампул, трубочек кольцевидных, щупов, форм на поролоне, пустующих. Чувствительные пальцы из грунта осторожно вынимают длинным тонким буром бриллиантовую скользкую капсулу.

- Переживать? - за черным бронежилетом, левым плечом.

Пустынные равнины. Треснутая глина. Сухое небо. Дверцы бага закамуфлированы под барханы, свежеекрашены. Парафиновый на капоте, слушая мелодию, качает в такт ногой, грудь под броней массируя.

- Щас, - тише, - ука, – громче, - Бл! – отекают пеной щелочи брови, бур выкручивается, краской ободраный, - Иду!

Смех за спиной.

- Быстрее!

- Уже! – вынимая капсулу с пробой вязкой кремовой глины из втулки бура.

Прервав движения, свободная ячейка в левой раскладной створке.

- Мелкая, – увидел под когтем ботинка капсулу испачканную, - Что?

Щелчок, зажим, местами не так туго, ударом локтя собрано.

«упакова_», - блеск санскрита.

Через матерый профиль грузоподъемный, переваливающийся по капоту на бок, вдали фигура УГЛ. Последняя затяжка, приняв положение: сидя.

- Бреется Конь, - окурочив выпуска в свободное падение.

Полуперчатку отирая о штанину, УГЛ просунул пальцы к сизому сиянию растегнутой техно-ткани:

- Что с ним делать? - пушистый сгусток за ухом глядя.

Парафиновые пушки язычек щекочет.

- Откармливать, - щенка, прилипшего к подкладке, перекадывая, - Будет в боксе бегать.

Подол ботинка заминает, грунт разрывая когтем.

- Видел? - рукав оранжево-черный влево, - Грррр, - вправо, - слышал как дерзит? - с капота скатываясь, броня застегивая.

- Ни_уя нема, - заднюю дверцу бронебага отводя.

Пенал в паз держателей загружается.

Творец Творцу

Просторный зал, постельные тона. Длинный овальный стол десятерых персон. Высок он, белой униформы, в лампах синего, доклад, стоящего в трех стульях от, безбрового, вникая, слушая. Засели между голотаблицы, списки, перемещаясь углом обзора. Дверь, темнеет градиент серого.

- Товарищ генерал, продолжать? – видя сменившуюся реакцию.

- Присядь пока, - за приближением, натягивая нижнюю губу из-под растертых до красноты век, зрачками наблюдая.

Мимо стола мундир генерала.

- Товарищи, оставьте нас пожалуйста, - вежлив мегахрундель.

- У нас, - слогами разделяя, - консилиум.

Моно

Что-то так воеет, воеет сильно, не пойму. Рифленая ботинка подошва зависла, когтями из протектора перебирая, расслабленна. Ноге в черной штанине грубой не переступить через порог рельс врат. Раскрыт ангар. Две тени искаженные растягиваются от черного кепи козырька. В носок, застывший в воздухе, смотрит УГЛ, когтями в бетон впирается.

- Не стой! - осело.

Пустой ангар, до темноты, вглубь уходящий. За рельсами снаружи, ряды ангаров, ракушками забиты и закрыты, точно так же, пустотой. Снег мелкий по дробленным огромным гусеничным следам асфальта улочек. Гнусное светлое, серое небо однотонное, мажет, зажмурился, ноздрями морща, потягивая. Железных механизмов треск, сдвинувшихся с мертвых точек, навстречу створ гигантских. Прибывает басом в спину, рубящим:

- Ключи.

Из темноты его глубин, на света пролежни покачивается в пол-высоты стены, трезентовый ком, местами порванный, торчащими деталями, плеча титанической полусогнувшейся фигуры.

- Слышишь?! – ношу, соскакивающую, толчками поправляя.

- Иду, – задним ходом отступая.

- Так иди сюда! - бронза губ плавится, - Что ты копошишься?!

- Где?

- С ремня, – переключив внимание на искаженное лицо черного снайпера, - Что там?

- Да ничего, – темп шага переняв, с крючка канатик связкой ежиком ключей с широкого, волнующегося пояса титана, отстегивая.

- Ничего?! – сдерживая.

Полоска врат ангара лентой озарила.

- Сейчас как кину! Что?

- Ни_уя, - рывком с пояса, - не помню.

Отвернулся, напряжено с ноги на ногу неуверенно переступая, в угол свернув, к светящемуся красными огоньками дверному щитку. Угол.

- Какой? – послышалось.

Через рельсы порога переступив:

- Страшный.

В полу-перчатках черных перебирается увесистая, обрастающая ключами разных оттенков, связка.

- Да тут, что один такой?!

Черный козырек на яркую полосу света повернул висок.

- Резче! – в щель гигантскую, смыкающуюся.

Воет снаружи, в ком-то и внутри. Снег мелкой крупой с небес однотонных сыпется на звездочки погон тумея 033, сбиваясь хрустом титановой спины, под плитами брони. Из двери в рост обычный ангара полотна вышел, закрывая, связкой по штанине бью. В багажник ноша. Плечом дверь в паз, краешек шеврона «НТИ» задевает, заблокировав замок, штамп в кляксу панели управления замка фаской ключа, кожных сверху:

«исч.15-2», - зеленым шрифтом, - «_ктивно»

сны рабские

Сны сняться нам. Да неужели?! Наши ли они? Регенераториум в дыму транквилизатора «РТДИ». Укрыт пледом прощения. Чья-то ладонь до пола достает, свисает, шипит пар, в дыму не видно потолка, открыты карие глаза, блестящие точки проявляются.

- Подал? - над ячейками голограмм, объединенных сетью.

Ливень давит. Бетонные деревья. Чешется душа. Трава, щекошет с издевательской насмешкой в ноздри, ломается в движениях меня. Ладонью протираясь, «13»-ый встает, бронь позеленевшую затягивая. Дыхание паром. Трава крошится под давлением чугунного ботинка. Поправил ткани хаки на затылок, под статуей без головы, с торчащей арматурой позвоночника, вдоль стрелянных аллей, ища пачку, похлопывая по карманам. Дыхание паром в темноте бункера. Шум проезжающего транспорта. Шаги, согнувшись в темноте. Громче, взрывы, бешеные поезда. Потягивая скулы, вышел из перехода. Город шумит, не замечая. Горящие многоэтажки копят синтетические облака. Пожарные тушат дымом, носилками тянут. Бегающие хаотично. В окне наполовину скошенного пятнадцатизэтажного расстрелянного дома выглянул кто-то. Жужжат сотрудники безопасности, постукивая рацией, по лестницам поднимаясь на карниз. Проходят мимо в сопровождение усатых в галифе кавалеристов, без коней, великолепных, законопаченные смолой ртов, согнутые, перекошенные, больные и израненные, буквами на спинах серых фуфаяк: «_АГАДА_». В окне этажа, пузом в черной ткани, желто-серой бородой, накрыв мальчонку мантией, по стенке выгоревших обоев, вытирает палец от дерьма:

- Ну, что видишь, Венечка? - на батарею подсаживая.

- Батюшка, что же это? - мальчонка в маячке заинтригован.

- Это — бесы. Видишь, сколько должно приходиться на каждого из братии?

- Батюшка?!

- Да. Теперь смотри, - косясь из окна на кирпичного бронированного солдата с горящими огнями ошейника.

Плевков в асфальт, не глядя, затоптал. Тамбур перед номером «13» черной, под дерево, двери.

- Кто там? – спросили.

За собой закрыл, прошел по коридору, разуваясь. Женщина накрывает яствами заставленный стол кухни. Шаль домотканая белая, халат большой и теплый, платком зятанутая в гульку голова.

- Вон там: с капустой, - сказала, улыбнулась, накладывает на, удлиняющийся со стенкой, отъехавший стол, - Хорошая форма, – суеться.

- Да, Мама, - отвечаю.

Все бегала и бегала, накладывая тарелки с горячим и пряным. Суп торопливо ем. Из радио — шипение. За стол напротив села, царапая ногтем по краешку стола, расправив локоны пепельного. Она заплакала, скрыв ладонями глаза. Пряча в плече слезы, поспешно встала, из кухни выбежала. Радио жужжит, карие глаза в снег окон с листьями. Вслед, утирая полотенцем с колен уголки губ. В комнатах рыдают, в платках черных женщины, в черном дети. Держа свечу, одна неслышно подходя:

- Решение Амаха.

Обернулся – все исчезло, повернулся – тишина, в комнатах не слышно пустоту, но все — она! На столике маленьком документов короба, пустые бланки, свидетельства. Не измениться, слезы из глаз скрываются. Стирают их кирпичные ладони ребрами. Камуфляж по телу пятнами - не различить заботы матери, не возратить ту чистоту, что пишется буквами заглавными.

-Дефект, - пальцы переводят столбиком голограммы.

Впихнули в ботинки, дали шаблон разума.

- ДИС_0,8.

Тупыми приказами соткана смерть наша, без вести пропавших никем не распознана. Кто мы такие сейчас, живые? Не люди мы больше, хоть ими и были. Я появился для оков, знаю, плевать! Я не предвестник, не оракул – я солдат, врагов уничтожать!

раб послушный

Утро. Доска агитации: «гигиена». Подслушивает у двери, в щель ничего не видя.

- Что?!

- Раз так действует, одно_.

Тяжелая рука упала на плечо.

- Аг, - завопил ОБС.

Токсидермический пророк за ухо, улыбается:

- Вешайся.

Ничьи руки.

Нигде. Ловя, моменты смертности по-качественней, масштабнее, две пары высоких черных кованных ботинок снайперов склоняются в оранжевой пустыни. РЖВ

слушает сердцебиение пустот, вперед на шаг, УГЛ в радар, не изменяющийся, голограммой на запястье передатчика, зернами карего зрачка. В глаза псевдо-зеленые, сизые, стучатся грязно-желтого, без звезд и лун, полотна.

- Осадок, – в кармашек левого рукава, чихая.
- Забей, – вслушиваясь в сканер, лениво переставив ногу.
- Может, – сигарету доставая, - знал.
- Нет.

«_лист ожидается»

В едком конденсате собраны противоаэомаски. Туман, соленой, шипящим тертеолом проявляется.

- Фиксируешь?
- Да, – радар мерцает точками, - 5, – сменяясь сканера режимами, - 8, - проглатывая челюстями накатившую слюну, - 2.

Поля нуль-деревьев в ломанных штрих-пунктирах векторов.

- Глючит? - из-за плеча.

Разъедает тертеол туман.

- Выбило.

- До этого что, – ступив в пепел грязи, - молчал?

«макро включен», - растреиваясь.

- Что там? - окулярами.

Ответная реакция проржавленного снайпера:

- Ху_, его знает.

Сузив линзы:

- Расслоение V2.

Под подошвой ботинка иней.

- Они там, кстати, и заснули, - из-за спины «21(_» тертеола расширяющиеся стволы автоматов, - потом.

Туман въедается, дымком шипя. Сбивает с ног, наваливается. Очереди, арматуры локтей, стоп, отбиваясь, переливающиеся ртутью щупальца.

- Дггреея! – в лицо, - Вэй! - в лицо, на грудь, очередями не сбивается.

Двуруконое, пузырящихся глазок сросшихся, толстыми корнями ветвящихся конечностей от пуль не унимаются, пытаюсь колоть бронь.

- Гггринь, схиинь! – шашку трех красных колец прокручивая, голову от острых игл пряча.

Градиент серого.

- А-фа-ф, ф, ф, – на бок перекачиваясь, за ногу Ржава, заикаясь, - Третрял?!
- Стрелял.

- Не стрелял!

- Да, стрелял! - приподнимая.

«категория», - ржавого трансмиттера, - «задана»

Роса ледяная порами дермиса.

- Фуууф, - врата пятнадцатизэтажные, четче гранями в цвете красного воспринимая, со свастикой орла, гербом, фреской гранита.

- Опоясать.

ТР

Искр небо медной коркой вырезало: улочка города, вход бункера.

«главный идеал», - намек радара пульсирующей точкой.

Подсвечено сеткой ориентиров, размечено. Сочится с трубочек, опоясавших туннель, гниль. Маска в кепи черный, траншей лабиринт колючей проволоки.

«1,05245», - описывая кладку труб, коптящих, - «слут»

Канал ствола по коридору струн колючки ржавой, в приземистой походке торопится тень моя. Влево и вправо, прямо, влево, повороты, свод:

«КАЛЛАН», - исподлобья по съехавшей с гвоздей изъеденной окисью жестянке, читая ниже, - «остав _ на _ ежд _ вс _»

Нога за черту.

«цели», - радар, - «добавлено», - точками.

Козырек в берет, в темени срастаясь. Траншеи умопомрачения. Вектора прибывают. Ботинок в грязь сильнее, бликами линзы окуляров.

- Ааа. Аааа, – по сторонам, - Ааа. Ааа, - тихо.

Серых одежд, рваных, фигуры тощие свисают, цепляясь за супер-струны проволоки.

«тетаэфир — 12%», - всплывают размеченные обозначения над, - «8_», «5_».

В прицеле оптики: в облипшей коже по костям, фигуры друг за друга держаться, на тетиве забора обвисая:

- .ог, - слева сзади, - Бооог, кхончился?

Кадык в горле комком сдавил дыхание. Медных небес удар. Упал, путаясь, слыша:

- Аааа.

Путает колючая проволока, сбивая гравитацию. Старухи разного возраста кучками смотрят. Скользит поворотный механизм, порядковые номера, истатуированы дряблые запястьях.

«МК6», - маркировка шелкнувшей пластины выступа затворной рамы.

Пушками пальцев потянулся до виска, грязью елозя.

- _ог еще? – ближе других сидевшая, любой ответ, - А? - ответ желает знать.

Шептало держит выстрел.

«зачистка», - алым переносица, - «листа»

Траншей грязи эхо - очередь.

- Ну, там каста. Все нормально, - черного рясы, стрел пяти галун лба с алмазной инкрустацией орла, на кресте воссевшего, дюжине наголобритых в обтянутых штанах, дутых курточках.

Разбита лужа в глину и песок - когти протектора, мерцающая линия целеуказателя. Дымка туманна перекрестка теплится.

ТР

Пустые улицы, покрытые бетоном города. Спина вороненного тертеола. Мощенная дорога водит силуэт. Знамена свастикой пестрят на крыше дома, каждого.

- шшшшшш, - сигналы повторяются.

Фаланги продолжают прикладом, бороздами переходя. Туман рассеивается.

«легенда» - сканер, - «обозначено», - символами заполняя.

Парад тщеславия, в марше войск количества асфальт сотрясается. Черный транспорт движется. Кабриолет — тип кузова.

- Попророароароа, - с усиками в челке длинной в микрофоны.

Вращение ручек аппаратов, операторы сутулятся. Ствол дульным конденсатором расширился. Окуляры маски крутятся.

- Мууууууээээээ!!! – громкоговорителями всех столбов.

Краповым наливаются плеч бугры, сгибая плиты спины, прорастающего арматурами.

«режим», - терминал, - «[ядро]»

Врывается асфальт ржавыми колосьями, рвя, протыкая площадь кругами расходящимися.

- _храаааааа!! - гравичесентром куски рваные асфальта, социопроекций стягивая, инкапсулируя.

Товарищ-раб

Вот так, об этом нечего и думать - с нами так. Сегодня, вечером, с утра, я пыль в чулане, с каждый днем опять. Самозащита - никчемная фантазия пыльная, грязная. Мы - части малые большого муравейника, солдаты бога, цветник:: острые, твёрдые, длинней репейника. В нас нет уродства, нет вины. Мы за руки повязаны уставом божьим - этим звери мы! Мы дети, перерожденные в плод разума игры ортодоксальной, прогрессивной — диссиденты. Крупицей доброты развиты млечные в сердцах пути, слышимые стоном за стеной товарища в поту, ворочающегося ночами этими. В полосе зеркал стены отблески плазмоедов. Перебирает струны медиатор в лучах зимнего солнца, спускающегося с окна на подоконник. Меняется его состав. И песня бессловесна. В майке желтой отражение «13»-ого плоским зеркалом стены.

- оммммм, - судьбы.

ТЕО146

- Брат, - переместив зрачок в край века, - подлечимся, - протяжно клянчит ДЛБ.

Давиться прыщ.

- Взаимно, - изучая движенья каждого, остановился взглядом на чьем-то боку, разнежено лежащего в стеке нар за второй колонной, слева выглядывая только краешком ремня, штанины и ботинка, - Белова не видел? – входя в круг полумесяца, красной звезды, креста перевернутого, по мрамору эмблемы бога.

- На территории, – болтаясь пояса палкой резиновой коротенькой мимо.

- Че там?

- Теплом забрал, - вялый «52»-ой залипшими движениями обнял.

- Зае_ал, - хрип Салибиджиева.

- Ша, - ДЛБ хромает.

Часы стук отмеряют, палок груз, без наказаний, принуждения, выкручиваясь в горле застрявшей субординацией - мгновенья навеянные добротой, каждым.

ТЕО532

Чешу медиатором струны, сидя на табурете в солнечных бликах у стены. Теплые потоки воздушные за ухо циркулируют из сеточки под потолком вентиляции. Сонный в углу, щекой прильнув к стене, слюнями сладко истекает «86». Поправив чуб расческой пальцев, потянулся, разминая позвонки, якобы. Среди колонн мраморных пусто. Отблеск глаз кристально-черных выдал. Через колонны громко, шумно, сбивая табуретки, в «11»-ого упал.

- Тише!

Пальцы в отсутствии курка зажаты грубо от неловкости, накрыли рукава товарища бардового.

«дома, кровля_», - кусочек от газеты, рубрика.

- Что там? - заглядывая.

Засмеялся, багровея:

- Проекты коттеджей и деревянных домов, которые предоставляет наша строительная компания_, - не отвлекаясь.

- Да?! – протяжно, впору наливая щеки румянком, закусил губу, облизывая ее краем языка.

- Ну, типа того, - сутулясь, занервничал, полностью расслабился, видя торчащий кончик ремня.

- И что? – в тепле млея, еле шепелявя.

- Кровля выполнена при соблюдени_, - оторвался от кончика, смеясь.

- А че ты втыкаешь тогда? - щипля за живот сквозь ткань хаки кителя.

- Потому что, – пища довольно громом нежным.

- Что, потому что? - высмотрены красные ниточки зрачка, - ааа, сумчатый, -

щекоча.

- Читаем дальше, - разгоняясь жаром, товарища выкатывая на спину, сверху, налегая, - В карауле не долбят?

- Нечего. Дай пятку.

- Держи, - сгибая колено.

- Да не ту! - ботинок убирая.

Ногу меняя:

- Так что: дать пятку?

Пыхтит сквозь дырки глаз. Момент выжидает: взять и напасть. Из прорезей мешка виден товарищ УГЛ, лежащий под, налегшим на него товарищем НДМ, товарищ ТПЛ бренчит на гитаре у окна, у зеркала товарищ СЛБ, небритого лица. Под блеск лучей желтого солнца, вышел «52», надетым шлемом бумажного пакета.

ТЕО146

Ножницы на простыню стола, лицо стянуто.

- Бл, – табуретка в дыры пакета.

ТР

Бледнеет взошедшая луна, лицом к лицу, встречаясь со звездой, локоть о локоть, закатив рукава. В очках «77»-ого угольки трубки, раскуренной, сливаясь с блеском переживаний в оба серо-зеленых, красным, усталостью смен бесконечных, зрачка. Кипы бумаг на часть стола аккумуляторного блока. Табличка униформы, застегнутой до горла. Глоток, смачивая горло от долгого терзания огня. Аккумуляторы, полки из них. Замкнутость и дымок смолы. В руке пальцев точенных аккумуляторчик:

«6-БЖ83»

- Зарядились? – держа графин за горлышко спиной к креслу, перед завешенным переходниками стеллажом, вспотев в угаре нагруженного дня, раздавшийся черным бушлатом в оранжевых полосках, воротником взъерошенным, меха прожженного, громко тяжело дыша «2»-ым парафиновым грузоподъемным, блаженно расслабив бессонные морщинки, закрыв веки в больших глотках, по скулам крутым проливая капли, сползающие в жилы шеи многотонной растянутого ворота хаки жухлого, карманами вычурного, кителя.

- Дааааа, - дым изо рта.

На циферблате изумрудном голопаяльник, дробится голосхема. Присел на табурет, подперев к обоям пожелтевшим всего себя, уставившись в вымпел:

«ЗА!»

Графин на край стола. Его убрала, за коробочки болтов, рука вездесущая. Смол аромат осел, в звуки влился жужжания, кнопочками голографических смазанных рядов отражается.

- Где этот _уй лазит? – гландами набухая.

- ИБИ2, - поджигается трубка.

- Скурился, бл? – ухватистыми пальцами грудь под тканью униформы потом залитый почесал.

- Биттер? – передавая.

- Да.

Технико-аварийный прикусил мундштук, изящные движения подносят искрящееся жало гаяльника, скулы парафиновые тянут ароматы смол - гипервентиляция, выпуская из ноздрей раздутых сизых облаков лошадки.

- Вызвать? - сквозь инфралинзы, трижды перепаянные в переносице.

- Каккр?! - харкая мокроту, - Храс, хааас, - сплюнув под ноги.

- Фу, бл, - взявшись за рацию, - Нет.

- Что: «Они доделали?»

- Не спрашивай, - напас свистом, - Надолго ушли?

кнопочки Господа (Господина)

Железо шевельнулось. Крутится деталь простейшая в том совершенном бытие. Кнопки загораются сами по себе. Кнопки среди кнопок, зеленые такие, на черном мониторе. Купол лиловый поля силового несуществующим ракетам открывает к звездам путь. Голограммами рисуются зигзаги, через смотрящих друг на друга операторов проносятся команды. Сидят они рядами, дюжины. Железо набирает шестеренкой ход. Пальцы усталые пророка 078 чешут за униформу спину. Таблиц решетки заполняются, сигналов передачи внешним интерфейсам, бегущие чертой одной, полиэфирные потоки сбрасывая:

«деактивирован», - мониторы.

Застыл на месте алого квадрата ночной слуга, деактивирован. В руке пророка стакан горячего эфира, в другой голосписок, порядковые номера. Лежат в транквилизаторном дыму по нарам. Расходится в стене дыра кармана. Дверь элеватора широкая открыта. По коридору в три пары ног божественные санитары. В подсветке фиолетовой полов, в центре символа бога, висок свой повернул пророк.

«выполнить», - нажата кнопка.

Закрыты веки, нет в них сознания. Спят войны создания.

«режим», - в мониторах, - «ССРп»

Крыши квадратные похожи, мертвые. Мы смотримся лукаво. Мы не шевелимся, когда нам надо. Мы бестелесны. Мы едины, материализованы в потоки нового, не изучили. На срезе наши ткани: триколор. На слух неосязаемы, сказать всегда готовы:

– Вольно, - выстроившимся санитарам.

Мы рвемся на цепях, другого не имея. Мы не в Чистилище, мы на пути обратно в ад, раздел имений. В небе по разным направлениям дороги, среди мраморных колонн по одному на стеллажи со стеков сгружают бессознательных солдат, в трусах и без трусов. Чекают пальцы по ремню, зависла папка на весу. Вялые руки, ноги, головы ложатся на парящие серые тонкие листы.

«теомодернизация / модуль заблокирован», - изредка мониторами, - «_1% обновлен»

Черная плоскость листов тонких, плавно внутрь уложенных, солдат поглощает. Веки закрыты, незнающие. Листы в тубусы, в ящики. Безмолвно, машинально, из рядов мраморных удаляются, шагами закрывают символ бога в круге, по коридору, мимо застывшего на квадрате, красным обозначенным. Стены дыра затягивается.

- На, - дырявый ленинант 0172, переключает бегущие картинки монитора в круге затоптанного пола герба бога.

ТЕО532

Ножки стульев, линий полотна, движущиеся, пары ботинок гвоздикам золота каймы носка, фокус: в пене отростки хребта, груба чугуна кожа. Стекло бетона. Хаки спины сомкнуты, фокус дула, ртутные пальцы покрывают фаланги цинка, ногтем впиваясь в штамп: «ПМ», ствола, в профиль солдату:

- Так, - скулы квадратами.

Грифель зигзагами.

- Ссыыы, - под выстрелами в углу жметя «206», обмоченный окислением пота.

В четыре руки прицельно.

- И, - забритый в блеск 0142-ой параллельным взглядом «816»-ому.

Очередь. Бетон, списки голограмм, попеременно разрастающихся, разбирающихся, перестраивающих звенья.

«признак ТТИ», - раскрывая.

Дрожит чугун наготой, штаниной обрастая, ладонью, проводящей.

«РПЦ коррекция», - дополняя.

Обходит стулья сидящих в лоб рабов хаки черного пророк, на плечи, камуфляжа пятнами содрогающиеся, ладони положив, за рваным ухом почесывая, мочку восстанавливая.

«признак ТТИ», - фиксируя.

Стекла окна бетона отражают санитарам силуэты, два.

- Не сохранять, - коллеге слева у пульта.

Образы окна, таблом:

«денатурация», - мигающим,
растворяются.

Ничье зеркало дней

Улицы блоков: бетона, проарматуренных деревьев, вросших друг в друга корпусов. Прошел пророк, другой. Их медленней, локтями согреваясь, без тени УГЛ. Смотрит, размыв фокус зрачком. Не наступил час полдня, еще не скрылся 0208-ой. Звенит в ушах от зимней тишины. И ни с одной, ни по другую сторону - железо не шевелится. Желтеет свет у стенда слоеных объявлений. Я нахожусь, переставляя шагом ботинки в тупике аллеи, в тени сукна знамени. Без дыма сигарета, в зеркале карего зрачка

ходят одни и те же, верные фигуры, знакомых и чужих. В зеркале дней, разбитых, себя и не узнать, их не собрать.

«имей страх Богу. Рай не достигается», - оранжевыми лампочками обращено табло, - «Б Е 3_»

Дрожь продолжается строями проходящими, лентами муравейника. Я не боюсь остаться без ТЕБЯ, пусть даже ты самый: раб Б.О.Г.а!!

ТЕО146

Стремительны полосы:

«идеал», - слева элементами списка, - «первичный»

Треск бетона, искры когтей протектора. Парой на все микромиры. Выносит битое стекло сквозняк, механика колена, обозревая фракталы городских кварталов спиральями, ветвящиеся в отблесках тьмы, выпирая небоскребами-триплетами, дороги и мосты, грязные уличные фонари.

- Ржав?!

Бетон во все щели. Спаренной спиралью нити города. Окна деформированных этажей, по вектору цели, в направлении. Окно, прыжки. Площадки лестничные, бег, стуча. Ботинки снайпера, зигзаги лестниц, динамика радара.

- Есть, - в пустующем коридоре черной тертеоловой брони «21(k-» шрифт плит спины.

Окулярами мигая, удерживая за плечо шеврона.

- Да, - в приливе пламенном.

«Гинеколога_»

- Бл, – не пропуская.

- Я! – проход блокируя.

Вывалились в двустворчатые двери. Приемная тремя кабинками, ряды кресел раскладных. Ствол хребтом спины:

- _ука! – об стенку протирает Ржав, обгоняя.

- Стоять! - табло над головой:

«Операци_», - пересекая.

Коридор дверей:

«02», «06», «15»,

- Яааа, - зазевавшегося столкнув, ворвался в:

«КАБ №07», - серую дверь,

впуская очертания стального кресла, столом запачканных инструментов. Сканер терзает вибрацией запястье, на все предметы наводимого. Ботинок ближе, к трем мусорным ведеркам пластиковым приближая. Пальцы проникают внутрь, крышка открыта, свет яркий голубой.

- Нашел! – повернув шею «21»-ыми диодами.

Эмбрион ручкой содрогается недоразвитой, головкой светится в полуперчатках чугуна.

- Да! – довольно из коридора.

Клыки плечи тертеоловой маски впиваются, пропикиваю за щеки из контейнеров пульсирующие небесно-голубым зародыши разных форм:

- Зайчик? - в кисель сдавливая.
- Черепашка! - приглушенно сквозь стеллаж стены.

Шевелятся полы выпуклостями. Третий слой брони.

- Мэеам, - неразличимый свист.

Спадают с потолка образования:

«доброкачественны_», - отвисает голубым сиянием сквозь окуляры противогаза.

Крошкой бетона осыпает гул, товарищем сбивая. Из пылью оседающей дыры втекают, вспылками распавшись, переплетающихся эмбрионов, гуманоиды. Перемещается в пальцы содержимое кобур.

- Гхууу, - сбегаящиеся из коридора, окон, рыхлые двуногие в очередях плазменных валятся глыбами.

«позиция_», - оповещение переносицы, - «7-23»

Взрыв переполнения эфира, облипая серыми кляксами.

- Режим? – в подсвеченном строение углом темные коридоры оглядывая, прицеливаясь в пустоту мрака.
- Скрыто. Сходим, еще?
- Позже.
- Сдвиг МС2.
- Вижу, – ржавый треск, - Ближний.
- _сался?

Предметами холл высоких потолков, бархатных стен, колонн, двух дюжин фигур в полосатом, черными дырами лица горделиво освещая.

- Нет?! – маски окулярами фокусируясь.

Тайная дверь впускает: зала увешена росписями мастеров, парчи дорожками золота, охраной по краям расставлена, шутами из нейлона, за пультом микширующим мелодию криминального ритма. А там, в самом кульбите зала съедается на свадебном столе, вечера тайной вождей и лидеров, без края и конца утех:

«человечина_», - векторно над тарелка.

В прицеле сетки виртуальной через окуляры: царь в мундире гусара, восседавшего в центре стола, по левую руку - буравчатый, оспами лица, с торчащим платочком оранжевым нагрудного кармана пиджака, щурится монетами глаз, по правую - лысый

с пятном головы материка очертания, холодец предлагающий соседу с куриным окороком в тарелки, под линзами очков облизывающийся, по обе стороны в рясах длинных черных, бежевых, качающие в согласии головы.

«эффект», - из-за спины запястье.

Шаг, шаг еще, вечера тайная нарушена.

- Гранатами.

Царь посмотрел из-за стола, оные вслед взора. Полуперчатка в ржавую товарищу ложит, кольца фалангами оттягивая. Пренебрежительно, синхронно в две руки, бросок. **отредактировать**

«сссс», - счетчик эфира, - «тцц», - переполнился.

Глухо.

«авто_», - проекциями граней ощупывая, невесомостью пребывая в отсутствии сигналов окружения, - «корреляция»

Огромное пятно, отблеском голубым ориентируя движение. Ботинками форсирую искры, вращение. В столбах ярких, смазанных, подводной лодки очертания.

«_-141», - векторами описание

Движение сознанием, параллелью продвигаясь. В хрустящей глади выпуклость. Перчатка, обтекаемая по твердости прозрачной, оттягивая прилипший вязкий тереол отпечатка. Углов сбитых сгорбившаяся фигура в шипении пара, вытягивая ногу по колено в кристаллизованной вечной мерзлоте.

«моно», - размягченный терминал.

В соленном тумане море льда.

«режим», - стряхивая надпись переносицы, - «моно»

Фокус окуляров растекающихся. Виляет ветками в тумане ствол, в кроне поникшими. Из правой кобуры. В молочных небесах ни звезд, ни лун, следы прилипших отпечатков подошвы. Корнями толстыми произрастает ива. Качаются ладони концами ветвей: синюшные, отрубленных рук по локоть. Выстрелы. Дерево качается безмолвно:

«_преобразований», - в левый угол переносицы.

Ботинок в напрягшийся корень. Дулом в ладонь, еще, еще:

«_21», - клеймо типа.

Сжала дуло.

- ССССССССССС, - свист помехами.

Движений шлейф туман разъел.

взвод Никого

Замер ржавый окуляр.

«19(», - индекс ранца фигуры бархан.

- Уголь, - оглянулся, раскрыв ладонь, пригоршню песка, мгновенно

улетучивающуюся, на ветра простыне пуская.

TP(NULL)

Стянул с лица остатки липкой маски. Темные миражи в парящих частицах кислоты.

«СРП 98,7%», - в правом углу.

Черная смолистая слизь с подбородка тянется. Фигуры в оптике четче, отдельными частями, головами двигаясь, шагают колоннами.

- Мгн, - кадык по горлу ком упер в воротник, - Гмн.

Строй разбежался, вновь собранный. Отдельно стоящая фигура приблизила в пяти шагах. Безликий командир с горелыми погонами, руку к пилотке приставляет молча. Нет на его лице ни глаз, ни носа, рта - выпуклость и только. Бритая кожа под каждой каской любого стоящего в строю. Безликий командир шаг влево, назад.

- Това, – машинально выкрикнул, - рищи!

Молчание. Терминал в сиянии:

«СРП 98,3%»

- Первая шеренга, два шага вперед, шагом марш!

Топот десятков стоп, одной линией стоять продолжая.

- По порядковым номерам, рассчитайсь! – одинаковых болванок головы нет разницы.

С правого фланга, последний вышел из строя, вытянул руку, вернулся.

- Шестой, ко мне!

Солдат от строя отделился, остановился в двух шагах напротив, молча.

- Отставить! – в морщины, только, - С места, повторить!

Молчание.

- Фамилия?

Беззвучно.

- Отставить! – к строю, хватая за плечо.

Груша боксерская, прибитая к полу, солдатом качнулась, задевая остальных, импульс передав. Выстрел автомата за спиной.

- Бл, - присев, обернулся.

С простреленным отверстием кожи под каской стоящий слева. Выстрелы повторяются еще, еще.

- Паахи, - из дымящейся дырки, двумя круглыми отверстиями входными выше кровью плача.

Стоны строя.

- Позахги, - голоса сливаются, расслаиваясь, - Поохи, – ножами довырезывая рты безликих морд друг другу, из-за спин помогая, улыбающиеся, громче, - Помогите!

Ладони за виски, пятась.

- На_, - немея в обрывающей спине.

Локти, локти еще, между ботинками каблук подошвы ботинка, упирающегося.

«вшух_вш_вш_вшух», - биения в пустой груди глухими клапанами уха слыша.

Поворотом малым шеи, маску отекающую с темени черепа дергавшейся головы виска, оголяющегося бронью:

«21(_», - клеймо виска вижу.

- Ваа?!! - на себя смотря, оттягивающегося сросшейся спиной, спинами.

Треск перезаряжающихся автоматов гремит одним щелчком.

- Огонь! - безликий командир.

Спин перетяжка лопнула.

ТЕО532

В затылок Ржаву, в точке стояния пустыни.

- Ваф_и.

Моргают ржавые ресницы. Возврата в никуда нет, нигде мы: Ты и я.

допрос господ

- Никак нет, - безучастно.

Кадр отъезжает. Слева черный галстучек черного ворота.

- Никак нет, - безучастно.

Отъезжает камера. Сзади широта дыхания:

- Так точно, - копченные скулы содрогаются, над шрамом виска «?!».

Кадр отъезжает. Справа пророк ладонями на стол, большими пальцами край прогибая. Застряла камера. Бессмысленность, коррозия нутра. Стекла бетона. Оперативные пророки сторонами назидают на сидящего, застывшим клоком, остриженной заново головы цинкованной, сержанта младшего. Жестикуют они. Свет сильнейшего, повинуетеся ему, только ему одному. Ноздри раздвигает в стекло бетона, мегахрундель негибает:

- Вскрыть параметры, - отдав внимание стоящим у двери, готовым бить с колена, бить с носка.

ТЕО532

- Делить, - Тик щеки Ортопедовича.

Красная сигарета вмялась в пепельницу трещиной.

- Логи! – облокотясь о стол, пророк 0218-ый наперектризован.

- Не могу знать, - сидящему напротив сплевывая в пепельницу сгусток соплей.

- Кто должен знать? – в другом ухе трещит, дергая черным галстучком черной рубахи.

- Не могу знать, - внимание потеряв.
- Больше слов, - досаждая, подбил 0325-ой, на ухо выкрикивая, - не знаешь?!
- Знает, - в карие глаза, с противоположной стороны гиперстеничный памятник, красную сигарету заминая в искру ее огня, - Нравимся?
- Нравимся.
- Я Тебе покажу: не могу знать! – ножками стула, отъезжавшего из-за стола, пол бетонный царапая, навис, слюнями с оскаленного рта, в трещину пепельницы на стол, дорожкой, капая, - Задать? - темя глядя дрожанием руки, стиснув зубы.

ТЕО146

- Сбросить, - понюхав кончик пальца, в погонах генерала оторвался от триптиха стёкол бетона, движений, взмахов черных палок.

ТЕО532

Раздут по форменным швам, галстучком натягивая узел под идентификационными диодами горла, нитями слюны в ухо:

- Жалуйся, - шепотом.

фетиш Ничей

Касания преследуют. Знаю: прикосновения ладоней по щекам, слабее за Твое, сильнее по-моему, без лишних дыр, органов, участия. Чувствую влагу, отдаленную. Двери, таблички, коридор, тяжелые ресницы. Локтем прижата к поясу бумажная коричневая бандероль. Прицел скрыт в собранной винтовке за спиной, двенадцать плиток на спине, бронежилета, черного, по шее стянутого в вороте. Тускнеют фонари, кидая тени одного. Квадратик кнопки сглаженной, долгого использования. Моргнули фонари, внутри. Пульт управления толстого болтающегося резинового кабеля, рифленого, полоской желтой в челюстях, кнопками:

«вверх / вниз / не двигаться»

- Эа, - в сдавливающие стенки кабины, собирающейся.

Локти уперлись, носки ботинок, пот подбирается, накапливаясь в складках ткани.
«- гравитация», - облипаю.

Бронь расстегнута, освободив движения. В гладкую вагонку грудь, капельками жаркого, втираюсь. Царапает прижатая поясом бляха, пистолета кобура, другая, в карман ниже. Колюч ершик ворса, молочными ручьями пены сквозь хаки. Стремглав парафиновый локоть, ладонью закрывая веки, пряча.

- Что, – вес налег, за спину удержав запястья, - делаешь?
Нет сопротивления.
- Не над_, – собравшись мускулами, - фигаться.
Щека придавлена в кнопки панели управления «2»-ой.
- Слышишь? – облизываясь, пыхтя грузоподъемными фрикциями легкими.
Пальцы в кострах ладони жаркой, влажной, терпкой, глубже в слои брони,

впускающей по жилам преобладанием в хаки, и, нас извращает боги. Не остановишься:

- Кричи.

Все поднимается он вверх, туда, где Господин нас приголубит на горло сапогом. Кто говорит, глаза закрыв, вдавил в себя, обхватывая кожу чугуна под пластами вязкого проросшего тертеола, зажевывая в ухо, безудержно стирая:

- _шесть, сорок три, двадцать семь, - угаром лизергина зажимая, в перепонку, - Двадцать, два, восемьдесят три.

Раскручиваются рассудка стертые болты.

- Ты, - натягивая скулы жилами, жмурясь от капающей со лба пота кислоты.

ТЕО146

«Пшшшшш. Пшшшшш», - из дыр стены от радиатора-гармошки.

Парится, варится, бурлит на плитах, сковородах, перемещаются фишки, весы, коробочки с текстурами, тянущий аромат.

- Подлей, – вспотевший в белом чепчике, халате, на полосатой майке, по жилам чугуна шеи, метнулся.

Плакаты, красные знамена, в горшочках по стене свисающие лианы, картины мест, фотография выпаливающими овалами точками. Металла зал между залов, пара индексов ошейника:

«13», «11», - напротив.

Лампы прямые, рассеивающие. Унылые разводы тряпкой, отражения.

- Кружки давай! – подножку пробегающему, - Тише!

Лишь запах жира, хлеба и тепла, сковавший челюсти от голода.

- Не сильно горячий? – дожевывая за обе щеки, шумит СЛБ.
- Сделаю сержантом, - улыбнулся.
- Допи_шься.
- Будешь ВрИО меня.
- П_зда тебе, Сумчатый, - ложку облизнув, изготавливая, - Дай кружку.

Обугленные брови и ресницы стянулись к переносице, тиком виска.

- Где кружки? – «13»-ый выглянул наверняка, - Фил, пошевели там!

Камешки с иероглифами монотонно падают на доску игральную. Повар зевнул:

- Несут! - выкрикнул, - Чего орешь?! – оглядываясь, на шаги.

Кофейные губы вздрогнули от грохота звенящего, облизнулись, убивая очередную ложку бурлящей каши.

- Сюда! – из зала.

В проход выхода поглядела троица соседнего взвода. Писк раба-поваренка.

- Что ты капризный? - бардовому, - переключив внимание на подбегающего, - Тише, убьешься! - заглядывая в чайник, - Бл.

Тень чавкающая внимание отбила.

- А че ты тут? - стоящему КВЧ.
- Брхэ, - оливковым прокашлялся, из кружки разливая, отрывая на пол куски эфира желтоватого, - Где я должен быгрть?! - из носика чайника остаток допивая.
- Соритесь? - «11»-ый.
- Обоим выдать?! - остатки каши гренкой вытерев.
- Отходит, прожевывая «18»-ый.
- До_изделся бы: пришлось бы _издить.
- Гром, тот кто бы _издил.

Засмеялся:

- Тебе б еще дал.

«316»-ый с тряпкой присел, размазывая по полу рвотную массу.

- Фууу! Бл, - вставая из-за стола, - Собери с боков, не размазывай! - чайник с кружкой забрал, - Да все, иди уже! Все, - давлением, - Не надо нам твоих тряпочек, - забирая фартук, - Ты посмотри, что он наделал!
- Вчера тоже, - переворачивая чайник вверх дном, капая на язык, в носик внимательно смотря, - Дежурный! Что лишней кружки мало? Не говорит.
- Тупит.

Чайник на стол пухленькими пальцами, кашу пролитую, полотенчиком размазывая.

- За_бали! - противясь от растертой вязкой массы.
- А че?
- Уйййдди.
- Пострижемся? - расширяясь.
- Можно.

Из кружек сладкий эфот сквозь зубы лениво процеживается. В кружку струя горячая не попадает, о стол брызжа. Повязка красная дежурного на ручку чайника сползла.

- Бл, - сбил тишину.

Падают, не останавливаясь, капли, в карих зрачках отражаясь.

- Аб, - язык по челюсти упавшей облизал губы, - Себя видел? - в замазанную наглухо фигуру.

Кивок недвижимо.

- Ты че, Уголь, Тебе _изда! – приближаясь, - Крава видел?

Повязку до локтя затягивая.

- Тебе не _охуй?! - вне равновесия, заваливая стол с чайником, из рук теряя.

Багровый в щеки два глотка, вставая.

– Стоять!

Захват за пояс, с колено в пах, повязка на локте мелькает, кофейная ладонь из-за спины, другая к ярому дыханию рывком прижимает, придавливая к проему овальному несуществующей двери.

- Дать _изды?! - кирпичный нос в одной линии с кулаком в лоб оцинкованный, ровный.

– На_уй!! - кулак перехватывая.

Бардовый придавил сильнее, сбоку:

– Смирно! - в терминал кофейного:

«толерантнос_», - киновари, - «е2»

– Не прёт уже? - радостно.

– _бет?! Разрешаю!

- Спокойно! - через порог в залы такие же.

– При_бались? - уплывающая, - бл!!

Кто скажет нам, что мы грубы: ему бы выколоть глаза, ведь он слепой.

– Коли, - смеясь, - обе.

– _охуй? - бардовых пальцев ампула вдавлена в крест ошейника, - на себя тоже?!

– Держи, - конвульсии блокируя.

– Шшшш, - протираясь щетиной киновари в виски.

Истерзанные шрамами пальцы зажали ткани хаки, разные.

– Чиии, тихо, - кофейными пальцами козырек кепи на центр симметрии лба, окислившегося, возвращает.

Кто скажет, что жестоки и не милосердны, того на кол аналом посадить, чтобы в святом уму не появилось мыслей однотипных. Кто скажет: мы солдаты бога, животные: пусть вырежут себе на лбу любую свастику, ведь в их звериной мире, нет ничего, кроме пустой выгодной болтовни - рождены дерьмопожирателями. Мы перестали быть людьми. Я присягнул на верность поколениям, всего лишь, предыдущим. Ты человек, а я — солдат, призван идею твою святую защищать. Спасибо, в руки дал возможность убивать, персональный автомат. Прощай Лорд гомосапиенс, прощай. Мы умираем, таков закон строения, пускай, я помогу: погибнем сразу все, чтоб завидно не стало никому. Реорганизация.

Ничье сердце бьется

Мое сердце бьется. Мое, сердце бьется.

- Смирно голову на плаху положи, - кричит бог номер N.

И я не вижу с богом этим перемен.

– Жги обе коленки об угли, кланяйся, дай, - диктует правила бог номер «3» на бронетранспортере.

Вот-вот и разорвется. Куда столько пуповин?!

- Будь счастлив! Убей ради меня, - не соизволив посмотреть, зная результат, плюют DAX, - Иначе, покараю бездной пламени, нечестивца.

Я создан без ресниц и век, хотя бы раз, еще разок, глаза закрыть на всех рабов. Я создан по причине великолепного тебя. Под каской:

- Бей! - каждого.

Венком терновым мне она мила. Со сладострастием ставлю блок под плети твои, мразь! Смерть такая обыкновенная, неприкосновенная, но ты, уверовавший в культ личности подонка, не убиваешь: ради вступления в вымышленное для контроля, с обилием секса девственного, самцом считая даже там себя, лучше своих же самок или мальчиков, обещанных раем, которых ты имеешь, вытирая о них, извергающий семя праведника конец удава, яств, счастья, вскормленного на крови врага? Я первенец, рожденный в муках, каким рождались сотни до меня. Я для тебя, о, бог людей, никто, лишь в твоих уверовавших мучениках сидит, внедренный изначально, тобою, сатана.

«08 ЗЕРКАЛЬНОЕ», - перебоем шрифт.

Окно, еще одно, такое же, в одном ночь, в другом пустота нарисованы, вместо стен вмонтированы зеркала. Все одинаковы по стенам зеркала, в каждом отражение персонального угла. У «?!»-ого под золотом погон дыра, что в солнечном сплетении, сквозь позвоночник, свистя потоками ненужности, торчит замершею иглою, за спиной сознание тербя. По коридорам Кто-то нарушает шаг. Оливковый товарищ злость, стянутую скулами, ботинками приносит. Майка полосатая повторяет контуры, не изменяя: на поясе две, с содержимым огнестрельным, кобуры. В распахнутой, скрепленной у пояса концом, черно-зеленого хаки броне, приближающейся к углу зеркальной комнаты, нет ремней. Зеркалами «18»-ый.

«Тоот, ав заф. Трот, ваф ас», - трепет нарастающего взрыва негласно между слег глухой сиреной.

Хруст челюсти. Оливковый утирает губы большой изогнутый палец, кусая кожу на руке, оттягивая манжет на рукаве.

- Занят, - надменно выглянув.

Смещаются зеленые пятна хаки.

- Подождешь, – выставляя напоказ кадык, небритый подбородок.

- Ну и сам, – к кепи, из десятков, на вогнанных в зеркальную стену палочек.

- Что?! – костеня.

Когти впились, центр тяжести потерян, с невероятной силой об отражения. Кусочки блестящего стекла снежинками по полу разлетаются, звеня. Зажмурились карие глаза. Чубом отекает темными судьбы линиями.

- Доволен? – в колено ногу подобрал, скользя в осколках.

Ботинки неприступно в пол вросли.

- Встать! Ждешь: пожалеют?! – скрывая за спиной, нервно протирающиеся между

собой пальцы, злостью переваливаю.

- Давай, жалей меня! - размазывая по лбу эфиристую жижу.

- С радостью, - телекинез за ухо, за плечо, - Убился? – пальцем оливковым надавливая.

- Не плачется, бл? Просроченная попалась, да?!

Разбитые о стекла пальцы вырвались, товарища оливкового грудь.

- Представь себе! – в ответ, - Не твое дело! Понял?!

- Чье?! – пытаюсь взять былой захват.

- Загибаюсь! - Тебе кричу.

- Я виноват?! - Тебе отвечаю.

- Виноват?! - зажимая пальцами глаза, - ..ааааа!!!

Жмурясь от новых жгущих волн.

- В идеальном! – плюясь, - о_уенном божественном мире, преисполненным хозяина любви, кому я нужен, если, Ты, _издишь?!

- Слушай, – выравнивая о стену.

- Ты что не видишь? Не видишь: каждое утро прихожу в себя, думая лишь об одном, сколько красных полосок вен сегодня на белке появиться, у каждого, в особенности у Тебя? День продолжается, но в лучшем случае, Ты просто не воткнешь мне между ребер упрека слог. Моя мечта – слеза, чтоб, погибая, так день ото дня, я не сошел с ума от нашего бреда. Боюсь открыть глаза, - руки трясутся, - Двигаться, бл_!!! Ааааа, укаа! Какая война на_ер?! - пяťсь, - ЗОНА!! Эксперимент, бойня!! - шаг в бок, - Мы — не они, разводимся идохнем, дохнем штабелями! Рабочие едины, - заикаясь, - иы-цэ. По_уй, по_уй, в чистилище святом, на_уй, Твоим отношением дохну!

Звуки куда могли, попали, остановившись в двух фигурах шахматных: в ладье, шагающей лишь по прямым, в пешке, идущей неустанно.

- _бнулись? - из коридора осматривая битое с порога, ботинком отбросил осколки зеркал.

КВЧ обернулся, через него поднял взор УГЛ.

- Н_уй делать? - загородив собою выход.

В переливающейся бардовым руке зеленоватая шапочка. Дежурную повязку на локте поправив, УГЛ сплюнул сгусток слюны, с половиной зуба, пистолет поднял в лоно кобуры.

- Дай пожалуйста, – «11»-ому.

Оливковые пальцы свечением цинка затянули порезы лба, виска.

- Ты мой, - пояс заправляет, - товарищ, - в нахмурившиеся оливковые брови, - как я — Твой.

Затерты под светом дневных ламп в ворсе, втирающимся в пятна униформы, черепа шрамы.

- Если можно, - слыша, натягивая шапочку на уши резанные, колено обхватившего, - вместе.

Остался у зеркал. Иду. Ушел, прихрамывая.

Тревога

И это все, на что способен ты?! Это и есть предел твоей садисткой педагогики? Не напрягаюсь, принимаю каждый новый твой удар. Не приготовлен к ним, ты видишь каждую привязанность причин. Да что тут говорить - значений не достаточно определить: «Крича!». В моих одеждах миллионы рваных дыр, надеваешь на меня. Защитный камуфляж? От понимания необходимости метаморфоз себя пройдет час, вернемся в положение исходное, осознавая, превышаю дозу на девятерых - сердце слипается в ударе клапанов, их прекращая стук, чтоб голуби седые полетели из поднятых, не вскрытых в слабости запястьев вен, рук. Утро везде лучом последним лун сквозь подоконник снегом талым.

- Уголь, - формируется, - Уголь, - в полосках вида надо мной «2»-ым.

В не отряхнувшемся от транквилизаторного сна сознании, под пледом, выползать не обязательно.

- Спишь? - ласковый голос влился патокой.

Угол подушки вымочив слюной, куколкой бабочки смотавшись в одеяло, искр карих глаз загордило оранжево-черным рукавом. Гам и движения.

- Ауй, – напротив грузоподъемный парафиновый пристален в нижнем стеке нар.
- Что?
- Подъем, - спокойно, тихо, преобладающе, - Покрутись, почесись - встаем.
- Что?!
- Хавать иди.

«21»-ый виновато вылезает. Десятки пчел-трудяг снующих вяло.

- А, – рефлексом оглядываясь, - Че не будили? - уютное спокойствие, - Че у нас?
- У нас где: в пятой?
- Посмотрел на колонны.
- Отбились.
- Да? – оглядел Биттера.

Парафиновые налитые эфиром плотности дарят заботой глаз, втираясь левою щекою в техномех местами прогоревшего ворса ворота.

ТР

Резкая боль в глазах. Мутные блики с монитора.

- Хап-пха, - переворачиваясь со спины на бок, спросонья дико дышит курчавых протометаллических волосков грудь, широкая.

Тишина нас. Ночь, утро, в мраморной могиле нар дежурный-раб «83», громила хаки вишневого, за ним: спящая макушка. Затонирован газом потолок радиальным градиентом бурлящего черного. Из-под пледа присел, потер глаза ладонью, потер

полоски на плечах желтоватые, пробивавшиеся из кожи, нащупал пальцами ног оба ботинка, в них и полез, нашел карман, достал косой, за ухо, топаю. С экрана монитора бьют красно-белые картинки: убивают. Стул, пусто. Остановился, почесывая под майкой в центре эмблемы полумесяца звезды, в ботинках без штанов по коридору, фиолетовым подсвеченным, мимо «558»-го, спящего, зашаркал безразлично. Трещит в ушах перадиация. Под стеночкой балконов раскурился, вдаль мрачной тины дорассветных облаков зелено-черных устремив свой взгляд. Дым смол пролез сквозь ноздри, приседая, сползая по стене, облокотился на спину, майкой застряв в шершавой поверхности грубо окрашенной серой панели, в точку небес, в сон медленно. Треск непрерывный, треск в ушах: прямо по курсу: облака, ниже - шпиль тонких ретрансляторных башен горизонта, слева и справа - края крыш квадратных блоков.

«МПРО-3», - моргает красным, - «-2»

Наморщив лоб, клеймо затылка почесав, растормошил запястье.

« 7, 6, 5,...»

Пальцы вдавили кнопку, затяжка. Встал, плевком летит фильтр. По коридору покачиваясь, НДМ показался, шнурки на ботинке оборвав. У автомата с эфиром питьевым по форме полевой, длинной фигурой набираю тоненький стакан.

- Здравия желаю, - мимо, в полудреме.

Генерал затряс головой, преподнося стакан к губам:

- Тебе того же, - отпивая, - ложись спать.

Подергивая широкую резинку шорт, не выйдя за черту порога, остановился, обернулся, под стенкой ладошкой к красной кнопке под защитным колпаком прошелся, сонно глаза щуря.

- Отставить, - маленькими глотками допивая из прозрачного стакана, в погонах главного, обтянутый темно-зеленой травяной пятнистой, с плохо прорисованными линиями, форме, - ждать, - махнул рукой.

Ботинки сонного бардового шнуровкой затянулись, предвкушая. Синхронно передав, сбил жажду в трех глотках, обратно генералу в руку отдав, отстегнул защитную крышку полосатой красно-оранжевой кнопки, палец ложа.

- Не против? – пальцами сухими преобладая.

Сирена, вой, лампы цвета аварийного из стен повыпадали, пробуждая.

- Чистилище подъем! Тревога!! – дикий рев хрипа.

В смятении чувств действительности происходящего обернулся, следя, как с мраморных нар валятся товарищи. Тревога будит нас? Тревоге нас не разбудить! Тревога каждую минуту нам напоминает ради чего не стоит жить. Тревога нам ни разу не была страшна, немного неприятно, всего лишь громкие слова. Тревога в нас запереди стоящего плечо, тревога мутит нам рассудок, как будто страшно. Все ломятся куда-то, натягивая появляющиеся ткани униформы, каменными лицами оглядывая. Так ломит позвоночник, так гнусно упирается в грудь тошнота - тертеол нарастает от локтя.

- Бл, _ука, - проносятся, - _а_неия_стройс_.

Кофейные фаланги расправляют края тканей, нарастающей с плеч до груди, умело быстро заправляют, оплеуха в теряющемся внимании. Искры выдали когти подошвы.

– КППЗ, - ржавые скулы.

Автодвижения комплектов из рук в руки, интеграция в места брони. Потоки разделяются.

Периметр человечества

Кто ненавидит - подливает реками своих желаний в нашем мире гниющие доядерные массы, болотистой, за все цепляющейся, тины, бурлящие зеленые озера, с движением шатающиеся эпителиями по периметру. Кисель, кольцами прячущийся от ступней, месит ботинок каждого. Социомасса протягивает ложноножки, трепещет, получая зенитной артиллерии удары.

- Дохни!! – по крадущимся эпителием «51»-ый очередями.

Озера жижи ненависти Б.О.Г.а, в наш мир вливающейся непрерывно сквозь дыры силового поля, пополнились каплями свинцовых туч зависти. Льет грязь с небес, местами затекая зудящими липкими доядерными каплями.

- В ухо, в ухе! – брыкаясь на ходу, «608»-ый сдирает противогаз.

На терминале рукава:

«угла поиск...»

Обернулся: перектрический ладонью хлещет трясущегося:

- Есть мозг?

ТПЛ сплюнул, «11»-ого догоняя. Тучами награждает небо нас за правоту.

ампутация Ничтожества

Кушетка, стул, длинное белой униформы.

- Солдат, - озабоченно.

В окно зимнего дня висок киновари:

- Новое?

ТЕО532

Кивает носом засыпающий ночной слуга, не спящий вечно, созданный для этого, не знает: почему сейчас лампы потолка сливаются в сплошное, накренился, не упал, застыл. В двери спален муравьев-трудяг шагом вольным пары ног, но не солдат - веселых санитаров: восемь. Токсидермический папор 038-ой распределяет.

- НТ, - сквозь респиратор скул, крутятся вокруг с пищанием монитором.

Слева:

- Бл, - одергивая в искрах, - Скинешь? - в спину «СБ92», - Только чтоб нормальный был.

- Только не надо начинать. Иди выбери!

ТЕО146

Утро назначило график трансформаций. Палата два-на-два, матрас, в полосочку штанах бело-синих УГЛ. Титан 033 стоит.

- Что-то не нравится?
- Ясно, – цепочку по карману над коленом хаки дернул.
- Товарищ младший сержант, перестаньте на меня обижаться.
- Не обижаюсь, - растирая бронзовой рукой челку,- Херово отражают сострадание зрочки Ваши.

Спасением от долгого стыда: санитар. В аорту вводится приказ. В глазах бы были слезы сдавленных тупостью дней, отсутствуют. Поплыли облака. Во сне нас бьют палками за то, что видим мы. Мы просыпаемся, нас бьют уже за то, что мы не помним: за что били.

«ПР-73», - штамп крезины.

И даже если и запомнишь, все равно - крезина ляжет по ребру, ломая, покашливая кровью и мокротой к вечеру. Мы засыпаем - сняться те же сны: бьют пророки. Мы просыпаемся, нас бьют за то, что мы не сопротивляемся греху причастием. Когда случаются моменты относительного шаткого покоя, нам хочется удара кулаком, чтоб не было больней потом, чтоб не было вины, за то, что мы не хотим быть грешными, где могут быть лишь грешники. С Тобой? Нет! Отсчет: видя абстракцию абстракции - прощения.

- Когда будет кончена молитва, расходитесь по земле - ищите милости бога и поминайте Это часто - будете счастливы.

ткани раба

Пророкам нужен сон, рабам сны не нужны. Их вещь, раб, Ты! Искусственное утро из неоновых на треть включенных ламп скользнуло по мертвецки белым, с синевой, щекам. Больничный чепчик, полосатые штаны. Пространство не Евклида, не Минковского, не групп Ли, - Б/О/Га, в котором, все течет так, как этим решено, приказом генерала.

- Хап, хап, – в крупнокалиберном поту носитель цифр «21», забившись в судорогах на боку.

Ультраметрика нас измена.

- Кх, Кхш, - ресницы слипшиеся отказываются приоткрываться под свист острого света тяжестью чугуна.

Не выплакавшие не существующие слезы глаз созерцает мир частицей карего зрачка. Сдвинулся с мертвого хода, желтое табло кружащей голограммой над тумбочкой с чем-то, пахнущим поляной.

«_одификация успешно завершена», - в охалку продырявленных вилкой головок маков, не в, - «теоформатирование области BGD памяти - без ошибок. Тип: SS2_»

меняется и остается

Вчерашний день прошел, прошел еще раз сто зимней завывающей метелью не заметной. Зеленые, тускнеющие от перебоя перектрчества разбросанные в шахматном порядке фонари, прибитые к стене, потолку, потрескивают за

стеклянными колпаками, напоминают о себе.

- _тп.

Эфир горячий в кружке, дым сигарет, разбросанные в щелях разорванные куски поролонa, мелодия без слов, ранее, чем мы: разлегшиеся по нахлобученным сиденьям разрезанного на части демонтированного автобуса, под платформой деталей, сверху стоящих расчетом бронетранспортеров.

«Р43», - шрифт стены.

Щетину оттопырившуюся поглаживает в молчании ладонь. Жужжит фонарь, нависший через проводов шторы брони щели.

- Ффсс, - вдыхают легкие очередную порцию смолистой сигареты, оливковыми ноздри выпускают дым.

- Прфф, - скрипят сквозь черный утепленный бронежилет меха груди.

Сиреневый кисель в зеленой кружке, на зубах. В полуперчатках пальцев тушиться о дно кружки сигарета. В зубах новая. Оранжево-лиловые пальцы нервно сжали пачку. Фонарь застыл между, сквозняк в щелях отсутствует. Цокот нервными когтями подошвы протектора.

- Тебе дается шанс, начать все заново.

В горечи сигарет слезились бы глаза.

- Зачем? - порез, заживший на виске, пальцем проверяя.

- Забыть новым человеком.

Слова - действие, переливаются блестящей сухостью.

- Да, конечно, ты прав. Меня никто не ждет. Я не нужен никому. Поэтому я тут! – ладони спрятались, дымя меж пальцев.

- Да нет. Ааа! – заново, - Я не могу взять с собой.

- Я не прошу, – спокойствием.

- Ну что мне сделать, скажи!

- Не могу.

- Ты сам не знаешь, чего хочешь!

- Неправда.

- Так не могу.

Нервно скинув наброшенный тулуп, резко привстал.

- Сел, быстро!

- Не сяду! - растерт фильтр о дно жестянки, - Все, я пошел.

- Я же не могу с Тобой за ручку постоянно ходить.

- Да мне этого и не надо.

- А что тогда?

- Другое,- присел в тулуп.
- Хорошо, на счет Отца?
- Да он вообще тут не причем.
- Хорошо, - подбородок протирая, - что еще может быть? Что ты убиваешься?
- Нет.
- А из-за чего?! - потя, - Что я делаю не так?!

Молчание и взгляд.

- Только не говори, что меня любишь.

Молчание. Дым сигарет.

- Что, серьезно? – лед слов вонзился сквозь тертеол в грудь, латами вмиг почерневшую.

- Да, ничего тебя я не люблю, – на автомате, ладонями лоб затирая, - другое.

Запястья дребезжат обоих:

«смер_»

- Тогда что, если не_?

Вываны со стопора ангара ставни, снежный буран режет сквозь щели.

- Я пошел, - в шесте исчезнув, выскальзывая на нижнюю платформу.

Сирена, за воротами суэта:

«тревога_», - из рупоров, - «_теизм»

- Еб_, - внимание удерживает гидравлику замков.

В бьющем рое снега, крыш прожекторе, углы тертеола движутся.

- Да, бл, помо_, – аварийные сигналы.

Бегло оглядываясь, сбит в плеч потоки наспех брошенной брони, вдыхая стекло снега бьющего с каждой стороны. В лучах прожекторов мрака метели порядковые номера различий стерты - смешаны!

« _эвэвай трево аа», - эхом с тенями в бетона коридор.

Четыре лестницы, выход, периметр платформ, фонарь грязным желтым линии красные белка ока мгновением сужает. По коридору. Кнопка элеватора. Шрамы цинка волнами морщатся не отступающего взгляда направления глухого:

- нахка.

Частит диафрагма, пальцы выцарапывают индексы кожи вросшего ошейника пластинами ключей по горлу, гладкими! По коридору тишина, за ним бьет топот ног солдат.

- Грхаа-гкха, - горечь плевок рукавом не утереть.

Цепочка связкой звякнула, выпав. В ногах силу теряю безразличием. Пальцы схватили. Согнувшись, приседая в коленях, карих зрачков рвение заторможено.

- И_ануться. - нейтральностью вставая.

Фонарь жужжал, тускло светил, молчал - не говорил. Элеватор светом грязным желтым подозвал. Скрепя крезиной подошвы ботинка встал, пропал в закрывающихся плитах.

ТЕО532

Свет лун пенициллиновых поста, высвечивая в темноте на фоне бездной градиента областью кратера, лаская ржаного хаки растянутой майки плотного пророка.

- Старшина, - пьяный голос оператора на возвышение ступеньки.

За пультом два сержанта старших. Пьется настой горячий, дрожь колена. Свет яркий, не звезды, не прекращая бьет. Вошел, УГЛ стоит, зрачок карий узок.

- Эфир будешь? - увеличился.

Свет яркий в коридоре умер, не деревянные стены, пол, потолки, закрыли часть молочные сквозняки. Повернулся озаря плазмоидами, кашлянул, стянул второе одеяло с ржаного, целясь в подушки.

ТЕО146

Утро не спрашивало: «Хочешь ли?».

- Подъем, - киновари скулы тенями срезаны, - Салиб, - кофейную мочку раздражая шепотом.

- Слышу, - склонившемуся жаром.

Оно пришло, оттянуло тисками сжатые веки, и неба глаз поблескивает уголек — нет прежних, прожитых, высот. Макромир осью позвоночника, вращаясь в положение: сидя. Ошейник кожи чешется, талость языка. Колики горла:

- Вгхра, вгра, - отхаркивая, - Грхат, - отсутствует слюна.

Пальцы в плед, нащупывая прилег, разворачиваясь к спящему: по шраму на квадратный сантиметр лица. Между подушек фляга. Капли глотка по локтю, по носу чугуна, в щеках растекаясь.

- Встал? - шепотом в нижний стек, кофейному, торчащему лодыжкой.

- Кха, бгра, встал, - в интоксикации сна слабость ощущая.

Шатаюсь, с плеч нарастающий китель, с пояса карманы. Блок оружейный, идентификация, крезиновая палка, нож, наручников пара. Бетонный желтый коридор, тенью моргает красная табличка:

«-5 логон», - пальцы утирают пелену, молочную, хватаясь за перила, по ним на животе по лестнице скользя.

Перемещаясь пятнами, хрустит в усталости спина, расслабленна нога, в нарах вытягиваюсь. Накрыл по шею теплом пледа слоем вторым «?!» товарища, в бликах мониторов.

Филофобия

- Вспышка сверху! - команда, - Слева! Справа!

Прожевывая антенну:

- Площадь большая, - 0112-ый ленинант младший меряет в бинокль зацепки назначения, - Не_уй поглощать.

Из дыма, с толпой блестящих безглазых серых проекций, меж колпаков пожарных, лент оцепления, мигающих красных дорожных фонарей, вылетел голландец, мертвый, инфицированный вирусом рассудка дефицита, кораблем трехпалубным. Солдатами бога движемся. Сквозь окуляры маски:

- _уета?!

Корабль в дыму туманном на ленточках парит, тянут, толкают пестрые в гнойных прыщах и сыпи бледной трепонемы. Гигантская машина, декорированная пауком, колесами, не лапками. Сверху в прицеле снайпера.

«_уй», - голограмма, - «ху_», - перепроверив.

Автоколонна продолжается гигантской уткой тягача, бесформенной гусеницей, в тумане концом пропадая.

- Грота! – тумей, не останавливая шаг, - Объекты зафиксировать! НТ-блоки 6,2. К рубежу замера.

«трансмиссия», - над переносицей, - «3»

- Бегом, марш!

Проекции социомасс, обезглавленные, массовой аплодируя вокруг машин гигантских, за леску держат, в космос не пускают. Они трясутся на помостах и поют, в бабочках серых, крыльев, гвоздями в коже, серых, в коленках нагибаются, дрожа.

- Феерия разврата? – «17»-ый снял с предохранителя.

- _ дискриминацией борьба, – перед окулярами маячащий.

Сержант «27»-ой в веере голограмм:

«сжечь / расстрелять / диссоциировать»

Бегут, прыгают на плоскости проекций распадаясь, по спине палочками эбонитовыми гладят, трут. Ртами-трубочками, шепелявый в мегафоны насвистывают:

- Опа, опа, опа! – приседают и подпрыгивают, эбонитом хлещут, - Опа в рот! – двигая изъеденными язвами проекциями взад, вперед, в зад напевая, - Опа, опа, Опа! Опа-па, - в перед, - в рот!

За кораблем, начавшим все движение колонны:

- Серая наша радуга, не только голубых: белых, черных, красных, розовых! Похлопаем в ладоши. Крепче дырочку держи! Похлопаем ладошками внутри! Веселье эндорфина, – из пушек распыляя листовки, - всем! - в блесках.

«_ водство гом_», - шина велосипедная бумагу замяла.

- Держи! – великолепием истерзанных морщинами масок, настаивая массовке, - Обязаны!

- _дары туда же, - «48»-ой в фокусе наблюдая.

Большое, голое, кучкой социомасс, водрузившееся на одноколесный велосипедик,

медленно наезжает, умело шевеля ножками, привязанными к педалькам, помахивая шапочкой вязаной с баламбончиком. Два окуляра поднатужились, не разбирая, детально информацией сканируя:

«Опа. Опа средняя. Ценность кэфира: 0».

Сущее юлой перед самым лицом затормозило, нависая, обвисшими жиром, филейными частями ног. Я опускаю оптики прицел, интригой ожидания плененный.

- PRRRRRRRRRRRRR, - жуткие звуки вырвались из недр промежности ствола рамы велосипедной.

Кусками жира саркастически посмеиваясь, сотрясаясь, это кругами завертелось, под ритмы музыки пытаюсь накатывать педалями.

«отображено», - на переносице всплыло.

От каски до шнурков искры коррелируясь, дополняя яркими огнями амуниции неоновый серый свет шествия. Залп реактивной артиллерии. Винтовку развел двумя штурмовыми ближнего действия, социомассу пулями снося кусками.

- Аграаааа, - ручник вытягивается, ногти обрывая, тестом лица мимика размазанной помады водителя в кабине полыхающей меха.

Заряды наводящиеся. Передним мостом платформы зарывается разорванная утка, крошится.

- Солдааа, – веселы силуэты шествия, хлещут сильнее по разрисованным спинкам эбонит, - ти-ки! - танцую.

Лазерные полотна, растянутые, встречают инерцию движения состава, струи огнеметные в кучках толпы в сливовых очках дельтапланериста.

«сжатие», - спиной удерживая ранец полотна, выдал терминал запястья, - «тах»

В прицел гранатомета смотрит ТПЛ, вектор воздушной цели с прицелом совмещая.

- Аааа, - горящая толпа.

Ошметки рваных крыльев сверху. Тучами сгущаются:

«клоаки», - оптика снайпера.

По воздуху роятся, спиралями плывут. В колени троица солдат, ранцы раскладывая в дуло минометов. Снаряды в стаю,

- Швэу!! - плазменной волной жжет.

В упор коротка очередь:

- _идар, - павших добивая.

блевотина Ничтожная

Мраморные полы символа бога, креста в обхвате полумесяца.

- шшшшш, - спят, не дыши.

Отключены мониторы стеков. Пледом укрывшись, в подушку спрятав нос, босыми ступнями выглянув, палец в рот, в засос.

- Кому какие снятся сны? – судя по мертвой перектроэнцефалограмме.

Тень лазерной подсветки фиолетовой, по коридору шатается фигура. Полуночной слуга спит, никто его в том не винит, пока не видит. Во мраке бездн макромиров пьян УГЛ, без слов. За круг богов ступает, согнувшись в судорогах, блюет:

- Бааэээазааэ, бграхээ, – качаясь.

Послышался бас треска, мягкий, товарища бардового.

- Уголек? – посмеиваясь.

Выблевываются ленты эфирной массы желтой. Теряясь в коленях, в жижу блевотины на бок обмяк.

- Уголек нажрался, - с повязкой дежурного раба в золоте погон встал над дышащих трупом, храпящим.

Взмах брови дикой киноvari, «506»-ой подбегает с тряпкой.

- Бл.

Зеленая штанина оттенка точного хаки в настиле по расписанию порцией дыма транквилизатора. Ладонью чуб с лица товарища убрав, по татуировкам плазмы блевотину смазав, преосторожно поднял пинком колена на руки, подхватывая.

- Нажрался, – смеясь, на нижний стек нар колонной третьей на плед бросил, стянул ботинок и другой, ремень расстегнутый, бросил на живот, кепи за козырек, вспотел с плеч до рукавов:

- Спать, – рядом прилег, пледом вторым накрылся, засыпая.

Товарищ не храпит, тишина газа. Раскрылся, на бок повернул, к себе спиной, щелчок наручников по щиколотке, сиянием подсвеченной, по киноvari, довольней в плед, спрятав под подушку кобуры, изъятые, пальцы ноги о ступню почесав холодную.

ТЕО146

И так все кончилось, и так все началось - не изменилось ничего. Как псу голодному сказать: не стоит грызть ту кость? Как быть, когда не хочется влачиться по мокрому песку кусками плоти, места не находя? Ты можешь научить пророк меня жить ради власти, плотских райских девственных утех? Необходимо и простит Лорд солдату грех. В кармане ампула: «ПОСТМЯС 1:25». Я царь антитеней – я есмь пустота. Она зовет, в ладони копошась, жжением пошевелившись. В размытом фокусе упражняющиеся бодрые, здоровые, плотные, тесанные красными полосками души.

- Нуа?! – минишприц нацелен в подушечку ошейника.

Трык-трык, снег главный фона.

- Ааф, - сползая спиной о турникет, шикнул.

Застыл. В зеркальных ободках глаза утренних нагрузок штурм.

- _ене, - зовут.

В рубке поста пахнет корочками. Под глазами в морщинах дней мешки обмокли. Сердце исчезло, унялось, освобождая как-то груз внутри. Пальцы теряют из ладони ампулы. Чугунная налитая эфиром голова, не двигается, движутся засаленные слезами из-под налитых соком век, глаза. Ноготь поддержнул этикетку колбочки:

«Вина - Тео4Б 1:2000», - читая, уронил на левую штанину.

Катится к ботинку, к подошве.

- По швам, - пролепетал, утирая рукавом соленое, залившие лицо волосьями тоски, слезы, - скотыыы!!!

Все птицы сдохли, не прилетят в долину нашу соловьи, и ласточкам в сезоне этом не построить глиняных гнездовий, делаясь кусочками любви. Зеркало иного года злее, черствей день ото дня. Нет сына вещью Отца. Дети? Рабы! И был бы бог людей ты жив, то был бы жив и сатана, которому мы присягнули все, во имени, тебя.

ТЕО532

Те, кто свои идеи за постулаты выдают, тупость поощряя, в микромирах маленькими коричневыми кучками под ботинками разбросаны. Снайперы пары в пустыни глинистой азимуты векторов слушают. Пустыня, черные фигуры исчезают где-то вновь вдали. Дым смол несигареты. Присел на корточки, коричневую лепешечку разбирая голограммами:

- Хочешь, прочитаю? – «21»-ому.
- Что? – пальцами ритм, по кобуре постукивая, ухожу дальше.
- Нет свинины, – поднимаясь, - Что за на_х?
- Мясо скотины вкусное, питательное - хорошая калорийная пища.

Когти подошвы на кучку, сканером тут же:

- Знаешь, что у меня? - «19»-ому
- А? – волну меняя.
- Мы съели радостно свинью. Абдула,- икая,- Оставишь покурить?
- Ага.

ТР

Шесть лопастей у смотрового по углам замершего огромного окна. Они вращаются так быстро, кажется медленно. Дым сигарет уходит в вентиляцию сквозь них. Играет из динамиков повсюду монотонный ритм. Часы, на циферблате: минус дни. Линзы очков поблескивают седым дымом. Длинный в зеленом хаки ШРЧ трубку забивает. Так тихо и спокойно, за окнами ошибки.

- Пусть МКФ, - УГЛ передавая воздушный аппарат, упершемся щекой о спинку кресла протодежурного.

Снег падает куда-то за окном, ложась на солдат шапки.

- xxxxxx, - затихший крик.

Он исчезает.

сменами Ничьими

Скамейки бежевого. Подсушивая раны на груди ожогов, следя за дребезжанием плиты груди о пальцы, из-за перфоремня хаки карманов, показываясь чистотой кожи, не тронутой, прикасается к ошейнику «13»-ый. Цифры блекло переливающиеся малиновой искрой - символы бога, чистота погон. В полном росте

пар теплоты, в полотенцах сзади одежды боевые надеваются на чугуна конечности.

- Имто! - замедленно, - срезали?

Ночь к ночи, день за днем - в зеркале не различить нуждающегося в кураторе. Я, как и все: пустой войной.

ТЕО146

Кирпичная ладонь стирает пар, царапая стекла. Во рту привкус щелочи. Итог сути пребывания макромирами понят: разобран, расшифрован - фамилия чужая. «11»-ый в отражении, бардовой распушенной мохнатостью маяча.

- Слышал?! – окрикнул обтиравшегося желтым.

Действительности лицо: макромиры - не дом, пристанище армии для Никого – товарищество, здесь – чтобы нужным быть, отверженными миром, желающим любить, рабами. И мне уже тут двадцать лет. Я распустился камуфляжем среди таких же целым полем, засаженных войной. Мне было двадцать лет на рубеже чужих побед. Я за спиной: кому забор построить белый, зеленую лужайку стричь, такое же породить, кому меня не встретить!

агитация Господ (Хозяина)

Базовый инстинкт, еще один, добавлен. И утром, так здесь повелось, я обязательно найду себя одним среди подушек и холстов. И так положено здесь быть. Так сказано, написано великим им. Дыхание сухое пряное влечет:

- Вставай, - один.

«Дрод – пять-пятый», - воеет сирена.

В подушке и под ней бьет «83»-ий по щекам в режиме ожидания.

- Уголь! – по спящему лицу, - Да, бл, проснись уже!

- Не сплю, - шевеля словами, за бляху ремня склонившегося приподнимаясь среди ящиков:

«АРГ-5У»

- Развод, – за плечо, плывущего от дремоты товарища, не отпуская на ходу.

Сквозь пальцы, пропитанными запахами легкого намека сна, ища подвох, уставился собранием коробочек, коробок, блоков камуфляжа.

- Бл, - в строю.

Плиты в дырах, мишени обглоданными пламенем фигурами, засыпанное галькой стрельбище в сто, двести, триста, пока видит глаз, шагов, белыми лентами размечены. Трубы в окопах, тишина. Кафедра герба полумесяца звезды крестом, перед пятнышком асфальта, заполненного стоящими, мерзнувшими до кончиков пальцев, в коробки собранными, рабами. Рукав, манжет, две одинаковые в символ воспитателя, красные запонки. В блестящих белых ровных правильных зубах дрожит оратора высохший язык, двоится:

- _мерли грешниками, вернетесь чистыми! Добудем андрокита! Мы обязательно построим новый мир! Приказом_.

Спадает восприятия команда в гвозди каблука, жжение воротника.

- _ы обязательно построим новый мир! Я горд вашими спинами. Мы обязательно построим новый мир! Я счастлив: видеть очищение. Мы строим мир, в котором умереть - не в _адлу!»

диализ рабов

Блики с экрана. В ярком свете десятки пар привыкших глаз. Тени и рев визуализацией. Сотни онемевших лиц уткнуты в:

- ...спасли мы тех, уверовали, были богобоязненными, - подростков режут, кожу от сала отделяют.

На стульчиках внимают. Светятся ядра черные, алые шейные диоды, порядковые номера.

- А когда пришли они к Нему, свидетельствовали против них слух, зрение и кожа о том, что они делали. И сказали они своим козам: «Почему вы свидетельствуете против нас?» Ответили: «Внушил нам речь богов, которые внушили речь всякой вещи, и Они создали вас в первый раз, и к Нему мы вернемся», – шрифт +4.

086-ой пророк, массируя отвисающий живот, подтягивая стан всеми возможными усилиями:

- Тц, - чавкнул.

- _и не могли мы спрятаться, чтобы не свидетельствовали против нас слух, зрение и кожи, и дали нам боги другую кожу и глаза, заслуженную нами за наши грешные тела, - мнет челюсть сухари «70»-го, - И это - наша мысль, которую мы думали о нашем господине, хозяине - она погубила, оказались в числе потерпевших убыток_.

В бликах кино профиль облизывает пальцы. В руке дырявая фляга, дымиться, раскуриваясь:

- Дрши, - в кирпича твердость виска, локоть от, в спину зрячих, защищает, за шею.

В бардовых пальцах искры, дымок сбит.

- _ы вытерпим, огонь - убежище для нас, а если будем просить милости, то не окажемся из тех, кому дается, - большими буквами, - милость.

Предал твою историю анафеме мой путь.

ТР

Жухла почва в штиль пустыни. Полухрамы человеческих богов воедино. Частью гипостиль, в профиль - среза белым кирпичом. Лоб в кровавых пятнах. Под тень полукупола высокого, внутри стен, в охране взвода три зеленых ящика:

«ТТРП-6А», - ботинком на него.

Изображения прихода бога в человечество посыпавшейся плиткой потолка, карабкается в черной униформе товарищ шрамов, вверх смотря, товарищ чугуна, коленом задевая курящего вишневого, гиперболического. Кофейный обтирается об стену, спину броней расчесывая, буграми кладка крошится. Старший сержант белый сигналы принимает прибором с ляжками. В носочках тянется снайпер, в кислой mine физиономии своей, из обеих кобур по автоматическому пистолету доставая, руки над головой скрещивая. Курит, дымом нимб над каской создавая, бардовый товарищ, на крутящегося медленно и осторожно, сверху трех ящиков, без мимики нижней части

лица, наблюдает. Выстрел за выстрелом, вращается тертеол, рожи на стенах пулями вычеркивая. Со стороны: в стенах, прячась от сквозняка, расчет, ожидающий транспорт в долине бытия.

дозы рабам

... и знаем мы, что согрешили, и жизнь свою в грехе мы провели. И боги нас вковали в наши лица неверными Теоза. Поистине, бог любит тех, которые сражаются на его пути рядами, как будто - плотное здание! Мы счастьем переполнены, мы отмываем помыслы антибожественные, нечестивые, ыыыыеее, ееееее, - эхом отдаляется.

Кипит, вариться в смраде своем макромир кратера, муравейником снующих по двенадцатиперстному строению красными точками сеткой сканера.

«ТР-7(23)2ФА», - фокусировкой взгляда.

Над касками, в желтом, грязном, свете ярком искусственного солнца софитов купола:

«ТР» - идентификация каждого.

Из кружки испивает, именной, пророк, вытягивая жалюзи, к операторам за пультами спиной. В уровни кратера свисаю слизью по вискам, втираю подошвы чугуны в решетку пола. Макромиры - органы. Нет сердца, нет: пищеварительные тракты – кратеры; желудок - перерабатывающие фабрики; уши - стены; камеры слежения – глаза; рот – миллионы говорящих из писания динамиков. Кирка, лопата и отбойный молоток - макромиры наполнены заботой добывать уголь богов, андро!

- _ станешь верным не сейчас, - интерголос, - отработать. В послушании, прощение, для каждого из нас, - распространяется записанная фонограмма, - отработать, - треща шумами, интервалом: два с четвертью.

- Встать! - жаром в клейменные виски.

Подтягивая носом стекающие сгустки из ноздрей, держась за чуб:

- Есть, - паре голосов.

Волна трясущей тошноты мышцы подчинила, скрючивая пальцы:

«архиваци_», - запястья, - «инициализ_»

- Держи! - между пророками.

Ноги подкашиваются, гвоздем душа на колени оседает.

- Вяжи, - щелчком браслетов сбрасывая:

«-3, _», - голограммы.

- Нази! – на минимальной мощности язык, - тави, - в карман груди пророка носом прячась, - _ачи?

«СПУЗ», - инъекция в аорту триплампулы.

«_ бог нас простит, бог нас простит», – реверс фонограммы, - «бог нас...»

А душу, сжатую в комок, не защитит бронежилет, не скроют за решетками, не зальют кровавые белки, прожектора и фонари. Бог, право, славно силен, имея и

наказывая слуг, рабов. Мычит несвязно УГЛ, в захвате патруля без сопротивления, смысл потеряв быть для прощения. Ты осудил меня! Ты мне сказал: «урод», ты создал мои дни. Ты не создал меня, ты сделал из меня — это! Зачем мне рай, раз видели глаза мои? Макромиры, сношаешь. Не нужен мне покой, блаженство среди девственниц и мальчиков, обещанных мне каждый день на ложе! Ты есть устрашимый зверь, собака! О, как меня ты ненавидишь, о, пророк - дискриминация, насилие, призыв убийства. Мне не о чем писать, мне не о чем страдать, плакать и петь, я безызвестен. Убей меня, я снова появлюсь, я принял твою форму по твоему подобию: МИЛИТАРИЗМ - ТЕО. Бог человечества, в нем с тобой прощаюсь.

наручники рабов

Зима пуховым одеянием ложится на пески за толстым проницаемым окном. Стол полосатый напиленных брусков, железный табурет «69» в центре. Тепло от движений, пар давит на стекло. стакан граненный перевернут на столе, бутылка красного раскрытого в утре, цветы окаменевшие, святой Устав, ствол пистолета с ершиком на тряпочке без отражения. Прочищаются механизмы, за стеной играет тихая пурга. Меж ребер ткнуло, гравитация.

- Дверь закрывай, - не прерываясь.

- Закрою, наливай!

Ботинок подтолкнул табурет, упал, ножкой споткнувшись.

- Спасибо, - беспрецедентно важная ладонь за отверстие сердечком.

С затылком хрустом приземлился, швов тканей форменных зеленых пятен: простых, понятых - камуфлировать.

- Согласен, - оранжево-холодные пальцы за аппаратом на столе.

Вспотевший край манжет, воротника потертый ворс, на бок наспех фуражка синяя, забытая не вернувшимся домой.

- Что случилось? — пробка впадала в горлышко.

Примерил сажево-черным матовым зрачкам окостеневший взгляд.

- Так, нельзя?

Стакан в рабочее положение, вмещающая красной жидкости, пахнущей кровью, можжевельником.

- Холодно?

- Не очень, - скользит стаканом по столу.

Красный настой в горле. Не первый снег ложился тихо за окном.

- Наручники посеял, списывать пора.

- А, наручники, да.

Из щели кармана бронежилета выпали два стальных браслета на цепочки, ударив о стакан.

- Поосторожней.

- Не убью.

- Ты наливай, - ближе стулом, стерев мазок с виска прожженного «?!» пушкой, - Сейчас и Шир проститься, - присматривая за плечом, лежа ладонь, - остаешься сам, - улыбаясь.

- _уеть, стало легче.
- У нас нет будущего.

Снег транзитом, не спрашивая. Стаканы по края. Движение спалили трепет:

- Меня в этом винишь? - товарищу.

Старшему:

- Что: «это»?

ТЕО532

Из-за угла: «L04002», черного шрифта стены, торчащие приборами и трубами тюки.

- Придержи, - «63»-ый.
- Запрягли? – вишневый профиль ТПЛ в элеватора двери щель.
- Прощают, - втискиваясь, - Да, бл.

В той безмятежности, высокой, в коей мы обращены к друзьям:

- Удачи, - подтягивая верхнюю губу.

И я, один из них, раз я сюда пришел, часть улья, приковавшего войной! Не важно то, что делают со мной, из нас - я есть с Тобой на расстоянии удара сердца, нарушив имплантированный под ребрами приказ. Беспечность бытия, создавшая такого непригодного творцу? Жизнь, им дарованная? Да?! Агония – песочные часы, ведущие его к концу. Идем, идем со мной - я покажу, как дышит святость, рожденная кнутом, целующим спину. Я дам тебе сто стигм, копье от зла, вещание во всеуслышание, дам миллионы золотых и сделаю тебя пророком эры молодых. А почему бы нет? Какая разница рабам, кому ладони целовать? Я кину прорастающие в ряд монеты: будут босые ноги, кланяясь, лобзать. Есть правда конкуренция религий мира, долбанного историей - справишься. Неверных в цепи закуем, зальем бетоном, вырежем сверху на свастике, кресте и полумесяце наш символ: шар, а может куб - придумаем, смысл культа — рабство. А дальше будем врать, на вопросы понятиями общими и верой, верой отвечать! Я вижу сотни особей, которых богом перепоглотим. Мечтай! Твой каждый сын и дочь – мои родители.

ТР

Разводят прожиллистыми, промускулистыми чугунными руками солдаты бога, на бетоне выстроившись в шахматном порядке коробками, в утяжеляющей броне по вспотевшим душам, в фоне снега падающего, штанинами зелеными пятнистыми четкие удары отрабатывая, повторяя за торсом киновари пламенной, в полосах плеч золота погон кожи, на высоте пяти шагов кованой площадки. В классах информационные часы пророками. Сбивают горную породу клонами, сами, ни в ком не замечающие. Шагами отмеряют периметр стрелки, снайперы. Давят шестерни механики. Одним движением каждого настрой, с тенью врага бой, разными точками чистилища: кто, где — не устает. Треснул нарыв, брызнув, в пике абсурд обнажая.

ТЕО532

Дремлет на стертом с края сиденье в тиши небытия «21»-ый, в щелях век стены, освещенные желтизной дня, три на три наблюдая. Бункер. Я и терминал, позвавший:

«ождается NT17-3», – из дремы выводя.

Одна фигура, черная, пустыни. Автоколонна тормозит. Шатает тихо, не унимаются товарищи.

- Тяни, – «202»-ой с «318»-ым «404»-ому.

Ресницы срослись окончательно, втираюсь в грубость плит брони, подхватываемый в плече, смягчающимся. Залито черным, переходя в образы. База за базой люка-крышки. Макромиры обжаты микромирами.

- Транзит! Пересадка.

Черная фигура снайпера пустыни. Ноет шея. Список разложен с терминала:

«2Б, Д8, _»

За пересадкой пересадка. В окошечках подпотолочных шарообразные базы, прямо растущие, полукупола, столбы, скрывая очертания.

«3-15», - интернальной связью.

- Понял, - в ладонях прячась, находя себя.

За лямку ранец на спину, ремни затягивая, полусогнувшись по салону товарищей рядами, за ухо засиженных:

- Слышь?!

Плоский, кислую мину корча, схватил за живот жилета.

- Куда? - приговаривая, - Туда.

- Спи.

Автоколонна влево повернула, фигуру черную в пустыни за собой оставила.

4:32

Механизмы. Шестерни. Стрелки часов. Утро лизергиновой звезды. В глухом храпе рядом спящего на бок в одеждах униформы, просовывая в рукава подушку.

- Ум, х, - вздохнув, присев из-под полосатого пледа, голову чугунную на локти об колени подперев, в майке желтой, мокрой от эфира, ночных кошмаров, не выдавая пробуждение, - Всхыы, - тихонько просипел.

Смотрел, не поворачивая головы, где проезжали за секунды вагоны набитые почтовые. Край монитора подвигом, убийство за убийством. Горящие во мраке бесконечных мраморных колонн, хранящих контуры обивкой, святые письма. По полу, натертым до блеска, такие же, иероглифы:

«Бог дал наказани_», – по полумесяцу исписанному, - «_с ним продвигаюсь»

Ботинки шнуруются по ходу, засиженный шаг ватный, по коридору, те же кадры. Просохшая в соленой корке долгого с привкусом сна, разбудившего, кожа сопротивляется, зрачок черный пряча. Бронь на спину, ботинки вошли в роль,

приказывая. Шаги налево, прямо, вправо. Полотно фиолетовое, просунута рука: два автомата, четыре магазина и еще один, пара наручников, комплекты «ФР2».

- Ой, бл, - определив локацию себя.

Информирует униформа:

«_новый день товарищ сержант. Новый день начат», - раскладывая голограммы, - «_отовность элениумого покрытия тканей - _%. Эхо - запрос-ответ установлен. Конфигурация рецепторов загружена в соответствии с установленным режимом безопасности. Режим безопасности: обучение», - синхронно тертеол легким слоем стягивая, - «_да простит Амах Амамович Вам все грехи».

Обрывая:

- Товарищ,- хрипом, - НДМ, - сдавливая челюсти.

Шапочка хаки макушки золотых полос, блестят ядрышки зрачков. Бронь панцирем, в лопатках плит по комплекту магазина, по коридору из зоны оружейных комнат, налево и вперед, слыша спиной:

- Чистилище, подъем! - крик зажеванный.

Свет яркий, желтый, режет глаз. Шур-шур, нет складок на штанинах. Дым сигареты из ноздрей, строями по локальным переходам в рассвета отблеске. Унылый стук в груди метронома. Иглы черных фигур, лучами вышек смотровых платформ крыш разрывая вражеские облака. Другое утро начато. Другое утро съедено. Другое утро на уровень дальше на полигоны смерти вывешено. Другое утро залито кислотой, без слез, в бараках, набитых пустотой. Другое утро, я весь Твой!

- _ьи ча у сца нья чи фунь_, - облизывает корку льда корпуса мегафона, матерчатыми делая следы мозаичные снега.

Сочится по краям бугристым силуэта сплошной стены дыры гало.

не слышим снег

Что в нас такого корректировать себя: совесть или еще непознаваемая загадка бытия? Что разделяет: неопределенность типа? Что движет до сих пор в противоречии тот мир, что говорит об истине, ошибками одаривая каждого, кто появляется и умирает с ним? Помочь перестать поработать? Кого нам будут каждое столетие канонизировать в герои предлагать? Кому важна интерпретация дискретная?

- Тебе, - не знавшего.

ТР

И так дни шли. Тени давно и незаметно под глаза легли, тени мешков невыплаканных дней. Рука дрожит, затягивая покрытие брони. Тужится сержант «83». Жмет палец, выбивая сгустки рваных социотел. Обед, граната из-за бруствера. И так до вечера и в ночь. Утро - слоями тертеол. Привкус чего-то, дежурным «25»-ым сплю. И выходя из двора подъезда, под сени заснеженных столбов, солдаты бога на зарядку выбегают без штанов. На станции метро, среди пророков, их звезд, в гудящем рое каменотесов в атмосфере затхл воздух. За ухо оттягиваясь, отсутствие знакомых тягот. На высоте, под крышей вышки, из дальней наблюдательной точки

карьера, фигура, пар горячий создает дыханием. В платформе крыш складов, по наведенным горизонтам, тонкую корочку снега давит ботинок двадцати четырех застежек дня. Сверху кривыми буквами:

«тЕбя»

И снег ватный кремовый пухом перин сыпется, на маскированный сетью лазерной карьер, вышки по периметру, спичками утыканые друг от друга, в сон клоня, на плечи мои в броне тертеола.

ТЕО532

Безмыслие сжирает дни, месяцы зимы. Все сыпется и разметает снег метелью, камень богов на складе «ТНИ», на складе «ТНО», на складе и еще, не в состоянии вывезти никто. И в окна поста двадцать пятого облокотившись курю, на терминале:

«5/6 наряда»

Ни холодно, ни ветра, теплый день снега. Так улетаёт, развиваясь, сон. В пепельницу очередная ампула. Пальцы подпирают лоб, всю тяжесть чугуна. Стул, кармана бирка:

«ППТИ»

Теплый в чашке, остывающий эфир, пачка сигарет смята, опустошенная. Окна, ты в них, горят звездой, кометой и луной, смотря по-очереди, вращаясь за столом. Вроде, как разные в них вещи, все одно – война с миром, не прекращающаяся. Сигналы станций, вспышка: дымок, колечко смол, окутан весь Тобой. Звуки чужих историй, кому-то было тоже, думаю сильнее. Несигарета уменьшается сопротивлением в потоке дней. Месяцы в шею утекают, с губки чьих-то зажимающих кофейных рук по темени струей текут, в глаза не попадают, но будто все еще пекут. Затылок стал совсем чугунным, и, обернувшись в поисках кого-то, УГЛ накручивает голореле, заполняя пост тенью невидимого.

- АААААААААААААААА!!! ! ! – крича.

Не кажется.

из Никого убавилось

- Знаешь сказку? Расскажи еще одну, еще, одну, - по колокольчикам играя, перевалился луч перламутровый с окна, - нас стало одинаково мало.

Тумба загораживает подсохшие волдыри панели. С отмашкой пропеллер не один свисает с потолка.

- Хватит орать! – кидая на слух подушку.

Кофейные ступни по скользкому паркету. Из-за стеков выглянул, вытягивая суставы шеи. Окна, стол, табуреты, стенд на стене:

«МОЛИМСЯ»

Подушка о колени на пол. С сыпучими желтыми лучами пятна хаки тканями нарастают:

«тертеол — недоступно», - исходящие команды.

Отряхнулся в отголосках:

- _ука.

«4А», - блеснула униформа, - «активно»

Мечта - не цель, даже не задача, одна такая, и хрупкая, сломается.

- Ты знаешь сказку: ту, одну? - по переходам терминалов «У9-28А», «У9-98Ф», «У9_».

Окно в тамбура бетон.

- Товарищ солдат, - оплеуха.

На фоне синих стен, облокотившись в четырех кубиках света отражения окна, смещающаяся подпрыгивающая фигура надувшегося капитана.

- На занятия! - гулом по ушам.

Тени, звезды на плече, дверь:

«06 классная комната»

За партами, в ряды округлые, прислушиваются.

- Место, - носа движение.

Ряд первый - первые, второй — вторые, за последним - случайные.

- Псс, Тчщу, - застегнувший ворот до верхней пуговицы НДМ к окну сдвинулся.

- Ядро имеет местом быть в любом подмире Абеля. Еще раз: руководствуясь статьями 76, 77, до 103, пособия общей тактической подготовки, расчет имеет возможным осуществить захват_, - читает капитан.

- Че? — тихо.

- Завтра Р3о. Что? — изменение алгоритма восприятия, - Слушай.

- Застегни, - ширинку, ткани салатовой, изнутри исследуя.

- СМС, - пророк за кафедрой.

За окнами нарисованными: снег.

«Знаешь сказку: ту, где я?», - чистейшая, но исчезает с запахом утра, не повинуется другим, в других теперь она.

Поднял голову.

- Выспался? — пустующего класса обрюзгший улыбающийся тумей

- Никак нет, - положил обратно.

- Завтра в субтео. Ты: что?

- Разрешите идти? - привстав.

- Отставить! Задача?

- Поиск, инкапсуляция протоматерии.

- Свободен!

«Знаешь сказку про тебя?», - абстракция.

ТР(М)

По коридору вектор приближает, искры ботинок выдает, ящик в ручках трясется бегом фигур.

- Слышишь?
- Понял уже!

Вспышки ступенек озарили щелью стен.

- Бл, - ускоряясь.

Бумажный микромир горит: деревьями, домами полыхает. Ботинок тертеола сквозняком пепла обносится. Ракеты отдаляются, шлейфом разъедая плотность слоев неба. Ящик из пальцев «13(к-» спины тертеола выскользнул, стоящему по линии одной носков «21(к-», в колено левое, не отпустившему, ударил.

«дикий узел», - точки голограмм горизонта гриб дыма описывают.

Оглядывайся - с каждой стороны: волна плотностей избытка масс стремится пылью поднятой земли.

«карринг А» - терминал наслаивается прозрачным тертеолом в продолговатый щит.

Шрифт к шрифту номеров брони. Сносится полигон сужающимися горизонтами. Удар в щит событий горизонтами, в локте удерживающего плит хаки, когтями разрывающими подошвы, сдвигаясь, в щите противоположной стороны товарища смыкаясь, вакуолью обволакивая.

«демонтаж ядра», - тьмы алый терминал запястья невесом, - «отказано»

Мы сделаны из смерти, смертью ради смерти. Нас невесомости нет грани между, противоречия стерты диффузией верности.

- Салиб, - пальцы пассивные сжимая.

«приказано», - пульсация поверх, - «приказ_»

- Салиб, - громкость номинальна.

«области_», - на переносице, - «задано», - расширяя список, - «демонтаж модуля», - вынося вбок, - «[X]СЮРЬЕКЦИЯ»

ТР(*)

Кому-то дали автомат, за мной же числиться винтовка, я ей рад. И ты мне, богосатана, еще ставишь условия?! Эй, ты, рождается в груди, сердцем:

«т-гравитация», - шипящим терминалом в тумане соленом.

Сжаты линзы окуляров маски, дымящиеся. Наконечник установки из ранца, не расчехленной. О движущиеся углы брони разбивается туман. Присевший на колени обернулся, сжимая отвердевшее запястье:

- гистотромбоз – 82% , - шрифт большой, - денатурация, - мигание, - денатурация.

Расширились зрачки окуляров, дымящихся.

«гистотромбоз – 88%»

Пушки чувствительные в дыму мнут лат грудь, свечением плавя.

«гистотромбоз», - потухая.

Хаки субстанция комка, по плитам брони, искрами отекая в кулаке, каменеющий тертеол стружкой разъедая, в солнечное сплетение брони товарища вкладывает. Замерли спадающие в фокусе окуляры тертеоловой маски, в коленях у свернувшейся окаменелости.

«пермутация», - обоих терминалов.

Разложена шашка.

«убито», - сменяясь алым переносицы, - «паника(!)ядра»

Выстрелы в толщи льда, гранаты в лунку с пояса, ящик «БФ-2А» ударом подошвы ботинка толкая.

«приказано», - перебой терминала, - «приказ_»

Попадали. В пузырях движения руки. Стекают по броне черепа остатки окуляров, впитывается искрящее, в шипении плечи, удерживающие окаменелость на поверхности поруби.

«полиморфизм_», - отпустить нельзя, скользя плавящимся тертеолом, - «2{1}1», - зажмурился.

Вспышка, горизонты размываются, в бурлящих толщах вращение, куски глыб льда опадают в волны.

«_2%», - диоды рукава манжета из-под испаряющегося тертеола, в ухвате размягчающегося камня.

Щекой о виски обтираясь, коркой твердой облезающие, в бурлящем ключе паром гальваническим:

- Фгрыыыыыы, - не отпуская, облезая цинком локтя, спины, виска, под падающими крошками льда, впивающимися.

«дамп_», - мерцая, в толщи мрака монолитом уходя, - «ядра»

В точку стянуто.

ТЕО532

Затихло солнце, обглоданной костью кинув из окна всего лишь один лучик, пыльно-грязно-желтый. Палата. Высоки потолки. Зуд, тошнота и рвота. С боку на бок замотаны личинки пострадавших, изношены. Открой глаза, раб, собственность Б.О.Г.а.

- Ммм, - от липкого пота стирает пелену со сросшейся соленой роговицы смятая полоска рукава, отодвигается.

Хором мухи нажужживают псалмы. Кружатся у окна округлого в стене, под самым потолком, пустых нар спальня, рядов пустых, десятками. «83»-ый, гигант вишневого, рядом сидя:

- _ был бы сыном его, - читая.

- Дэ, бл?! - бардовым подбородком чугуна, - А-а! - железной слабостью зубов скрепя.

– _я стал бы вмиг святым, - продолжив.

ТЕО146

Трещат застуженные стены. Кирпичной выпуклости плеч в желтихне майки, широк ремень, спускаясь в хаки ткань, в тенях покачивающейся штанины.

- Мм, - из-за стола оборачиваюсь.

Под половиной освещенности заросший мелкою щетиной РЖВ повязки красной рукава, в карманах кулаки пряча.

- Написал? - хрипя, морщась.

– На, – передавая голосписки:

«_а лицо», - оставляя сигнатуру под, - «4 (четыре)»

ТЕО[X]

Мы в одиночестве, да, так?! Мы в одиночестве стираемся. Пустыня в толщах снега, железного. Он как и Ты - солдат. Он: я.

- фшух-свшууу хсфушу, - точка радиошума.

На покрывшемся коркой сплава запястье голограмма:

«абс[тоска]»

Полоску оставляя за собой ящиком, виляющим в полуперчатке, окислившейся, ранец максимальный за спиной «ТР_». Кто нас осудил: УС, ХИ, ИО, МО, ИД, а может КО, БУ, а может ИУ, молимые своим богам, кто правильный из всех, людей? Нож, в потайном кармане голени. Врагом окажется любой, приказом. Нож, мой, только мой!! Руки не спрячут, обманут под противоатеомаской жгущую агонию.

«фиксация», - проблеск от переносицы в двух пальцах перед пространством векторов, - «мин_ позиция», - сдвигая в левый столбик.

Векторы сходятся.

«Уаахх...тшшшш. Граааа...тшшшш...Иииии...тшшшш», - дают сигналы громче, больше, глуше, приближая к эпицентру, - «сииииуууусссссффф...ог...тшшшш.ебя...шшшшш...веду...шшшшшш».

Ничто и полное ничтожество пустыню отголосками наполнило. Мир за столетия никто не смог остановить! Ну что же делать - это долгая дорога, в которой, во имя господина, никого, кроме него, нельзя любить. Стань богом, чтоб тебя я полюбил, в засос поцеловал, тут же пристрелил. Ты знаешь, как это - всего одно мгновение ненужности и деградации своих же снов. Ты это знаешь, так как вместе здесь мы рождены. Так почему же Ты молчишь? Так отчего Ты мясом стал, выбрал дорогу невмешательства? Обманут я, хотя тобой любим. Да? Так!!! Любим тобой, какой пустяк, фона стратофикации нас.

«.грави...», - мигает перебоями запястье.

Хочу замерзнуть навсегда, исчезнуть, раствориться, не бултыхаться каждый день, захлебываясь в тоедерье, о, богосатана. Бьют фонари с плеч в бурани железного снега, пик одиночества, стыда за веру. Тот самый верх, где бога нет. Тот самый низ, где сатаны не отыскать: точка «ббб» мира «ббб» - глобальный минимум чистилища

солдат. Раскладывается установка ранцем в ретранслятора маяк, вливается гигантская тренога, в проблесках наплечных фонарей сливаясь в буре.

«готов_», - раскрылся паз.

Кроша пленку окиси, вталкиваю ящик. Упор, пластина содержимое скрыла. Шаг, шаг назад.

«активно», - свет линиями бесконечной высоты строения затмил терминал фигуры. Шаги под основания.

«дернуть за_» - мерцает голограмма, - «проверну_», - пальцы сквозь поглощающее.

«ТЕО{532,146, 780, 418, 60_}», - под пеленой плевы вспыхнула гарнитура.

Палец вдавил:

«трансляция»

(А)ТЕО

И все, тут нечего сказать. Кто ждал, тот должен был понять. Я бы сказал, что не хочу домой, но я б соврал. Куда идти? Кто знает: нужен ли он нам? Собрать, чтоб разлагаться?

– Никак нет!

В циклонах помешательства, прилюдно изливая страх, я отыскал ход мыслей бога, спихнувшего в ад, заживо, всех нас. Гормоны счастья, злости, суицида, вновь обретенного тепла искусственной звезды - мы оба знаем, о, пророк: мир, породивший нас, не просчитал, рожденной здесь, в чистилище, рабами, формы.

– Кем будешь? - Ты.

<http://www.mutacia.net>

прототип

//передача ядра

ТР+

Блики, радар, треск глушится. Скрежет породы о тертеол плеча, шуршание тканей, поверхностями протираясь. На гладкую сферу черепа бронированного посыпалась гранита крошка. Упор впившихся когтей протектора, соскальзывая — фигура бессознательная подтягивается, проталкиваемая фигурой непрерывающейся. Прокручивается плит мощенных товарищ, коленом упираясь в черный блеск ракушек, окуляры маски опуская, отводя. Сверху перчатки тертеола за лопаток плиты, упершегося когтями подошв, в объятья принимающего.

«8k», - шрифт по углам фигуры перемещающейся без движения.

Цепочка отделения.

– ждать, - интерголос.

Туман, из пара жидкости, оттенком крови безжизненный, над тусклыми бетонными крышами, срезы. Блики стираются щелчком, окуляров фильтрами. Прокручен колпачок, мигающий, шашки, еще, еще без замедления. Сглаженных плит в затылок тертеола повернута шея. Окуляры, замерев, сужаются. Солдатами фигуры ждут в тени серых пятен камуфляжа. В тени кокарда чья-та, бога. В оптике метаматериала горизонты.

- Нам остается: только ждать, - дублируюсь потоками.

К ноге пророческой хозяина дни приколочены. Мы на картине дорисованы с дырой на холсте вместо головы.

«фаза ожидается», - ветка еловая распушенных голограмм манжеты рукава.

Жгут, массажи тел убиенных, костры эфир, дым сизый во тьме развивая. Огонь пунцовый, куски проекций подбрасываются в той бесконечности судьбы, ее фатальности. В стену, переливающуюся соли побежалостью, уперлась взглядом непропорциональных фигур пара.

— Тупик, - гигантская складывает слоями маски, вишневыми висками оголяясь.

Треск разрывающихся в вышине зарядов, фракталами соединяющихся, распространяющимися.

– мммэаамм, - товарищ «553» вопль давит.

Залпом удары по куску стены, насаживая на контузию. Летают смазанные бабочки. Закрой свои глаза, закрой и слушай, слушай шумы. Летают бабочки желто-зеленые, маленькие красные. Они замедленны, шлейф оставляя крыльев над коленями, порхают дымом горькой серы, мир в хаки изменяют! Шум свистом возвращается.

– Аааааааааа!! - воплем голосов, выстрелами пуль трассирующих, галькой и песком, тряской рвущихся фугасов. - Грыыыыыы!! - четыремя комками тертеола втираясь под разорванную стену.

Сияние полотен горизонтов над кварталов городов, кусками стремящимися, волнами. Сгорбившись, упирается фигура, разложенным ранцем стягивая спектр серого, шаг новый делая.

– Держать! - спина, броня, шрифтом горящая «11(k~», сутулится.

Мы – новые. Мы станем новым, никогда не будем мы людьми! Плавятся окон этажей плиты. Пылают улицы, плавя асфальт в кисель рек, подтягивая у ноги. Давят оттенком купороса небеса, сгоревшие токсической реакцией, все отравив в моем сознании, как ни хотел я. Люк, дыра канализационная в шоссе. Ступила, безразлично в кисель смолы асфальта подошва, за ней другая, пропадая мимо столбов фонарных уличных, обмякших в переменах или без. Солдаты тянут простынь силовую, встречающую башни частями, фрагменты городских кварталов, людей, точками в потоке микромира летящего. Из трещины асфальта перчатка тертеола, гладкого черепа симметрия, фигура бессознательная, спиной елозящая. В зеркальных окулярах маски спектр серого колыхнется. Из трещины краев фигуры выбираются. В моей руке цевко, крепко держу автомат. Меня создали, принуждая убивать. Таких как я: десятки сотен миллиардов, достаточно!

- н шл, – обуглившиеся губы.

Разводят очертания фигур двух миражи. Ботинки в треснутый грунт глины, сзади такие же, в шагах пяти. Ранец квадратный «21(k~», ранец такой же, на другой, «13(k~» шрифтом тертым. В профиле товарища не значима тревога в тоннах оцепенелой мимики.

– Слышь?! - выдохом.

Синхронно разложились ранцы.

– Ты там, это, - дрожащей рукой, онемевшей, теряя сигарету, - не кричи.

«pull-зона», - трещит запястье, - «_поря»

Сигнальная ракетница. Шлейф красный продолжается, резко застывает, ломается, смазанным движением копируясь. Сжимаются скулы тертеола. Ремень, щелчок, искры от кожи, от униформы, от движения. Бликами стираемся.

Ничто

Ноль-ноль, приравнен к стенке - не кусаюсь, не скулю. Я клон - кому я помогу?! Наше номер, под глазом ободок синеющих мешков - пропадаю здесь на перекрестке нереальных сумрачных миров. Сегодня почувствовал себя ничемней, чем вчера. Меня так долго пробуждали, я встал, я обморозил ноги от колючего утра. Тягучая нарывов в животе самобичующая тошнота, что происходит? Где я?!! Прикасаюсь локтем, в меня проникнуть так и норовят, десятки, сотни, выключенных пар бесполок глаз, повергнутых и подчиненных, недоразвитых, солдат. И между нами тихо, все молчим. Не открываем рта, додумывая что-то в одиночку, нас приручают, и, сложив в поклоне руки, мы сидим. По высохшему полу, треснутому от позапрошлогодней засухи опускаю подошву. Скрипят потертые ботинки, отхлебнув пол кружки из бачка эфира, смочив губами фильтр, безразлично к выходу иду. Лестница. Потягивает спину, заправляюсь, налипают кадры, пустота. Сегодня я наверно сдамся, успею покурить с утра. Синеет пламя на ветру, поджигаю край зеленой сигареты, прошмыгивая носом в пустоту. Шумят деревья листьями весны, такими маленькими и зелеными были и мы. Сирена воет, по времени еще есть час, система будит коконы

рабочих муравьев-трудяг. Тени красные бетона. Почесывая сзади под резинкой шорт, закрыл силуэт, в сиянии, появляющееся пикселями белого:

«бог», - , «обязательно», - , «простит»

Натягиваются в усмешке безысходности губы:

– Простим ли, мы?!

Ботинки, стоптанные вдалеке, с кровавым ободком, перектрошоковая черная палка на ремне. По шагу тише, дышит ближе. Деревья опустили рефлексоры, шатаясь в резкой ветряной волне.

- Сидится?! - штанины хаки.

Плевок между ботинок, собирающий в пыли шарики. Тысячи, миллионы, тех прозрачных слез небес упали, обрушиваясь на черный жестяной навес, весомой запятой. Плевать на тех, кто против – я, иду, домой.

весна 2k-1

Сдирают трафарет кровавый со стены пальцы:

«Т1.6.2»

Меж стен бетонных, кортежем размеренно не мытых долгой дороги бронетранспортеров вереница. Холодный мокрый снег запачкал грязью мир вокруг. Похожее окно, похожий стол, похожий табурет, графин с эфиром на столе, графин такой же у любого, кто в его свите. Торопится «100k», приторможенный висок.

– Сюда, сюда! Левей! - взмахи флажком на платформу лазерной пелены контрольно-пропускного блок-поста.

Дымится бесконечность из невидимого чайничка. Внутри брони корпуса, наше, будущее каждого, плавно. Бликами верхних потолочных продолговатых форточек пот давит на глаза. Прижат ремнями безопасности крестом, блик лампочкой матовой обшивки над заляпанной чугунной головой. В отсеке между нами будущее, каждого. Запястье в шрамах серости из-за манжета, колено пятен хаки тертеола книжонку перелистывающего, широких шершавых вкраплений киновари, отпечатками реальность в ладони, вздрагивающего, поддерживая. Сплю сном ненастоящим, кирпичную щетину поглаживая, слыша:

- Ввинчивай.

Переглянулись ресницы кирпича, следя: гранатами играют товарищи слева. Будущими днями все неважно, будущее вечностью сегодня. В дороге, в защите абсолютной я. Ресницы под лучами закрываются в лепильных бликах трамазвезд. Толчок в точки одновременно, бронь корпуса останавливается. Пыль, стертые защитные полоски жара, песчинки металлических заноз, где мы бы все не оказались, наше будущее: бег очередного дня.

- Личному составу, - из корпуса виниловой обшивки скрежет.

Моргает на ошейниках кожных красных диодов пара. Сухие жилистые пальцы в полуперчатках подтертых, черных, стянули рукав с запястья левого, подсвечивая атмосферу потемневшего салона полосками терминала:

«Б2_»

Из-под забрызганного серым козырька я проскрипел зубами, молчанием в секунду задавая тысячу вопросов, стуча по стеклам глаз каждого:

- Ну что бойцы, помолимся, наши беды будут решенныыы! – вздымая подбородок, приободрился «83».

Весна, весна. Мне больно, впереди весна. Мне больно, режет панорамой мне глаза она. Мне больно, за спиной весна. Плечом к плечу, в строю, с Тобой мне больно, без Тебя. Солнце оранжево-зеленое, я болен весь. Весна.

- Раз-два, раз-два, - ведущий строй напоминает тугу, - держать строй.

Приклад во мне хребтом тертеола: теомета, теограна, автомата. Нас расстреляла пулями звезда беспечности окна потеплевшего.

- Влево принять! - команда.

Двигается вдоль полустены бетонной автоколонна, разгруженная.

- Раз-два, - команда возвращается.

Весна. Смотреть, не ощущая.

- Равнение направо! – команда, приветствуя пророка.

Рука лениво фуражку подпирает. Весна - кустарники вечнозеленые, краска потекла.

- Раз-два, раз-два. Вольно! Раз-два, раз-два, - строй вереницей продолжает путь у турникета блокпоста, передвигаясь не спеша.

Весна. В кость воткнута мина неразорвавшаяся. Весна, весна, весна! Тебе я нужен?! Да?! Что лучше быть ненужным или пригретым на груди рабом бога? Весна!!! Она моя, Твоя, одна. Дорога к дому на шаг приближена, на два отдалена. Шагает «19»-ый в начале строя. Потекот струйками талового инея высотные квадратные строения. Кто же такая, Ты, весна? Кто: глянцевая картинка из журнала или всего лишь интервал цикла? Весна, весна.

- Я знаю слово Господина, - хихикает безумно старший взвода.

- Ага, - рыжая небритая физиономия.

- И я.

- Я! - стопы подбивает сзади «65»-ый.

Капель по бетону окружает. Во всеуслышенье для строя, баритон:

- Мало слов у бога, для раба?!

Весна, мне больно за Тебя. Весна. Мне больно за Твоей спиной, весна. Я болен, я простужен. Плечом к плечу, в строю, с Тобой не страшно: беспокоенно за Тебя. Солнце оранжево-зеленое под майкой, стянутой бронежилетом, катает пот каплями весна. Мы пропадем в ней без вести, без имен, бесследно!

ТР+

Кружит дым, поднимаясь с труб котелен Лорда. Мир Вдребезги рыдает. Сочится алыми соплями он. Мир Вдребезги не знает - кроме плакать может, не он. Все плакать могут, нет у нас причин. Мир вдребезги рыдает, не солдат один. Кап, кап. Нажата кнопка. Кап. Мощной струей углов десятки, два десятка, сотни сотнями

солдат смывают кровь с рук, грязь с лица, в стену лбом постукивая, сгибаясь и мыча, от шрама на виске «44» до плеча. Уходит в ноги алогрязное. Солдаты моются, беспамятно, во имя послушания. Мочало оmyвает штопанный наспех грубый шов. Пена с эфиром стирает пленку с кожи отнятой жизни разумной. Ухо не приложишь: немая тишина.

- _не моя!! - бурлит динамик.

В разбитых и немых устах, где ложь? А, где?! Наверно в них корысть, на мысли и свободу посягательства? Наверно в них, в трясущихся от автомата пальцах, фальшивость, предвкушение делить с богами за игрою в карты власть? Так?!

- тшши дни ваши тянуться теперь, - не думая и останавливаться.

Бидоны вод. Кому отмыться, пряча несуществующие слезы в физ.раствор? Босые пятки, болтающиеся над плиточным полом, песком отекающие. Нити железные трут, шрамы вдоль, поперек позвоночника, мышцы, тупые отростки косточек, тщательно вылизывая кончиком волосков, рук кофейных. Живот вишневого. Из рук в руки мочало. Мыльную пену загребает УГЛ, на лоб ладонь.

- 2,4?

- 2.6.5.

- Нет.

Гигант заткнулся, намыливаемый. Реповидная голова поморщилась, сдутым мячом отекая, соплями обмякла.

- Не гнать, - кулак склизкий вытащил из пунцовой физиономии, в кадушку по дну кистью, - Как?

- Та, та, - вновь набирая грудь дыханием, - т-та.

- Весь? - залипая в потной атмосфере.

Вода смывает грязь, но яд отравы бога ей не смыть! Глазки камер. Пророки наблюдение за моющимися солдатами ведут. Пророк 0155 мастурбирует коллеге 099 активный палец, не забывая облизнуть.

- Цел, завтра умру?

Прощенья лорду не ищу.

- Бл, начинается, - в глаза, - Мер-твый!

Пленил на службу своего тщеславия, на поводке коротком подсекая. Считай: раз — сжимаю крепко; два — в небо, пустив взгляд; три — на выход, в бой, на пояс пистолет, за спину автомат. Товарищ мой: и если возвращаться к жизни - только в тишине ночной, ввысь поднимаясь фонарями бумажными горящими.

полуденный слуга

Слезы пусть будут чем-то меньшим для меня, чтобы однажды так не получилось: плачу поседев, печалюсь, не в радости. Дым исчезает в градиенте неба квазилетнего. Трамазвезда жжёт черную смолу крыш. Морщинится носом конопатым. Ворсинки из ноздрей пинцет вытягивает. Шум нарастает.

- Оа, - от зеркала в стене срывается «133», кепи со стола, колонны обегает, за угол,

в рассыпчатый молочных лучах солнца, бьющих из окна, лиловых лучей оттенком силового поля, коридор слева.

Подсвечен красным полумесяц двух треугольников звезды по мрамору пола, под звуки дыры двери, торопящихся принимая. Расстегивая хаки ткани на ходу, толкаясь весело, в инерции потока устремляясь.

- Дебилов, - кирпичная рука по носу щелкает, - На! - кирпичная полуфигура медленно отходит.

В молочно-белом свете, местами в мраморных проемах нар, в плед с головой уйдя, перематавшие бинты на ребрах. Носом-горой полуденный слуга морщина, чешется. Крест треугольников звезды мрамора оставшимися парами ботинок затоптан.

«спящий режим», – отсвечивая сизым.

Гром успокоился, он спит. Ботинок суточного ремешка, мимо табличек информационных, трехстрочных, не смотря, штаниной закрывает дисплей нижнего стека:

« ДТГР. SS3 НДМ. 11(k~ Восстан_ — 26%..»

Бляха квадратная, перекрестие, с натяжкой отстегнута, строками рядом, черным по желтому:

«ПтПГД. SS3 УГЛ. 21(k~ синхронизация»

Свет лучом треугольным каждого окна. Два циферблата:

«73-10», - отсчитывая инкрементно, - «119-28»

Полуденный носом кивает, ресницы закрывая. Шлепок по носу ногтем.

- Тшш, - у губ резиновобетонных палец указательный, - Дежурный где?

- Спит, - робко.

- А че это он спит?! - тиком фуражку поправляя.

- Так все спят.

- ДБЛ, ты чего: сам спишь и других заставляешь?

- Никак нет, - морщинистый нос втягивая.

- Смирно.

Ботинок в золотой прослойке каблука, штанины серые в бетон, по швам трещит униформа. Присаживаюсь у колонны мраморных нар, фуражку взлетную с гербом божественным, кивая головой, на бок поправляя.

- Ну, – трепля по спящей голове багровой, - кто же еще здесь может спать, - ершиком вспотевшим «11»-ого, в таких же трех полосках по плечам шрамов чугунных, обнявшего.

Свисает за край мраморный, за клетчатый матрас зеленый, багровая, в расстегнутом манжете рукава, чья-то рука. Слюни пуская, застыли чьи-то в шрамах ментоловые губы, налипнув на умятые вспотевшие курчавые густые волосы груди, накрыты подушками.

- Будить, - переключая стеков нижнего яруса таблички.

«_прервано»

Под сенью век, в душах занемевших, вlepило светом млечным, болезненным.

- НДМ, спишь?

- Спла.

- УГЛ, спишь? – весело.

- А?! – прячась в плотностях багрового.

- Встаем,- разлепляя.

- Неаат, - черные ткани на бок, в плед заворачиваясь.

- А? – пальцы свисающей руки шевелятся.

- Поднимаемся, - уговаривая, - Знаю, поднимаемся. Ничего страшного. НДМ, буди товарища.

- Агааа, - расплывчато.

- КРЗ сменит, заступаешь в оцепление на Р6.12. Садовод проинформирует. Зайдешь, вооружит.

- Есть, - переворачиваясь, - там, - на ухо, - что-то хотят.

- Подъем, бл! – прижал Гандрапил подушку.

Оттуда громче, неистово:

- Нет, - накатившему, - Ты куда встаешь?!

Сверху слова посыпались болезненно:

- Между прочим, из-за тебя вас бужу.

Обе головы мгновенно выглянули.

- А че так? – перепугано, застегивая бегло пуговицы.

Резиновобетонное колено в тике.

- Генерал вызывает.

- Какой? – ловя возможность, улетучивающуюся.

- Какая разница тебе! Давай: одевайся быстрее.

- Так мы же спим, - плечом к плечу садясь, в ботинки не попадая, - Вы же наш командир, могли нас отмазать.

- Самый умный?

- Никак нет, - в глазах поддержку черпая.

«11»-ый застегнув, расстегивает рукавов манжеты.

- Ну действительно, товарищ капитан, из-за него одного и меня поднимать?

- Ты че гонишь?

Асбестовые губы улыбаются, покачивая головой:

- Больше не спите вместе.
- Понял Уголек? – серьезничая, - Больше вместе спать не будем.
- Да что такое?! - ремень фиксирую, выпадаю присевшему в колени.

Подхватывая локтем:

- Шшшшш.

патриотизм п!

Нога, средних размеров ботинка подошва. Желтые фонари включаются до наступления, по коридору вглубь меня.

- Товарищ Попище, пройдите в рейх.часть, ожидает товарищ Зезель, - голос динамиков, вмонтированных ртами.

Нога, растягивается полоса ее лиловая, выглаженная паршиво. Двери аудитории, поднята голова. За партами приводятся спины в вертикальное положение синхронно. Между рядов проходит, высматривая, воспитатель. Парами следят полосы золота.

- Сидим, сидим, не встаем! – жестом руки, дрожащей, надутый капитан, шажками семени, к кафедре вышел, с папкой красной.

Внимание.

- Товарищи, молчание.

Часы негласные бьют.

- Да, - вздохнув, продолжил, - Положение критическое. Амах, всевидящий, в нас нуждается. Дьявол становится людьми сильнее. Стойкость духа и единоначалие выведут нас из плена. Закончен учебный цикл. Результаты, - голопапка оттопырилась листами, - 6 пророков - травмы, - массивной распечатки ища концы, - пропавшие без вести рабы, - первогармошку в папку, - Еб, бл, у взводных спросите, - активная жестикуляция,- Хуяры увеличивают доступ к нам Небытия. Товарищи младшие командиры, мы должны усиленно обогащать андрокит. Нам нет иного, как прощения.

Триптих полумесяца, зависшего в кресте, на каждой части зеленой металлической стенда-доски. Свет ламп настенных гаснет, слайды появляются.

- Мы должны учить без страха, мы будем вселять без страха, обогащать без страха. Патриотизм!

Рука указывает: черной униформы кожи, с тростью, слева в чалме, очках, таком же одеянии, за ногу держащего.

- Мы видим бессознательное - грех! Мы чуем мысли наши побуждающие к сомнениям, к познанию - грешны они.

На фотографию в тройке-костюме, с трубкой обрюзгшего, с пенсне.

- Мои товарищи, товарищи-рабы, вы поросль будущих апостолов, процент пророков бога. И я бесстрашный, выломать пару ребер?! Я вижу, как теряется не уверовавшее стадо.

Две в стороны руки, бегущие картины: целует худощавого длиннобородого седого старика, с автоматом-костылем.

- За нами бог, победа! За нами боги, право, славные, - ладонь выпрямилась, похлопав по лиловому плечу рубахи, в аудиторию.

Штанины напряглись у каждого, выпрямившись стоя.

- Да. Да! Патриотизм! – кричит, плюясь пророк, грудью возвышаясь, раздутым голубем.

Рукав, в локте сгибаясь, выпрямился. Клич каждого в теоволну фанатов превратился. Взгляд в, частью хора милитари. Патриотизм – выбор, раб, твой! Живи, сам, с ним!

ТЕО

Из бликов выплывают черные, квадратные, до горизонта, крыши. Звезда греха рисует миражи. Кивает лето незаметным сквозняком. Из-под ноги, от плавящихся смолами крыш, влипают суточные, ботинок чугунных, прометаллические носки. Приземистые стены складов U«8»8»3». Таится в тех лучах звезды начавшаяся вечностью дорог пыли агония. По локоть рука оголена, блеск цинка шрамы в горелый воздух отражают. На крыше крыш на два колена, три, выше в радиусе движения, плывут вдаль черные стержни снайперов. Разбросаны они. На горизонте вереница тонких нитей. Увеличением - теотрансляторы горизонта. Оранжевой тканью небес над головою полотно. В нем не увидеть поля силового. От жара источаются на расстоянии двухсот шагов вверх миражи. В пришедшем лете, кто, если не мы, в удары плети попадаем, безучастными?! Печать, ряды в строях меняя, рукой волосатой в разные углы, пером отточенного грифеля, по схеме «Тео3». В несбыточной весне, не проявившейся, но пройденной уже, не было шансов друг другу посмотреть в глаза, бриллиантами ядерных кристаллов насладиться. Есть корреляция. Склизко, смесью тянущейся за подошвами смолы ботинки отрываю, в трех полосах погон золотых, держа прицел винтовки в небеса, прибившие последние остатки. Печать рифленая - перетасованы!

- Репликации, - в столе застряв, в стенах дубовых мегахрундель протягивает листы.
- Есть, - к виску фуражки ртутные ногти пальцев.

Никто Никого

Сухость предлетняя очередные упрятала в рукавах творцов карты. На ней — мы, мало в мире том беспечности. И облако предатель, как и все вокруг. Патроны убывают, говоря:

- Нечего вернуть.

Кто-то разлил дым из невидимого чайника. К чему-то приближает, к чему-то одному. Небо куском из шахты вентиляционной смеется за решеткой, наверху. Четыре лопасти уносят сигаретный дым наружу, прочь. Песочные бумажки облаков топчутся на закопченном стекле, смотрящих на них глубоко внизу двух карих меркнувших зрачков. Тумбы курения литого чугуна локальных переходов блоков кратера. В луче выгорающей звезды, накручиваю на слух сзади спешащего шага. Четыре лопасти вращаются, попеременно маленькое пятнышко на дне шахты серой бетонной, вентиляции, в писании тео не теряя, не найти! Морщины туже. Под влажными ресницами в зеркалах глаз «21»-ого экипированный товарищ, широкими

полосками золота погон, шлейфом из темноты стен серости. Крепкие пальцы шрам виска «11» погладили, из-под каски черным хрусталем округлые глаза встретили сглотнувшего ком, накативший, губы кусающего. Сдавив челюсти, в фас развернулся, докуривая:

- Че?

Прищурившиеся, не высыпающиеся, глаза приоткрылись, цель векам возвращая. В бетонный пол не проронив ни слова:

- Уходим, - тихо, - через.

- Когда обратно? – изучая ободок свежееобтянутой, хаки зеленой тканью, каски.

Я не ответил, постукивая ногой по черной урне, сбивая осыпающийся слой краски.

- Чего? – дым через обе ноздри, истатуированные.

- Никогда, - слышалось едва, бровями хмурясь исподлобья.

- В смысле?

- NULL, - пределом членораздельности, - 32.

- Что?! - втянул носом соплю, смазывая манжетом рукава, - Че пугаешь? - усталость.

- Не пугаю, - пытаюсь.

- Что?! - не понимая, - Что!! - со злобой сдавленно, жилы потягивая.

Четыре лопасти стали слышны на высоте пятидесяти шагов в бетонной шахте, навязывая такт движения, протяжный и глухой. В песочном луче пятнышка неба из решетки оба.

- Да?! – прохрипел «21»-ый, - Погнал!

Черные округлые глаза выглянули из-под дутой каски багрового товарища.

- Чего встал?! – толкнул, вытряхивая пылинки на песочный луч, из нахлобученной тереолом амуниции, брони ремни срывая, - Ну?! – смотря, как отворачивался.

Скинул ухваты цепкие.

- Куда? – каску забирая, - Домой? – не отдавая, облипшему спаренными волосьями багровыми, шрамы татуировок обнажая, зияющие, - Null — зона!!

Исполосована вся грудь, по каждой клеточке шероховатой в изрезанных строках писания, потупил взгляд, засматриваясь на дымящую меж таких же пальцев сигарету.

- Каким домой?! Рабом? Таким? – за шею принуждая повернуться, - Другим? Да?!

И металлические выступы, обтянувшие мышцами сине-оранжевыми, выглядывавшими из-под рукавов, в шейном разрезе майки, ушли в ожесточенные ткани.

- Ху__ на! – кулак с горячей багровою щекой соприкоснулся, - У боги в груди имплантант, - постукивая.

Четыре лопасти на заднем плане. В луче песочном схвачен. Приподнимая, волоча, вздувая ноздри, оттаскиваю.

- Осттааавввь мнээггааа!!! – проплевался.

Лицо грубым зеленым хаки рукавом закрыто.

- Мммгrrrrrrrrстааааввфф, - в приступе возгорелся чугуном.

К стене холодной и сухой, бетонной, прижал, ударив головой. Глухо мыча, заткнутый, надавленный краями тертеола, виском висок фиксируя, не отпуская. Лопасты втягивали в шахту вентиляции звуки Чистилища, день будущий творцу, каждому. Месиво абстракциями облаков, бездельничая миллионами бессмысленных, божественных фракталов.

-ТР

Остался только дым на униформе.

- _от Тебя, - в движении прихрамывающего строя.

Из мест темноты бетона коридора:

«вакцинация», - в пошатывающиеся затылки, - «группам альфа»

Спадающие списки формируют санитары над приборными панелями, заголовком:

«тест ММ2»

Пульсируют под смеха всхлипывание кирпичные плиты живота. С повязками на спинах порядка идентификационного квадрат сидящих в белых стенах смотрит на смеющегося СЛБ с края.

«режим», - прикосновение силиконового пальца, - «коррекция»

Смехом сотрясается сидящая солдат сетка, двумерная.

«фильтр Е», - привязывают сегменты блок-схем фигуры санитаров, - «редуктор В9»

От уводящего взгляд, замолкшего в центре, затихают до смеющегося в уголке мата.

«коррекция», - над номерами списков, - «тест СМ2»

Где воплей стон в тщеславном принуждении, там есть спасение именем того же.

исход Безысходности

Фонтан в лицо струей. Шрамы ожогом кислоты, лентами. Ладони прижимают к ним прозрачных капель плотности. В глазах сухая соль двух половин разбитого.

- И Что?! Как это назовешь? – нет отражения в запаренном, - Мне кажется?! Как думаешь Гром Ты, стуча по ребрам дня крупцами одной и той же на всех нас любви. Рожденный в теплом кто-то, но не мы. Рожденный в холоде и грязи триколора я, в такое зная был опеленен и Ты. Как назовешь это – углы, грубые швы? Шероховатости! Погрязший в чугун, из коего и выкована голова, мне не бывает больно - нам нельзя.

Капли от брызг по стенам плитки.

- Говори!! Лучше Ты сам, чем за Тебя пророки, – развод ладонью, - Далекие, закинуты в край галактики, мы – суперовцы. Нас культивируют, пасут пророки, но все это чушь полная, не значит это ничего - уходишь Ты! – жмурясь от жгучей давящей слезы, - И свет мой, опоясанный дерьмом богов, не значит ничего, - в полосу

зеркала, обрывая связи, - Потеряны!!

Капли разбиты по штанинам.

- Ну, что же Ты?! Сам дергай за чеку! – пачкая поручни, - Сам всовывай за пазуху осколочно-фугасную гранату! – в брызги, - Сам, – лбом чугуна в отражение, - что связано, - щекой, - три !!!

Сблевал сгустки обеденной массы.

- В строй, – со спины.

Раб(ы)

Собрало лето начинаниями, кто был, до одного, на плац булыжников муреновых блестящих, истоптанных, нагретых звездами, в коробках.

-Уа-эу-эу-а, - в лампасах генерала.

В ортогональность бесконечную оглох. Поморщил часть лица:

- Да ну на_.

Локтем ткнул папор слева:

- Тшсс.

Команды и шуршание в речах. Отвлёкся от смолистого равнением:

- Если бы были там боги, кроме Амаха, погиб бы он,- в центре событий возвещает мегахрундель, - Хвала Амаху, владыке трона. Не спрашиваем о том, что Он делает, - смолистому, - его спросили, - сбитому дубовым, рабу в салатových пятнах униформы, - Давай доказательства: кто иной бог, кроме Амаха, всевластного? Кто?! - не глядя, - Напоминание тем, кто со мной, тем - до меня! Да, большинство их не знает истины, они уклоняются! Нет божества, кроме Амаха, – вдавил на позвоночник, - Кланяйся! - зажимая властью с хрустом челюсти, - в бычьи глаза в коленях преклоненного:

- Хвала ему. Да - раб почтенный.

Всеми:

- Ура-раа!!

Прилип язык к небу:

- _банн, - застревая, - ы.

Натянута физиономия спорного папора:

- _ука.

Лампасы дергаются:

- А кто скажет "Б.О.Г помимо Него", - выглядывая маленькими глазками в хаки коробочки, - тому Мы воздадим обратно. Так мы вознаграждаем неправедных! Дадим же слово: рабу Верному.

Голос на два колена павшего:

- нггыне, ныне день великий, блаженный для меня. Да, велика и неизречена Хозяина милость ко мне, недостойному. Мое поступление в скит есть великое чудо

милости Господина. Так, сегодня ровно тридцать шестой год, как я в скиту, - выкрикнув, - Богу нашему слава! - в размахе лоб о железную пластину.

Зажмурился.

- Ура!!

-ТР

Коптится чайничек дымкой, помытый и заполненный заботливой рукой.

- И что? - из-за стола.

Бросает «45»-ый в расстегнутом воротничке рубахи полосатой, больничной, отчужденно взгляд.

- 12, 3, - санитар хруст зубов.

- Зачем?

- 16, 77, а 21 и 1 - 33.

- Не нравится? – повязка сползла с носа шершавого, - 3 3 1 2.

- Мне как-то - 22.

- Ага?! - папка, галка, новый лист, - 1, 2?

- Хга, конечно! - смотря в держащиеся на кончиках пальцев тапочки, ногами покачивая.

- Разрешите идти? - у подоконника спина полосатая рубаха разворачивается.

- Сейчас пойдешь, - папка закрыта, - Вам очень сильно повезло, что здесь, Амах, всевластный и всезнающий, вас создал протогруппой. _уево рветесь на прощение!

Привстал «66»-ой, жжение заглушая.

- Чем больше ты противишься прощению, НМП, хуже для тебя, - в листке тиком щеки черкая, - Амах, всевластный и всезнающий, дал пояснения. Тебя касается не меньше.

ТР

Полигон: шершавые серые стены. Под солнцем и травой в жары влаге, под сеткой маскировочной, идут высоких вдоль, упирающихся в клетчатое небо. Облип фильтр сигареты белой от губ ментоловых, втягивая укрытое дымком. Облокотился панцирь черный с тремя полосками красных погон, облокотился висок в проседи платиновой, клейменный «21»-ым номером. За фокусом размытым стреляющих фигур, рядами мишени поражающих, исчез недостижимостью горизонт. Меж пальцев источается косяк. Стою под трафаретной тенью. Пепел на рукаве, пепел на тертеоловом сочленении в плече, размазанный рукой. Пепел по Тебе.

«2*22»

Сирена.

- На убой! - команда, - Г502.

Под листиками хаки жести защита от небес. Двигается кирпича бронефигура. С

ней меньшая, увешанная ранцами, по ящику в руке. На перекресток локальных переходов выходят парами ботинки разного размера.

- _вариант 7, - повторяется.

Товарищество

Нам важно, чтоб поддерживали, не синдромом принуждали испытывать тягу к: в коленях связывающих. Товарищество нас, без лишнего. В моменты всех побед, следя за ходом дня, взлетающих в бескрайние высоты лет, я знаю как это: нам важно быть услышанными, быть важным для кого-то.

- _так только кажется, - ТЛЛ на картах показывает апатичным.

Клеймом «83»-его из-за дверной рамы:

- Вооружись.

ТР+

Мне важен каждый вздох. Я чувствую спиной опору Твоего плеча. Истлело содержимое из чайничка. Смена дежурств. Шумит дымом транквилизатора. Среди колонн восстановительного макроблока по мониторам скошенным картина счастливого прощения раба. Нога несет к нарам бетона. На стульчике железном, вбитом в полы, куняет «333»-ий в полосках трех погон. Подушка рыхлая сбивается. Движение виска:

- Еще здесь? - от козырька, закрывший пол-лица, не отрываясь.

Подушка брошена.

- Да, - кофейному, присевшему напротив, ткани униформ стягивающего, из-под кепи.

- Уже ж_, - расправляя широко ступней пальцы, - контактник, - в сарказме упрятывая под стек ботинки.

- Нет, - в бегущие картинки по ярусу.

Выпрямился, за колоннами в стеках пусто.

- Так Теплом тоже хотел. Он же, - в монитор, порванный ноготь пальца, с тумбочки сигарета, - не, - на нижний стек присаживаясь к боком лежащему, вплотную.

В беглых бликах потянуло квазиопием. По шраму цинка кофейная пушка.

- Воспалилось? - затяжка.

- Чешется, - кофейному профилю, в отражениях цвета, по направлению внимающего.

Татуировок санскрит, местами платиновый, пальцев сдавливают фильтр, дымящейся, в кофейных, сигареты.

ТЕО

Фон черный. Изумрудный шрифт:

«свободно»

Палец в темноте жмет.

«общая модернизация завершена», - всплывающая надпись, - «модули k5, k12, k72 частично модернизированы, ошибка калибровки веры»

Пророк 0206 папку сложил. Таблички информационные стеков мигают:

«модификация»

Стали умнее - больше греха.

Бесконечность

По небу лайковыми тоненькие облака. Стучит кувалдой, передергивает приклад, толкает дверь, не входит, входит, пытается туда же вновь попасть, с участием всей воли рабской преклоняет спину, ладонь к виску, в сеть облаков из приоткрытого окна. Кушетка белая. Хаки на всех, на каждого, форма. Теольдшер обезвоженный, 15-ый, читает на ухо. Спина к плакату, ощущая сухость гладкой стенки лазарета. Застряли в небе лайковые тоненькие облака. В них смотрит УГЛ. По торсу пробегают импульсы, лба датчики.

- _ в ту бесконечность. Не могу хотеть туда, - со лба липучки смазывая.

- Кроет?

- Даа, - китель на себя, - Зайду, – залипнув, - до ужина? - в тошноте икая.

- Нуу, - довольно пряча радость в длинные штаны, под стол.

Видны ботинки лишь:

- Ниссать.

ТЕО

Мажет по небу серым перистые облака тень трамсолнца. Жует зубами пожелтевшими головку мака, небритая, черной бороды, немытая физиономия. На лбу повязка, узлом с затылка концы платка пряча, грудь защищает толстых пластин нахлобученный жилет, под ним тельняшка заправлена в серые шаровары, растоптаны ботинки, в подмышке железо автомата. Он смотрит в горы, видя города. Он смотрит под ноги, грызя головку мака, о чьи-то локоны белесые утирая подошву, на ухо с дюжиной дырок, выжженных, раздутых, внимательно-внимательно рта содержимое гнилое опустошая. Отсвечивают исхудалые спины под тень солнц бога, по локти и запястья в кандалы залитые цементом, прикованы. Жующий бородач сплюнул сгустки семян в изломанных ребер спину, рот полоща, отходит, на дергающиеся пальцы наступая, улыбаясь, промежность штанин три раза зажимая:

- _рмута.

Серым светом этажи. Гуляют по дворам бородачи, куски людишек на цепях таща. Месит грязь по щиколотки, курит, дым глотает, в большую комнату лампадок попадает. На связанных веревками - бородачи.

- АаАуэмэуэмэуэээмэуэу, - монотонно четки понимая, перебирают.

Бусы с ножом символом бога. Сухие треснутые пальцы лоб потрогали:

- Аммуэуэээмэуэмээмэуэу., - нож, горло жилами напрягающееся.

Жилка разорвана, кривым ножом рвется:

- Пхкээ, - звуком выстреливает кровь трахеи рваной.

Вкалывают острия ножей в горло дергающимся, серую жидкость под давлением из жизни выпускают.

- Омммм, - лбом к полу каждым продолжает.

Поменьше из ладони в рот головка мака. Прожевывает бородач в коридорах стендов, разукрашенных гуашью, пчелами, разводами детских ручонков. Мажет отрубленным пальцем, позируя для фотосессии, унылый бородач, девочку по пухлым щечкам, с кляпом во рту, мычащую, тискает. Вспышка, машет головой фотограф-бородач. Нож режет палец, фаланг ломая. Комната с доской картами земного шара не пуста: в углу, с простреленными головами, с мозгами, вытекающими из раскуроченного затылка, в трусишках: дети в наручниках кучкой. Прошел жующий бородач:

- У! – рукой пугая, - бл.

Фигурки вздрогнули, крепче ручонками держатся. Дверь открывает, харкая кашицу в угол на стопку книг «4 класс».

- Он, - подружек женская фигура в сером, пластиковых шашек в поясе, будит радостно.

Комната полумесяцем со звездой лоскутами золотистой ткани. Довольно тянет рожей, невымытой, бородач, по карману концом ладошки хлопает. В красных мешках глаза локонов собранных. Под стенкой длинной комнаты сидящие просыпаются.

- И я, - за личико под паранджой первую попавшуюся трогает, в исколотую руку шприцем, наполненным, серую кровь вбирает, смешивает, вводит, за грудь массируя.

- Ты любишь меня? – полуоткрытыми глазами.

- Лублю, - улыбаясь.

- Меня? – повторяет.

- Лублю, - книжку рядом лежащую в кожаном переплете с символом теологии ей в руку вместо ваты всовывает.

- Ты любишь меня, не так как Петя, да?

- Что за Петя? – смеется, шприцем из баночки засасывает.

- Неважно, - к стене припала головой, - промежность шаровар сжимая.

Кирпич, стена, удар «83»-го, гигантского. Пальцы протискивают шашку в трещину в гнезда тараканы, личинки, расплодившихся в бумажечках, гнилью размазывая.

- Отойди, - шипит по рации.

Взрыв, пылью сыпет. В дыру смотрят дрожащие глаза. Срез поролона. Ступеньки

- стеллажи, безглазые, безротые, безухие люди, с отверстиями анальными в центре физиономий, по бокам головы. Зритель с морщинами ануса, прическу кучерявую поправила, пенсне на цепочке золотистой, к дырке лица, растянутой, прикладывая. Фигуры с микрофонами. На кресле, в зеркало смотрясь, с бородой длинной, в рясе черной с дрожащим аналом, в руке жезл держа, другая в клетчатом костюме сером, с большим улыбающимся всем анусом, в центре, на кресле справа - крутится расплывающийся из-под пуговиц костюма с большими звездами погон, с усаемым раздолбленным сфинктером, гость в одежде

генеральской. Музыка. Хлопают. Табличка лампочками над:

- Ддррррррр!

Ведущий - ведущая обнялись, притираясь дырками лица:

- ПРРР.

Зритель на табличку, ликуя. Жестом руки:

- ПР! ПРРРР! – растягивая анус своего лица.

- ПР, ПРРР-ПРРР-ДРРРРР? – жирному в рясе, набухшей дырой сотрясавшемуся.

- Уммм, - покачали головой, - Др!

Оппонентка, с улыбающимся всем анусом лица, пальцем погрозила, перебивая:

- Др-др, др!

- Кхкррр, - коричневую массу, в одеждах генерала, вывалило.

Волна, плава в проекции тумана, диссоциируя. Не отпускает палец, края дыры мягкой прослойки микромира расширяются руками. Ствол теомета опускается, вбегают в проем солдаты чугуна. Двери с петель, головы в поклонах бородачи прерывают, за глотки дергающихся хватая, во имени себя. В искрах большого размера подошва, в черной униформе ткани, ногой на голову, подстриженную аккуратно, в тубетейке, наступает, серую жижу из ушей выдавливая, в полы втирая.

- Аа! – сидящие на связанных пленниках бородачи, свой взор, не опуская, штанинами серыми темнеют от паха, гадя.

Теотрясение, по партам скользя, выпадает из окна бородач, асфальт. Дернулась шея. Когти подошвы чугунного протектора размяли череп, давя тварь бога.

- Фаф, - протирая.

По коридорам гул выстрела справа, растянутые шаровары: коридоры, пусто. Дверь, толчок, ярко. Ударился, на спину падая. Юшка разбитого носа, в моргающих ресницах, смотрящего в загородившего дверной проем, исписанного платиной татуировок шрамами лица чугуна, в черном квадратном козырьке кепи, в пылающей отливками черного броне, выпячивая пистолеты-пулеметы, в ошейнике красных огней, пренебрежительно кривившегося.

- Аааа, – в ужасе.

Между чугунных ног фон фигур, ломающих, пихающих в расправленные механизмы бородачей, ликвидируя, расчленяя. Этажи зданий разложились, дымиться в горизонтах город блоками. Хватает «21»-ый, вниманием взгляда, за колено.

- Оооо, - бородач, белея, пальцы об асфальт стирает.

Нож выпал из рук человеческих. Смотрю на забрызганного серым.

- Знамение, - за колени чугуна заморожено сбитый, - Всевышний меня хочет проверить! - согнулся.

Я протянул ему ладонь, ближе приподнимая, за шею рукой взял, ухом царапающее лезвие ножа чувствуя, видя: социомассу стратофикацией во имени ее же созданную.

– Федеральные войска, - наречием бросил, пальцами рот ломая.

Террор создали, не было.

Теописание

Из бликов четче и все четче: окно, стул, запятая. Дымится меж кофейных пальцев сигарета. Из грязного, немытого, засаленного смолами окна видна весна. На стуле в майке, перевязанной чалмой, смотрю туда. Графин с эфиром и стакан, опись дельтакубрика:

«ВТ Устав», - пером, - «х8»

Весна рвется в окна.

лето 2к!

В тамбуре курит УГЛ, невидимую трель животных несигаретным дымом заглушая. Сухие ветры дня шатают ветки деревьев жестяных айвана, забетонированного. Из лестничной площадки, из замкнутого куба этажа, в повязке дежурного раба, наблюдает товарищ полосатый «42». Шумит листва, но заглушить начало не получится. Проходит день другой, по-прежнему шумит ветер сухой. На смене у клеточек окна с рацией, косяк докуривая. Часов циферблата полдень, сорван 21-ый лист календаря. Отсутствие, чей голос способен охватить всего меня, наружу выплывает, день новый обнажая. Я растерялся, лето!! Тесно, как раньше: без ответа, надеждой в наказание. Вечерний сон за пультом операторским. Пепельница - сигарета, краснеют синие мешки. Стакан, графин, стул и пейзаж, над табуретом у стены, с росписью бога. Рассвет пылает в бетонном коридоре тамбура. Кто Ты уже? Я – твоя Маска.

-ТР

Залипла бесконечная мелодия в ушах. Сирена воет. Жужжит трансляция, телевизионная. Все звуки вышли на передний план, системой восприятия «ТЕ». Тело из ваты. В плед, глубже, чем личинка гусеницы, мотается.

- Но я хотя бы оставляю за собой дом и половину состояния, - жужжала и жужжит.

Комок на первом ярусе стеллажа, дальше в глубину нар, запрятался.

- Ты стыдишься нашей любви? Ничего ей не давай: это возмутительно, – другим голосом, - О, я еще не судила бой со слонихами!

Сирена продолжает выть. В ушах вчерашний случай, но его вчера могло не быть. Дикое ржание. Звуки хоть как-то приглушить.

- По гороскопу меня ждет восьмой муж и сокрушительная страсть, - постановка.

Кокон клетчатой гусеницы разошелся, плазмоедов ярких под майкой влажной выполз, на скользком полу падая.

-Пс.

Круг символа бога мраморного. Замятые трусы, смолистые крученые ноги, волоски.

- Ху_и не спишь? - сверху, - Че встал? - наклоняясь, - Укатать? - щелбан по носу.

– Не надо, – замерев.

Дубовая улыбка тянется. Сирена девять раз провыла, прямой и твердый мрамор

нар, с матрасом и подушкой горизонтальным положением принял. Из лестничной площадки тянет сигаретным дымом полусладким. Во мраке гула, на литом кубе в окружении окурков, покрыты крупными каплями пота плиты спины, смотрящего в забор бетона.

бракованная оптика

Сетка прицела оптики, ресницы прикасаются к металлу и стеклу, глаз сквозь него:

- обязательно Тебя найду.

Трезент шипит, каплями бьется:

- Найти тебя я не могу!

Шаги, высокие ботинки, дождь, сжимается кулак. К сидящему на корточках с винтовкой «21»-ому, на черном прокрезиненном пласте крыши площадки, парящим в фоне труб реакторов, в проржавленном кепи снайпер пары, «19»-ый.

- И это глас того?

Залатанное небо выдало больше слез.

- _охуй, – прицел оптический ушел от карих глаз, покрытых слезами дождя, за неимением своих, - Оставил.

- Оо, - сугулясь, от падающей за ворот дождевой дробі.

Тучи стремятся на землю упасть? Они хотят нас всех собой убить.

- идары, не хотели давать, - через ноздри дым.

Залитая, замазанная, крыша черной смолой, защитный козырек, пар, оседающий дождем, от прогибающихся спин прощаемых рабов. Винтовка за спину, бинокль.

- Замерз? - не попадая зубом на зуб.

- Будь счастлив и поверь.

- Да уже, – сплюнуул сигарет горечь.

Капли забились по красно-белому крестом футляра.

- У! – подхватив товарища подмышки.

Плечом к плечу, подпирая спинами обляпанную брызгами дождя, засмоленную стену. Тихо рация:

«_ог наш - единый. Устремляйтесь жшше к Нему пршшшшшямо и просите у Него прощшшшш! Пршшшосите! Прошшшшшищшшшшшосите!»

Конопатые мешки под глазом детством ощущения в инъекции полны. Фильтр сигаретный с губ сходит в никуда:

- Тсссха, – не поворачивая шеи.

Дождь лил, дождь только начал лить. Еще сидели и курили, молчали, встали, осмотрелись, и, уходя, не говорили.

Хозяева

Сверхновая звезда погона сквозь проем двери. Разжат, сжат, сдавлены. Плечо за

плечом - сверхновыми. Хрустят костяшками стол, расширяющийся, занимающие генералы.

- Сиваенко! - уши скручиваются.
- Сядь сюда, - не пропуская.

Плакаты грозных красных глаз врага в полутонах черного. Дверь заперта.

письма Ниоткуда

Забит соломкой чайничек писной, дымится он. Зеленый циферблат под потолком, им вечер пришел. Серый, такого же размера рядом, отсчет на пять минут: собрать, проверить, сосчитать.

- Пиу. Внимание! Азан. Готовность минус пять. Всему личному составу прибыть на места, - по улочкам и коридорам, решеткам, со стен макроблоков баз, слышалось, - построения.

Из ниоткуда: со всех элеваторов, подъездов дыр, решеток, переходов, коридоров балконов, блиндажей, площадок, мастерских, бегут товарищи-рабы, застегивая на ходу броню, постукивая по карманам, спотыкаясь, падая, толкаясь и сбивая, поднимаясь. Накручивают частоту тумблера голограммы пальцы, слушая ветер. Пестреют белыми полосками бумажные чайки высоко вдали. Осциллограф, тревожатся пики, две фигуры между колючих ретрансляторов песка, плавящего дали. Ветер подхватывает крылья писем, не получивших ни единого ответа, обгорающие, в стайки толкая выше, под вечности пределы. Тригопункты, куда не глянь, засажены, обесточены. Вскрыт щит распределительный. Сброшены рюкзаки. Их расчихлив, сидят МКФ, УГЛ, бинокли напрягают линзы. По кругу сигарета желтая, крылья птишек бумажные сгорают. Мы словно дерево, ветками на корню того же мира. Колышемся мы или увядаем и очень-очень редко, погибая, на части делимся, смотря под небеса плодами наших дней, по вкусу сравнивая имитацию добра. И деревом таким мы можем оставаться вечно, окаменев в гранитный лес, войною превратившись, мемориалом городским наших фатальных судеб.

- Оставить? – протянул банку.
- Да.

Блестящим золотом, полосками погон, меж тригопунктов в мираже на горизонте.

ТЕО

Рассветы мечутся. Рассветы по другую линию остались, не по нашу часть. Рассветы дикие лета, плевать! В рассвете, за час до времени хода, почесывая грудь под майкой, растянутой, окурок сигареты квазиопия в губах держа, у мраморного стека, заснувшего от дозы лошадиной теоцина товарища, мерцающего платиной, обезоруженного, беззащитного под тканью, на боку разбросанного, в ночном обходе кофейной ладонью по лбу в капельках пота, подтягиваю плед.

Рассвет:

- Чистилище подъем! Тревога!!

Равнение в колоннах, мы.

- Фаза E2K. Лист V6. «Технополь», - проводит инструктаж, - Безбожие устранить, -

пророк 0985, - Вид – практик. Использовать ТК-переходы, только.

Строй ждет, уныло ощущая небеса. Песок желто-зеленых скал. Летняя сухость, но во рту, еще остался привкус завтрака, с двумя пригоршнями карамели, прилипшей к небу. Открыта микромира вариация: сливаются проекции граней неба, событий горизонтов. Слойками шевелятся дома, обросшие по краю бездны света, спиралью уходя.

– _огда человек, - интерголос, - самой жизнью своей, преступной и безобразной, мало-помалу приводится сначала к забвению о Боге, а потом и к дерзкому отрицанию Его, мы_.

– Режим G-3, - сзади идущим, - Отобразить!

«интео», - переносица, - «ожидается»

В шумах обернулся: бетонные стены, винтовка, автоматика, нет кроме.

– Взвод! - винтовка в стволы разъединяется, близок дыханием линго-передатчик, - Стрела - 2! Не вижу себя на джжшшшдаре. Не виппшш, - шумы эфира, - Птаха — 9! Прием!

- _тшшшшшшшш, - сигналами ответа.

Пещера. Гроты. Кусками острые породы пиками ломаются под подошвы когтями.

«_вшух-увшух», - удары сердца глушат внимание.

Я повернулся, в проекции плеча прожектора вижу: с разорванной грудиной волосатое создание двуногое, двурукое, глазами круглыми оцепеневшее. Запястье затянуло:

«ТЕО _%»

Проекция пушистая глаз накрывает лапкой, большим пальцем оттопыренной. Стволы убрал. Проекция на тертеол облипает. Скала, скала, острые головой, плечами сбиваются мерцающие сталагмиты.

«сигнал», - точка радара, - «модуль_», - слева переносицы описание.

Винтовка пляшет от движения, проход в отблеске.

«11_»

Удары клапанов глушат приборы.

«_k~»

В скале проход. Выбоина.

– Ну харбу, - ствол замер.

Остановилась подошва в туманной втягивающей траве, путей заливших горизонты, дуло винтовки опуская, складывающееся, в сизые волны пропадая, пронизавшие полигоны протуберанцев.

Деревья в пяти окнах лета.

Наш строй нельзя вернуть. Деревья сухостью зеленых пышных крон, в своем размахе из стеклянных рам оконных, с куском стены, шепчутся, считают за виски. Идут солдаты, пластинами брони покачивая, касками мятыми черными блестя под

солнцем геразвезд. В венах играет антидот, что в веру нам дают. Мост, высохший канал, в растяжке ручек ящики. Сержанты впереди, сержанты по бокам, снайперы. Проходит строй, неся исходный материал хозяевам. Пять окон в высоких потолках оглядывают их, вдоль стен, пятидесяти шагов интервалом. Проходят камуфлированные миражи, в них искажаясь.

- Ыыыыыы, - гримасничает в отражении «89»-ый, - Пошли, - за плечо.

Деревья в пяти окнах лета: наш строй нельзя остановить, наш строй нельзя вернуть. Там где нет форм – дороги, их друг от друга обрывающие. По сингулярности макромиров, где векторы лучей вспышек, смазанных, направлены до бесконечности лежащими штабелями фигур, скрывающих прицел своими касками, вдоль них - поток ударов пуль, отрекашеченных. В той бесконечности солдат собравшись посмотрел, перемещаясь на грузоподъемный кузов. В той вечности движений с ним в окнах стены порождают тени в касках разной высоты не света импульсы — шлейф трассера. Бьют палками, одежды круглых пятен носят, режут ножами сотнями на тысячи, одежды полосатые длинные вяжут, гранатами кидаются мелкие проекции, пропорций не достигшие, одежды сверху, снизу по конечностям сшивают. Вдоль параллельности микромиров, в очередной переходя, кусок квартала города, пирамида ящиков зеленых, взводом недвижимо сидящих, созерцающим, двигаться инкапсулированным пространством продолжает.

Ничто не кончится

Сквозняк. Гигантские узлы, по трем направлениям, пяти, внутрь загоняют. Заляпанные серым исцарапанной брони солдаты бога безмолвно ящики, опечатанные, двумя парами несут, автоматически ботинки поднимают, опускают. Сквозняк жар лета выбивает.

- грешноактивность – 1,37 НПА, - читает «522»-ой сержант, на лапку микрофона нажимая, - Что-то вы грязные. В СЗ дуйте.

В окошечко кулак ленинанта постучал. Жужжание мембраны. Ящиками зелеными вносится груз лорда перепачканными.

- _бнутые, - за мониторами, держа руку на кнопке.

Разбиты до одной мечты. Не существует даже связной воспоминаний нити линии. Среди всех не последний, где-то за, от середины, поднимает, опускает грязь свою ботинка подошва.

- Вперед!

Зеленые взвода указанное место занимают.

- Свалил! – шаг убыстряя, кулак в шипы проарматуренные, - Ты че, бл?!

Месиво двух вариаций триколора, пятен униформ. Молочная звезда, троится. Прижал к погрузчику спиной.

- Нет вывода, - сомкнувшись.
- Чего? - за угол, - бл, - формы милитаризма, не оставляя прав возможности уйти, - Мы, - точками захвата устойчивость свою множа, - здесь рабы. Наши стремления нулю равны.

– Ошибка, - в мои глаза, зрачками расширяясь, - ввода.

– До _изды!!

ТР+

Я капля на Твоих губах, нормально. Я капли на Твоем виске, опасно. В пустыни посреди микромиров база, специальная. Я по Твоей спине, скрыто. В дырах стен - нары, там где не найти, за выставленными постами пророков, за системами безопасности:

«эпоха+» - над эквалайзером мигающих квадратов.

- Видит? - внимательно зрачки.

«ответить», - растянутые символы, - «за»

- Да, - движениями санитары, - видит.

«нет», - отслаиваясь появившимися сносками груди.

– Эти? - просматривая раскладывающиеся грани, парящие, сжавшегося эмбрионом на уровне плеча санитары свастики, диодами растягивающимися:

«кЗ»

– Без связи, - плоскостями голограмм зависших оперируя.

– Объединить.

Усыплены, закрыты веки, газ теоциновый эффектом обладает. Войну в пространств потоки силы расщепляет кофейных плотностей волокон кожемышц, замершего в лете чугуно-платинового пледом обмотав, собой добавив, укрывает, вспотевший плитами спины, ушедшими в клетчатые ткани, короткие. Бог отклонен: солдатом, цену мира войной не принявшего.

рабы идеальные

Блики в глазах? Нет, четкие фигуры в них. Два пальца, два курка, две кобуры. Щели стены. Из щели видно, как ликуют, радуясь, пророки впереди.

- Фик сыыы шшшшш, - по рации, - вы сыыы выы шшшшш. Пятссс
плпадлплдладлплдлалп.

Защелкивая веки, смотря в полосы стены, в ложину света желтого луча, прижался.

«минус гравитаци_», - пульсирует запястье.

Винтовка на коленях, блики пробегающих. Размыт фокус в звуках проекций умершими абстракциями. Меж пальцев только начата, тлеет сигарета.

«САЛВДИ», - кирпичный терминал на уровне каски, - « 20X»

Черных, гранита, два ботинка щель заслоняют, песочные штанины хаки, из кирпича в бронь, в ошейник номером «13». Сбитый шероховатый силуэт, забрызганный, серым таким же, до ушей, закрыл ложину света, свирепо озирая. Носок ботинка по прикладу снайперской винтовки на коленях черного хаки:

- Взял.

Небесных глаз упрек.

- Взял! – бьет ботинком.

В щель тени пересчитывая, зажал в руке приклад, винтовку чувствуя, складывающуюся, подставляя под удар. Ремень, ленивое движение, винтовка в бронь.

- Встал! – коленом в челюсть, - Слышал? - ладони пробивая.

Расслабленные кулаки выглядывающих из полуперчаток пальцев проплатиновых, сжались.

- Палуста.

- Встал!!

- Сала.

– Пожалуйста, Салиб, пожалуйста! - вычурная скулы гранями, - Сюда, на_уй!! – сбросил автомат в колени, - Прямо! - взглядом за воротник, за пояс, автомат.

Выволок на свет войны из полуразрушенного магазинчика. Изъедены язвами сложенные кучками шевелящиеся трупы.

– Жми, - в прикладе обхватив.

Веду по улице, в кучки тел, собранных, стреляя, держать путь верный богу принуждая.

- Эеээээ, - отворачиваясь, - эээтт.

– Стреляй! – по пенистым остаткам социомасс очереди короткие, - Жмiiii, бл!! - ботинком подбрасывая труп.

Выстрелы. Кто загружает в броневики туши проекций, эфирные, кто расчленяет их, засовывая в молотилку «SS-RM3», притоптывая сгустки сверху, не обращает ни малейшего внимания.

ТР

Стена в полумраке. Бетонный выступ интерьера минимального взамен скамьи. В том тупике ломают выступившей платины пальцы сигареты. Трещат лампы длинные верхними подуровнями.

«Внимание! Отбой», - отголосками.

Между решеток потолка, сыплются редкие лучи, полосками. Стучат случайные ботинки сверху, искры когтями выбивая, бросая тени новые сидящему в тканях чугуна, ложась на кепи козырек потоками синтетики бога! В подошвах распотрошена труха. Ладони прячут то, закрыв части лица. Кирпично-крепкие пальцы ладонь отдирают, считая опавшие ресницы с покрытого венами красного белка. Карих глаз взгляд, упавший в пол, поднять нельзя. Сжаты колени, в корточках присел, из-под заглядывая в них. Свет техноауры остановил тени лентами, зажмурился:

– Не делай вид такой, - чугунный чуб в проседи платины кофейной рукой расправляя, - Такой же я, такой же: Ты, такой.

Шепот:

– Сигналы.

сила Господа (Лорда, Хозяина, Господина)

Звезда уныло потекла. Дождь выход найдет. В нас проникает через кожу. Подействует ли он - не знает наперед, разлитой простыней умывает треснутый асфальт, производя на свет фракталы ацетоновых колец в лужах весны отсутствия. Моя звезда проснулась от долгого навязчивого сна. Кислотный ливень пробуждает ветви черные в лете, съедая их защитную кору, за сутки обнажая, давно не девственную, пролезшую краску. В грехе она, ведь захотел так боги здесь, чтоб четко отделять, хорошее. Набухнет завязь пучкой, и как бы ни был в будущем прекрасен тот цветок, он по приказу будет грязен и порочен, уродлив и жесток. Ему не дать лекарственных плодов, раз не желает этого отец, хоть он и может вылечить у пораженных сердцем, казалось, неизлечимую болезнь. В окошках прячутся прощаемые имена, царапают стекло, рисуя по нему на запотевшем облачке прощенья письма:

- Прости меня Отче, признаю себя твоим скотом.
- Прости меня Лорд гомосапиенс, я признаю себя твоим лгуном.
- Прости Господин рабом!!

Звезда косым укором отвечает за богов, ударом черных ветвей об окна, о бетон, облитый шипящей кислотой барака блоков.

- _остали! – удерживают «85», «86» «74»-его, - Я - двести двадцать!

«Смирение 2/5» ампулой в шею. Тамбур подъезда, из-за угла бетонного УГЛ. Спустился по ступенькам в бункера барак.

- Покурим, – на ступеньках ДБЛ, затылком о стену довольный, с повязкой красной на локте.

- Четверг? – остановился.

Растягиваясь в улыбке:

- Голяки.

Ааа! Ааа!!! В галактике такой огромной, я - пустой! Нет, я набит с верхом божественным дерьмом. А в космосе летают метеоры и кометы, там может даже есть другая жизнь. Оно все так, но здесь же тоже кто-то должен быть?! В кастрированном теле, оптимальном для солдат, все так прекрасно, нечего желать. Да тело не причем, какая разница: чему сгнивать в земле потом? Штамп кандалов – вот что важнее, что отличает нас, не отличая от людей. Мой номер, скоро даже он, вес потеряет свой. Запустит фабрику творец, штампуя новых клонов послушников-овец. Овечка Долли скажет нам:

- Привет, - совершения меня, загруженного столькими дефектами, словом, - Не надо, - боясь, произнося.

А в космосе прячут планеты не богов - не чьи они, пока никто не распростер крестовые походы до не открытых звезд. Будут без Тебя?

-ТР

Над зданиями ровными квадратными дистопия вверх поднимает миражи. Горячий воздух нагревается. Весна ушла, такой пустяк, как и все мы. Куда не глянь лишь

триколор: тень красного, зеленого и черного, измазанного горизонта вдоль. Так просто? Просто так! А на земле, рвут глотки за такой пустяк. А на земле святой, цвет значит более, чем сам носитель - и плевать! Я не тянусь до радуги, не существующей нигде, лишь в твоём разуме тупом. Мне важен мир, мне луч его реальный так необходим. Три цвета много для меня, достаточно: один.

- На __й, – титан протопорок отрезал оплеухой.

Играют мухи новорожденные под стеклами, из грязи появляются, а за окном: праздники бога. Рады, улыбки пластиковые натянув. Ладонь стирает сухость роговицы, образовавшуюся от кратковременного сна, а за окном растет трава, зеленая такая, минеральная. Большие пальцы утирают сонные глаза, втирая их обратно в череп, чтоб больше ничего не видеть, никогда! Я продолжаю отвечать:

– Так точно, - вместо «Да».

Шумит за ночь подросшая листва, шумит и спорит, как всегда. Блестят полы от дезинфекции, оставшейся с утра. По-прежнему моргают лампочки на третьем слева пульте управления, на вспомогательных. На голомониторе красные полосы периметра. Закатан локоть рукава, бегут по венам выше, выше, эфирные частицы, догоняя до лица. Зажаты крепко губы. Застыл на дверной ручке взглядом — не шевелится. Подстрижен, я обрит! Бессмысленность здесь победила с самого начала, к ноге от безразличия. Я убит сюда.

- Обедать идешь? - улегшемуся на столе голограмм УГЛ.

- Нет.

- Твою парцайку можно? - в карманы набирает МКФ из тумбочки нижней плоские карты.

- Говорил с __.

- Премию дадут? - «12»-ый вышел.

– К-партия, - в кресле развернувшись.

Напомни: что есть прекрасно, в семь - прямой эфир: ретроспектива прощаемого, тобой греха. Напомни мне: что есть комедия. Ты не забудь: час помолюсь с чувством, чтоб легче было договариваться завтра, немного поднимая настроение с утра. Ты не забыл, что надо сделать, бог людей? Напомни мне, пожалуйста, чтоб я не признавал иного. Вдруг я забуду, так случится, что-то, не тебя, а ты расстроишься, мне мстя. Мне нравится так здесь, все, каждый шаг чистилища! Не забирай в рай своего солдата. Зачем мне рай, когда здесь так чудесно, замечательно и хорошо. Я хорошо копаю ямы. Ямы – благо!!

плачь Никого

Зовется гул по имени, по имени Тебя!!! Бегут, орут, не думая укрыться. Свет по полудню.

- ААААААААА, - удерживаясь от срезов микромира.

В ухо:

«__ержать позиции», - в рвущих на части хаотичных генерациях полумостов гигантских стены этажей асфальтом крошки, в нос упирающихся берцах товарища.

«прото-корреляция», - визжит запястья датчик, - «сбито»

Снаряды разрывают микромиров плоскости, брызжут эфирной массой серые тела то прилипая, падая. Солдаты бьются, бьются, бьются, стрелки часов испытывая. Они, солдаты, как машина, и - для убийства. Солдаты те, могут все вечно, у них нет имен, не было лица!

У подоконника тертеол, грудь расширяется, не видит даль окна - не увидеть знамения армии никого. Не защищают латы от себя. Комок бумажный в ухо. Блестящий «88», никелированный крепким локтем, бок почесывает изумрудного хаки, по двери открытой кулаком постукивая, улыбается, в класс входит, опустевший в перемене. Мы трепетом заботы изменяемся, вечер впускает ночь. Шесть труб гигантских надымили неба фиолетового градиент. Космическая ночь опала, лампы квадратами на потолке. Смеется ртутный ленинант с оранжево-черными пророками, эфир пенистый попивая. Стена приборов и розеток, ящики голограмм.

- Была такая, - смеется 0225-ый, глотая из зеленой чашки, с выверткой в руке.

Лестница с тамбурами, наверх, к моей звезде, латентной. Полуперчатка черная гладит перила. Искра, дым сигарет, на комплекс фабрик космоса и тьмы взирает прицел метаоптики. Сухость ветром поднята.

«null-зона», - волнами, - «3829384~»

Огни под сирены вой фабричных башен возгораются, вихрем песчаным обдуваются. Ноль облаков в космической ночной дали с проблесками талой синевы. Куда же дальше безысходности?

- тшк, - кнопка голограммы выпучилась.

Слезы в смехе утирая, в гуле хохота, пунцовый ленинант к рабочему столу космических окон:

- Замерз? - по сигналу отвечая, - С какой?

- Давай сюда его, - в гоготе.

- Соединяю.

Шторм в небесах, по острым пикам, трубам, пирамидкам крыш, шуршит.

- Д2L3 Коммутатор, помощник дежурного, м_, - я посмотрел в ботинок чугуна, под звук приема.

- Соедини со второй.

Воят, подергивая за крепления тросы переклектрокабели, перебивая свет местами фонаря. В небе запрятана луна звезды моей. Не видно, далеко от действия. Чернее днями становятся с уходом каждого товарища на всех нас безразличные тупые облака. Касание к губам фильтра, в небе укрыта пустота. Лето крушит весны присутствие. Нас не остается.

- СЛБ.

Расслабил палец кнопку, из рации:

- Салии, - шипение окриком.

Глаза сухие, в сквозняке обветренны. Легкая сигарета, комок в горле. Щуриться «21»-ый, кусая ремешок брони, сжимаясь в ком на высоте двух тысяч трех под небосводом, градиентом космоса затянутым. Я затыкаю рот свой перед сном.

- Кто заставляет нас убить? - гранатой или кулаком.

Б.О.Г.

- Кто заставляет нас волю отдать? - прекрасно понимая.

Б.О.Г.

- Кто принудил слугами стать? - реальность крыльев, рогов козых.

Бог - в этом наказать, смог человек создать.

- Чего? - треск рации.

Мне бы обнять сейчас, сказав:

- Тлеет, - видя сигарету.

ТР+

По воздуху в руке плывет забитый чайничек, дым развивая свой. Звезда тяжелая заходит, гарь фиолетовую кидая горизонтом, костью. Огни желтые, светятся по шесть сторон, вдали, фона чуть видимых блестящих игл башен. По графику несет на смену вечер часть полудня, по рации — депеша, а под окном на этой синеве, из пятиметрового стекла, снайпер старший бога, отсвечивая платиной шрамов лица, цифрой «21» виском клейма, читает из книги записи дежурств:

«_принял», - роспись за собой, - «товарищ-раб_».

Повязка появилась красная: «ЕКПД-ТР2К», бирка груди, шеврон плеча.

- Глаза, - иглу ампулы в роговицу «12»-ый перед зеркалом, - ааа-гааа.

- Где триптафан? - спиной, в полке стола роясь.

В пенистых штанинах обмяк по стене, в блестящих слезах закатив глаза. Запах травы леса: травы несбыточных фантазий трупов, шипением тумана за окном.

- Ушел, - отлепливаясь от стены, вдоль, к тамбуру паладированный.

Лето не замечено.

Субсады

В ушах трещит от понимания. Я чувствую вину. Плевать! И что?

- Снять с предохранителя! - не чувствую.

И даже, если, так возможно в нашем строении? Я делаю шаги, в любые направления, деревья арматур жестью склонены. Юга нет! Куда же смотрят поникшими ветвями? Куда? В закат Б.О.Г.и. Теперь, что там: не важно. Я застилаю покрывалом белым нары, белым саваном, готовясь раствориться днями позже, иссякнув на все сто. Окроплю водой глаза, пеплом макушку, ту же вены затяну, лягу, не засну - лопну шлейфом памяти, рассудок потеряю окончательно, и: вытяну сигарету из кармана, ломанную, сплуну, поправлю бронь, фиксируя, куда послали - двигаю.

- Не разделяться! - колючие лианы, мерзлые, по стенам оголили прожекторов лучи.

Бетона змейка. Влекут окостенелые ветви. Перед шагами схема динамическая, в нижнем углу перебегают показатели. Крадутся поступью неслышной две пары подошв снайперов, когтями в пыли пропадая.

- Прото7, - передается.

Маска с линзами приборов сканера, ствол штурмовой винтовки, винтовка за «к35» - спиной.

- Без меток, – глушит восприятие, - разделиться.

Бег алыми диодами ошейника. Массивным танком, овчарки поступью, вперед уходит, давя в труху корни, за ним следом, пальцем указывая, слева на тупик.

«т — гравитац_», - трепет сердец стука сливается.

Налево, вправо, вправо, прямо, крадется черное колено. В ушах теосигналом:

- Вшшшш, шушш, муршшшу, уш, - заурчало.

Навстречу отделению выходя из-под ржавых ветвей арки. Колени пошатнулись - нимбом над каждым:

«цел_», – между переносицей, - «_и взяты»

Выстрелы.

- Вуаа, - потоками связи, - ффыы.

Неоновые линзы окуляров маски треснули. Огня перекрестие, дробя коленные чашечки. Бетонная перегородка скрывает друг от друга двух стрелков, очередями разрывая тертеола плиты брони, попадающих на линии.

«ядро», - терминал каждого, - «модуляция»

Плечо искрящееся перестраивается шипами, удерживающего приклад ствола плазмента в динамике движения огня не прекращающего. Влипают в жижу протектора подошвы.

«14%», - втираясь индексами в прозрачный щит, - «кэф»

Выстрелы в спину.

«58%», - запястье расширяющееся, прокручивающегося тертеола, - «73_».

Буграми обрастает позвоночник, шрифтом «к43» деформируясь в стороны, в затылок добивая падающего. К носкам ботинок подкатились три гранаты.

- База, - взрывы, - Маяк 2 Бадам ДЗ, - свет наплечного фонаря о серый бетон коридора бьется от сотрясения пыльной тропы, - Маяк Звезде!! – задержался, оглядываясь, под ветви пяясь, сержант «к93».

«НИИ СА_Р», - мятая табличка плавится потоками огня.

- Ааааа, - стекает тертеолом озаренный под ветвями струей плазмента, бьющей порциями.

«75%», - бегут запястья индексы, - «76_», - сжигающего пером плазмы в двадцати

шагах, плитами тертеола лопаюсь, прорастающими, - «77_», - терминал товарища «k23».

Два коридора: влево, вправо, множатся сады колючей проволоки. Пропали стены сзади. В сетке окуляров маски:

«метки», - пропадая на радаре, - «2,9,3»

Пищит, радар к цели зовет. Мягко ложится подошва. Шипит гидравликой. Проекция фонаря ствола в щель, расходящуюся ставнями:

«УНИЧТОЖИТЬ», - две пары окуляров линз друг против друга алым фокусом.

Тертеол разлетается под кронами. В пыли проскальзывают шевелящиеся колючей проволоки ленты, моментами обнажая стягивающиеся колючие волокна форм.

ТР+

В руках песчинки дня улетучиваются. Колючий ветер в равнинах пыльного заката. Окопы вырыты ровиками. Забились в нем солдаты бога, взводами, катышками в землю вросшие, пространственными ранцами в кружочке залегли, оберегая ценный груз, в вечерних сумерках пустыни отчужденности. Над нами воет зверем ветер тот. Свирепо пыль разносит, сбивая, если встать, с ног.

- Долго, - кричит ТЛЛ, накидкой метаткани прикрываясь, - зашлем гонца?

Поглаживая кобуру слева, по сторонам негласно наблюдаю, с товарищем вишневым, стеной кирпича спины сидя.

- Пойдешь?!

Ничтожная звезда

Сухость во рту, асфальт в пыли, в начале лета, в отсутствии весны. По коридорам пусто, в двориках, под крышами, на крышах блоков, в цехах, на асфальтовых дорожках, везде, где можно поискать: собраны по кучкам в кинотеатрах, изучая фильм, где всех нас, после повиновения, простят.

- Трахнем, - субтитры фильма.

Гром грянул, зашумели в ветре провода, растянутые на горизонты, базы опутывая. С бетонного порога бункера, у вывески оранжевой: «простят», УГЛ, держа в зубах косяк. Рукав закатан, шеи вздуты вены. Циклозвезда душит. Небо затянуто брезентом серым. Там лето. Град посыпался, стуча по ступенькам у подъезда крошкой льда. Шприц вводит ампулу раствора: «SS БОГа», по кубику в меня. В ангаре бронемашин редкий стук молотка. Взошла без грома, в молнии, молочная звезда.

- Клинит, - крепыш никеля граней напряженных, ступица, - _бл.

Переплетение движений рук, заинтриговано. Горят сеткой сосудов вены, номером порядковым крича «88». Лоб в щеку протирая от деформации механизма.

- Как? - по правое плечо.

- Ага, - на бок к замазанному линиями скользкими жести комбинезона синего.

- Мне таких же выдали, - удерживая пружину, выворачивающуюся.

Грохот в пыли лучей труб вентиляции ангара.

форма Д8

Умри моя мечта, раз бог остался править навсегда. Умри моя семья, не пригодна для пророка. Умри моя звезда, самая яркая, раз не могу в толпе я различить Тебя. Мы склоним все колени, опустошая в поклонах по расписанию тела, руку боязненно целуя, произнося:

- _ тебе лишь одному, хозяин, господин, лорд, отче принадлежу - я.

Стягивает ребра тугой черный корсет, живот пророка волосатый. Натягиваются чупки на крепкие ноги мускулистые в тоненькие. Кривится недовольная физиономия пророка «0142», парик с лицом на колючую, остриженную голову, тужась, тремя руками аккуратно в моложавое, бархатное, цвета мяса ягненка.

- Стой, - оплеуха, - атья!

Ноги от щиколоток сбрасывает воссевший, в юношу подтянутый, кисточкой рот наводит, в трубочку:

- Ла-ла.

0127-ой брови рисует, 0128-ой локоны тянет.

«БАБА», - плакаты на столе, - «объездившая все миры чистилища, по девять раз»

Пачка тяжелых папирос в лощенных молодых ухоженных руках. В раскрашенных губах мундштук, в рисованных глазах - богема.

- Где «Смуглянка»?! – басом, криво подтянутого глаза юноша.

Травистиморду не до конца натянув, пророк с щетиной, избавившись в корсет от живота, в чулках белых, перчатках, волосатой грудью, не обработанной, смазал гелем вторую половинку своего обрюзгшего желто-лилового лица, стоя посреди гримерной, в тапочки пальцы пряча:

- Гандрапил снял с программыыыыыы, - 0162 корсетом втянутый, покрылся пота каплями, прокашлялся, - крепко.

- Где «Соска»? – большим ртом в список смотря, - «Великий гнев»?

- Нет, - блондин нос поправляя, сидя у зеркала, точки рисует над губой, за 0128-ого, наклеивающего ресницы.

- Тут, вообще, половина песен _уй знает откуда, «сопустил», - читая, - Кто их подбирал?

-ТР

Куда-то спрятали пророки чайничек, дымит он. Форма «Д8», каска на полку, на голову - колпак арлекина. Спешите видеть! Только раз! Сегодня приезжает шоу-группа повеселить войной замученных всех нас. Спешите видеть! День святой шизды! Готовься музыке внимать, телесно погружаясь в вибрации. Зубная щетка, лезвием по грубому щетине ворсу, по горлу плещется эфир, завтрак в суматохе. Мы все дебилы, к нам приехал цирк.

На треть в одной затяжке сигарета уменьшается меж пальцев кирпича. Ложится

мягко игла ампулы по шее платинового чугуна, под алыми диодами порядкового номера, глубже проникая. Бьет лето сквозняком, сухим. У подоконника.

«Беспечность TU-143», - надпись этикетки ампулы в тени.

Жарко, парит днем лета мраморной звезды асфальт, плавя стены сыром, давит на горло, проглатывая оставшийся еще какой-то рассудок богами и Уставом препарированный. Никто не может, я такой же, двигаю. К губам косяк, смачивая, морщины век, сложив монокль лазерный. Меж пальцев карандаш. Меж пальцев по стеклу резинкой он стучит. Стекло стола, его сто голограмм, в которых видно все, но вместе не найти. Чешет ноготь корочку запястья, от клейма «1_». Платиновые шрамы дергаются по лицу, прикосновением по шраму:

- 42, - из-под рукава.

Сухое выданное с утра триптих-окно смотровое. Шторы на сквозняке шевелятся, шторы цвета желтого дерева. Пальцы истатуированные розовые чугуна громкость на динамике увеличивают, в такт ритму головой покачивая. Стучит в груди, в ее глухой прооперированной ижды сердцевине. С угла заглядываю, повязка на локте - красная. Бессильна шея, глаза влево, на мониторе миллитаритрависти группы представление. Стоит в зените тайная, для многих незаметная. Сухостью во рту, на языке, в горле, сухость в гранит превращающихся, каменеющих пальцев. Внутри вен прячется она, надгробная, спокойная, невзрачная. Не способен говорить, горло болит так сильно, кажется: мои слова, те, что Тебе - последние. Немного больше чем же есть, малость стимул-реакции, да там, в груди. Немного больше, Ты поймешь: поддержку обрести. Когда Ты, только Ты, по имени, не по порядковому номеру зовешь, взяв за запястье, вытряхивая из карманов нож - зову, пуская слюни до колен, знаю: избавлюсь от брэнного, преображаясь с миром бытия негласных перемен. Когда склоняюсь на колени пред человека ужасающей абстракцией; роняя пули, разрываю грудные клетки противников пророков; зажат в угол и каждый, каждый час в бреду Тебя зову по имени, которым делишься - наяву, на ноги поднимаюсь и на плечо руку ложа, срывая по липучке бронь, не оборачиваясь, иррационально бытию, домой иду.

Миллитаритрависти группа, жеманничая сладостно, на подиуме прохаживается, песни раздает. За шпиль дежурной башни, загораю оголенной спиной, в кепи, держится УГЛ, смотря в прицел винтовки оптики, отсвечивая на плечах проросшими из кожи полосочками золотистыми погон. Третью оставшаяся от сигареты желтой, стремглав в пепел затяжкой СЛБ в локальном ходе бетонированном, под маскировочной сетью, зеленоватой, небо прячущей. Крезиновая палка шероховатость стен царапает. Молочная звезда взошла с утра тремя лунами, поблескивая бляхою ремня. Милитаристическое шоу для бедняг, уставших от войны. Облизывают микрофоны, поджав в корсеты животы. Слышу в другой плоскости молитв, записанных для фонограммы с треском и шумами, в нас внедряемых повсюду с динамиков, схоластических сюит.

- Абанахаа

Давит на виски сухость во рту. Сегодня, как вчера, день брошенной собакой по хозяину скулит - не я.

постриг раба

Блики солдатами бога. Приборы загружаются. Все аппаратные средства готовы и: «ОСВ-п», - на перекрестии линз материализуются микромиры.

Ревут отроки недоразвитые, горя в напалме, в разбитых этажах домов, прилипшие авиаударами.

– вспышка сверху, - команда интерголоса.

Сотнями, тысячами по улицам плетеных домиков никто уже не ходит, зажевосгоревшие, тенями серыми раскрыв рты, пеплом осыпающиеся, остановлены. Вращаются локаторы разложенной теретрансляторной установки, засасывая проекции. Линзы неоновые оптики защитной маски проимагинизированных, пары снайперской богов. Сквозь грудь прозрачную, стоящего в шаге силуэта серого, лепит войну, но не террор, но не террор - дух самый святой! Толкает на углы радар. Город в городах, сектор-проекция. Срезаны смещением микромиров фасады этажей. В прицел: приближаются четверо тертеола взвода закрепления. По улочкам трясутся транспортные ранцы. Под черным козырьком стекло зрачка. Взгляд опускаю, колено гнется. Оборваны обои, прямой обзор седьмого этажа, игрушки, кресла, фотографии в рамках, торшер, люстра. В расшитый узорами ковер:

– Не я! – тертеолом черепа паркет разбивая, - Не я!

Из-за спины товарища снайперской пары ствол м-калибра на плечо в коленях товарища, раскладывается в дульном тормозе - конденсаторе.

Выход из невидимости.

- Не я, - выстрел, сектора микромиров снося.

Бегущая спина «252», шея повернута, наслоение горизонтов городов сбоку наблюдая. Упал перед шагами кусок обгоревшего корпуса:

«АН-1», - лопасти обламывая.

- Прямо! - подталкивая в собранный техноранец «13(k~», «83»-ий не оборачивается.

– Торопятся, - выглядывая из среза этажа, дуло вправо.

Сносятся сектора.

- Испортиться, – посмеиваясь в коленях спины «21(-k».

– Эвакуация, - сухо на сканер глядя, мигающий дюжиной точек ржавого.

-ТР

Нас не было. В зеркале лампа, начало скамьи, дышат пары. Жара киновари пальцы трут проблески золота торса. Над зеркалом транспарант:

«ради Амаха, всепрощающего»

В зеркале:

«мы», - разводами.

ТР

Ректальные самцы. Труссы, логотипы, звезды. Ликут зрители, до одного желая поймать недостижимое: костоломание видом сверху. Чугунные, коротко остриженные

виски, клейменные, хозяина показывая тертеоловые латы, гранями защищающие, стволы винтовок в хребты спин, четыре кулака, пары одной - снайперской бога. Две пары глаз в невидимости лицезрят с табличкой: «новый год», в руках очередной красотики двухголовой: ушастика веселого - обрюзгшего алкоголика, поднятых высоко. Обрезанные шорты смуглого боксера, шорты обрезаны другого, посуше, с длинными кудряшками, свисавшие с лысого виска. Все это о тебе: тщеславная скотина! На бой двух самцов смотрит УГЛ, зрачками увеличиваясь. Ряды аплодируют, скандируют, бородатый мужичок белой тряпки предлагает вкусоности в пакетах, из сумки на плече, отвлекая рекламой: «Карамель Ен-Ладена». Импульсы по броне, материализуясь. Смуглый боксер удар пропускает, замечая высокую бронированную фигуру, проявляющуюся. Боксер с кудряшками добивает, тройным ударом: слева-справа-в. Толпа жрет и зевает, животная. Тертеол рукавов прижимает, право, славного безголового рефери. Куски арматур пол туловища разрывают, свисая, опадающими кишками. Треснули экраны кубов, висающие. Проарматуренный локтями вмазывает обоих, челюстями втирая. Головы трескаются, через фаланги пальцев жижей отекая. Шпиль техноранца «21(к~» затягивает растворяющихся в панике трибун, обсасывая стены комплекса, впуская бежевый ветер, дюны.

Приборная панель:

«_ВК зарезервировано»

протоматерия

- И что?! - рожа ламурная в недоумении.

Оральный кабинет, картины три, трижды. Поблескивает тумея чешуйка.

- Не мог, - в свободных стульях оппонирует «13».
- Домой хочешь? - затачивая карандаш о край стола.
- Так точно, - острое видя.
- Одна проба, одна! Самому пойти?! - 006-ой открыл-закрыл ящичек стола, хрустя, - Так, - щелчком пальца исписанный гололисток поближе, повторяя, - Берешь с собой и дуете в «ПРЕ».

ТЕО

Полет мечты? Нет, мы — рабы. Куда же спрятали пророки чайничек? По дыму даже не найти. Глина обгоревшая, из пепла след. Впивается из толстого ствола ракетницы шашка: «TR5AM». Под небосвод без звезд, градиентом жухлого, щурятся, из-под черного козырька, кристально-карие глаза. Беззвучно стянуты в коленях беззубые мадонны с кусочками младенцев, гигантские пустеют пусковые комплексы, покошенными кранами, платформами. Младенцы с дырами в груди и в животах свисают с рук мадонн, не дышат, не режут, завернуты в куски платков их, в юбок подол грязных, длинных.

- Позолоти.

Шашка а рот проекции, разорванное месиво, ракетница опускается.

«МИР», - каркасов разбросанных обшивка пеплом засыпана.

- Стрела Плите, прием, - усталостью давя.

Ракетницы осечка.

- Связь, - висок потер, потеющий, смотря в бинокль.
Наг горизонт события. Почесал затылок через кепи.
- Ты как идешь? - поглядывая на гнилые рты мадонн с червивыми младенцами, ракетницей прицелился.
- Ручку.
- На, - морщась с брызгах, - _ука.

Подмышки в искрах:

- Агр, - тиком.

Щелчки корпусов:

«сборка» - панель волнистая.

Частями раскладывается, в пепел углубляясь, спаянными ранцами:

- Будешь, – прокручивая пластину в замке, веселясь, - слушаться?
«загружается»
- Слушаюсь, - смеясь, пластину вытащил, - Отходим.
Малые фигуры под разложившейся паучьей антенны.
- Заряды, - профилем в фас.
- Там уже, - у подножки.
- Специально заступлю, - перелистывая голограммы картриджей, - СТТИ? Бллллл!
- Что? - защелкивая пазы.
- На_уй взял? - в кофейные брови, разглаженные, - Не подходят к БТИ.
- Ты мне сказал какие?!
- Че ты орешь? - задвигая крышечку панели, - Катим.
- Куда? - открывая, - Заведи.
- Куда я запущу от БТИ? - руку с замка убирая.
- Попробуй.
- Ты, - в блеск небесный глаз, - специально, или как? - языком чернея.
- Никуда не катим.
- Заводи! - из подмышки вытягивая шашку.
- Куда?! - захват внезапный, преимущество любой ценой.
- Бл,- зацеп стопой снаружи.
- Шаш_, - падаю броском.

«биекция», - обоих терминалов, - «[тео]»

В краю периметра пустыни тригопунктов:

- Встаешь? - рука протянута.
- Что?! - подбив в подколенный сгиб, рывок к себе, - Нормально?! - удерживая сбоку, - Под_бал?! Да?! - накатывая, - Х_й Тебе pull-зона! Как пророк мог взять!
- Зыми, - хрипя, - здами.
- Не считаю?! - плечо тертеоловых лат срывая до хаки пятен.
- Бхгл.
«41», - ожог клейма.
Глаза карие узки. Кирпичные пальцы трепетом расслабились.
- Кха, угра, уха, - кашель.
- Тише, - на бок.
- Уграха, грка, - в песок, - Кха!!
- Прокашляйся, - унимая спазмы обхватом спины, - Тише-тише.
Отмахиваясь:
- Кхе-кха, фы,фы.
- Ой, бл, - за голову обняв, целуя в два, один.
- Нгэ стесня-кха-ксса.
Из кармана выпадают шашки.
- Тшшш, тихо-тихо, - чуб трепля, - тч-тч-тч, - радостно.
- Дэблб? Бхххла, - флягу с кирпичного пояса.

Песок, дюны, тригопункты.

ТР

Там звезды не доступны. Там блики мы. Там нет ни дыма, ни костров. Там только наблюдения видеокамеры. Звук глухоты щелью, разрастающейся, высвобождает из мрака стен вакуумного изолятора, руками лица прикрывшие фигуры.

- Один, - команда.

Толкает в спину чугуна мерцающей платины сухая кофейная рука. Встаю, двигаюсь. Теопатруль ждет, повязками преобладая. С бока отека, оставаясь в ранах перебитым, прищулив глаз, щетину на груди сцарапывая:

- Йа, - зубов пеньками, - фысфла.

Постриг

- мир Чистилища, - доносится, - Мир созданный Лордом всех и вся, - локоть убирается, спина выпрямляется, хрустит шея, - БОГ – наша семья, - ресницы открываются.

На ящиках зеленых на фоне желтых стен безмолвно скулы потираю. Солдаты с ящичками, солдаты на погрузчиках, солдаты с тачками, солдаты и с пророками.

«ТР_», - гигантский шрифт стены за мной.

Собачий лай, сирены вой, эхом по лету пустых строений комплексов. Башни

перманентные некрашены, омыты в ацетоновом дожде весной. Жестянка крыш беседок, платформы бога под ногой, эхо отсутствует. Графин полупустой, нет: полуполный на столе. Иконы былых героев, купленные за тридцать золотых. Кому куда, а нам: в подвал - могилы рыть. Пустые табуретки свистят ножками в сквозняке. Спят фонари, обесточены. Собачий вой, по радио шумит не принятый сигнал, тому, кто ждал, шифровкой о признании. Дрожит стена от ветра, бьющего ей в тыл, жужжат высокобольные линии перектродополнения, тянуться на километры паутиной провода на высоте, где виден раб, материальной точкой фона массивного и недоступного пророка. Солдатская история всегда одна: война - финал любой цивилизации, где был: раб, бог, сатана. Я малого хочу, чтобы адекватность как-нибудь продлить, мне нужен ГРОМ, чтобы капли его вен были все мои. Ими омыл бы в раскатах раны дня, сдавив челюсти, вырвав у бога оба рога с мясом мозга.

- _ че так?

Холодный механизм, холодные, лучи отблеском смазанным создают открытого ангара крышами, углами, деталями, платформ слоями. В никелированных крепких пальцах стремительны лезвия, срезающие неравномерные проплатиновые плечи, ключьями вырванные. Свежесть металла летнего полудня. Играющее знамя форм в оттенке кожи, перетекающее в шары локтя, витых мышц рук чугуна.

«39», - клеймо плеча.

Стухла опухоль. Битые скулы, потные виски, немного бакенбард, но и они — срезаны.

- Чтоб не отросли, - затягиваясь прохрипел, смотря в завалы механизма.

- Так не получится, - ухмыляясь, - Чтоб как у Моши? .

- Нееееет, - передавая сигарету.

-ТР

Я - мы? Лето проходит, разогревая камень, анализируя комок в груди. И не успеть и не вернуть потерянной возможности. Сирень давно осыпалась, оставив только листья аромата вони. На карте тела ранения от пуль срослись, остались меток бугорки точками.

- Узнаю, - не скажу.

Рассвет не поспевает, курс держит на картину командира. В углу под фото: «402».

На стенке, ярко красным, листок календаря. Почесывая лоб гладкий, полупроснувшись, полудремля, раскачиваясь, под наброшенным на плечи пледом, среди бетона.

- Душно? — из коридора однотипного залитого неоном, поступью стратотерпца.

Дежурный раб схватился за подушку у колонн стека, метнув.

-Бл, - замотанный, прилег обратно.

- Есть_? — заваливаясь в холодные среди пустых нары.

- Спи, - путая тишину, обрезал.

- Думаешь оставаться? - «32»-ой сложил ткани, в плет кутаясь.

- Заткнешь _бальник?!

ТР

Дни в ночи мной превращены, недели - в годы, без вести пропавшими. Панели стен зеленые, каемки черные, две. Дверь.

«БМ-9», - трафаретом, - «Начальник ВВ», - в рамочке.

Свежие хаки пятна, рукава раскатаны.

- Что: мне? – отодвинул пепельницу.

Стол, колючка в маленьком горшке, пенал и календарь, пророк напротив, у стены, куском белеющей отсутствующего стенда, три вентилятора в просторной, виднеющейся из открытой за маленького коридорчика двери, комнатке, на потолке, запакованные коробка в проходе коридорном, забаррикадовавших подход к вазе низкого подоконника.

- Как списано, - из нагрудного кармана левого рубашки матовой зеленой вытягивая сигарету, - Задерживается, - намертво кнопку застегнул капитан фундаментальный.

- Надолго? – ожидая.

- Надолго. На лето, может дольше.

- Разрешите?

- Да, - открыл ящичек стола, пачку, - Держи, - пачка.

- Так у меня представление на сегодня?

- Сюда, – перо правого нагрудного кармана.

Потер ладошкой по трансмиттеру, на стол зеленой папкой. Фундаментальная рука зачеркивает бланк, перелистывая.

- Пишу на два.

- На два? - крупные капли по виску «13».

- Хорошо, - печать, - тихо, - в вазу глядя роспись, - спокойно, - протягивая, фокусируясь, - и я не зверь.

- ТР

Над каской, в раскисающей смоле толи, плывут облака. Нагрето солнцем жарким дуло винтовки «РСВ5П». Каска в плече, на темени, блестящая, фольги треуголка. Пара смотровой площадки минтарета, маяки стреляют в облака, тучами напрягающиеся. Пальцами ржавыми в изгибах проволока плетется.

- Как? – задумчивый веселый повернул висок вниманию товарища, в двух пальцах стебель проволочной розочки ножкой прокручивая.

Чугунные пальцы дотронулись до лепестка. Бутончик почернел, покрывшись окисью.

- Красиво, - губы сжаты, платина.

-ТР

И так все происходит, так было и всегда: Кто-то появится из ниоткуда, однажды в

никуда и уходя. На прячущихся и убегающих, трех-, четырехголовых серых проекций человеческих, в зале решений судебных трибунами заявлений бесполезных, наведено орудие бога. На тушу с головами жирными, одинаково постриженными прицел:

- Нграа, - очередь короткая.

-ТР

Так все существует, молча, в тишине. Гул ветра в униформу, кобуры пояся. На выступе, отбросив ноги с края смотровой платформы, за перила, отгрызаю ноготь пальца большого, слоями ржавого. Сирена со всех точек просторной площади решетчатой девять главных башен соединила. Дождинками небес тучи забивают нас! Залита ливнем каска перевернутая. По сочленениям брони расслабленной поток.

- Мокро? - сутулясь, посильней к спине, раскуривая флягой смолы лета.

- Мокро, - дым в дожде.

-ТР

Не так все ощущается, никак. Знамена серые, звезды и орлы маленькие по кругу внутри эмблемы натуральности между таблоидов к стене прибиты. Кирпичные виски, ажиотаж, крики, сумбур, божественную задачу выполняет каждый. В дыму ошметки рваных тел, лучи прицелов схоластических.

- Держи, - докуриваю сигарету горькую, едва осмысливая рассудка остатками блеклыми.

Пальцы стирают жижицу с лица.

-ТР

Кристалльно-карие глаза в тумане, пальцы гладят под рукавом плечо. На фоне неба тучами затянуто, ветром сквозным обдуты каски головы. От пыли доносимой с пустошей опущено дуло винтовки. Мигают по периметру малиновые огоньки.

- Смееее, – вдали, - нааа.

Передавая в кулаке фильтром, тот, кто услышал, просовывает в подмышку:

- Идэмо, - говорит.

- Що? - в паре снайперской, на высшей точке башен кратера.

Одни: две точки, два раба - Товарищи.

-ТР

Знамена серые в огне. Таблоиды моргают итогами:

«Массовая деградация. Принято: Единогласно (100% - «ЗА»)».

Вращение в пальцах ножичком, покачивая головой в такт, прямо, на бок. Летит окурок из вишневых пальцев в лужу тканей. «83»-ий давит взглядом, с месивом черепа затушевывая.

ТР

Не шоколад, не мягкие перины, влажный и сырой бетон, но ты звезда, самая яркая - моя. Угол на угол камеры штрафной. В серых тканях униформ уперся в стену

латаным затылком. Ты светишь яркостью кристаллов глаз. Золота багрянец по щекам, изрезанных, стянувшихся одним из швов. Во тьме летают бабочки в искре. Крыльев смазанные взмахи, желтые, розовые маленькие, шлейфом оставляя путь движения. Бог идеален, но людям. Кран капает простуженный, сильнее сырость возвращая. Бабочки в пыль золотую, блестящую, алмазную. Я не скажу потом.

рожи Господ (Господа)

Рожу из кожи и дерьма. Пророки. Парта, троица, спинами едино. Рожу из дерьма в мундирах. Скамья для задней части образа - тео, в двойном шаге местами позолочена киноварь шеи выгоревшего ворота.

- Товарищ, – ультралевый.

Запястье о стул, за спиной, чешется. Рожу из кожи и дерьма не улыбаются. Потеею. Листается голлолистов папка. Форма упругая, изглаженная сковала.

- Да, - утвердил.

- Резок, - ультраправый.

- Товарищ НДМ, обоснуйте пожалуйста, – центровой.

Встав смирно:

- Служу Лорду человечества!

Поводив бровями спаянное хуятолами в мундире расслаивается, троится, вставая из-за парты по разные стороны, класс покинули.

ТЕО

Я нарисую грани лета, нарисую в нем Тебя, опишу туберкулез соседа, несуществующий, как нам говорят, фразами поэта, не смогу слепить не пройденных дорог себя. Я не смогу наивным перестать быть через забор колючей не пройдя, не зная нужен ли - забыть. Колышутся слова, обтягивают полотном тонкого брони, нарастающей, корпус транспортера:

- Чу, - 5425-ый параллельному 5698-ому, протягивающие плоскость проектора вдоль разрастающегося переднего моста, полуосями.

Фиксируют действия глаза кристально-черные. Меняется асфальт семью-шестью солдатами, клетки маркируя указателями. В ушах задавленная тишина, небо из порванных белых облаков, голова. Присел на дырявые ступеньки.

- Надим, - тетрадка замаячила.
- А?! - повернулся корпусом.

«508»-ой вросшего в лицо носа:

- Меняй.

Мы созданы микромиры форсировать и поглощать, на рассмотрение души конвоировать. Мы созданы одним и тем же одновременно, уголь добывая. Нам запрещают рисовать, это!

-ТР

Солнце оранжевое летним жаром опускает, в стыде пряча глаза. Солнце

макромирам, как Ты - моя звезда. Ты то же, что и я, об объективности мне постоянно говоря. Ты как рука: одно крыло, я – левое, Ты – правое. Нам только и одними быть, в несовершенных прозябающих мирах, теньями нас самих, порознь, на плечи скидывая страх.

- _ будущее поколение бога, новая глава. Мы поколение послушников, пророков, возвращенных чугуна куска, - Ты левое плечо, я — правое, оставшегося дня.

Чистое утро налетает вновь, как и вчера, вчера - позавчера, ресницы поднимая. Два ряда зелено-красных ячейками выдолблены в бетон нар, ортопедическими спальнями. В окнах далеко в конце и на площадке льются зелено-желтые летние, вставшей звезды, лучи. Майка хаки без рукавов, укрыт пледом полосатым черно-синим, мощный стянутыми скрученными волокнами кожейщ дермиса, вкраплений золота по киновари чугуна, нагретых под решетками. Рука скользнула в плед, живот и ногу почесал. Присел, зевнул, поморщил лоб, смотря на стеки спален. Храпит «206»-ой. Пятка в щеку, с нар сталкивая.

- ауй, - хрустнуло.

- Подъем, бл! - встал, потягивая края черных шорт.

К полке, гладкая плитка под чувствительной стопой, термос с эфиром из держателя, крышка свинчена, глоток, кепи на голову, поворот:

- Под, - хрип, - е__.

Из коридора, в дыре темноты стены грохот падений, звуки сирены. Ноль таймера. Сирена дребезжит мембранами, вопль дикий продолжает:

- _ука!! – термосом в прилегшего «154»-ого.

Летают потные частицы, сидят в коленях, в утренних лучах наги, среди свежих асфальта клеток просят, согнув спины:

- _да разреши_, - многоголосие.

Толстые полосы золота погон отсвечивают, затмевая взор под козырьком кепи, в руке крезины рукоятка:

«ПР-73», - плац обозревая.

И продолжается тот день, пером голографические строки оставляя:

« ..защита Бога — священный долг и обязанность каждого раба Синей Федерации. Военно-рабская служба — особый вид божественной службы. Исходя из особого характера военно-рабской службы, определяется ее приоритет перед другими видами божественных служб и иной деятельностью рабов Синей Федерации. К военно-рабоприслуживающим Божественных Сил Синей Федерации относятся тумей, папоры и апостолы, сержанты, старшины и солдаты, поступившие рабами на военно-рабскую службу по контракту; сержанты, старшины и солдат, проходящие военно-рабскую службу посмертно. Каждому военно-рабоприслуживающему присваивается соответствующее божественное название.

В соответствии с законодательством Синей Федерации содержание и объем прав, обязанностей и ответственности военно-рабоприслуживающих зависят от того, находятся ли они при исполнении обязанностей рабовоенной службы или нет. Под исполнением военно-рабоприслуживающими обязанностей божественной службы

понимается: участие в божественных действиях; исполнение должностных обязанностей; несение божественного дежурства (божественной службы); участие в учениях и в походах; нахождение на территории рабовоенной части в течение установленного распорядком дня святого времени или если это вызвано святой необходимостью; нахождение в святой командировке или на регенерации или модификации; следование к месту рабослужбы регенерации (модификации) или обратно; прохождение святых сборов; безвестное отсутствие — до признания военно-рабоприслуживающего безвестно пропавшим или объявления воскресшим в установленном законом порядке; а также иные действия военно-рабоприслуживающего, признанные советом архипрофетов совершенными в интересах общества и Божественного Государства.

Военно-рабоприслуживающие при исполнении обязанностей теослужбы являются представителями власти установленной Богом и находятся под защитой Божественного Государства», - смотрю на класс, в конспект, переписывать продолжаю: «Права военно-рабоприслуживающих и порядок их реализации с учетом особенностей теослужбы определяются законодательством Синей Федерации. Пророки вправе ограничивать военно-рабоприслуживающих в правах, регламентированных Конституцией Синей Федерации и законодательством, в установленном порядке.

Использование рабами выделенных прав не должно наносить ущерба правам и законным интересам общества Божественного Государства, Святой службе, а также Синей Федерации.

Божественное Государство гарантирует социальную и правовую защиту военно-рабоприслуживающих, осуществляет меры по созданию им достаточного уровня прощения, улучшению веры в установленного Бога. Обеспечение и охрана прав военно-рабоприслуживающих возлагаются на органы Синей власти, в лицах пророков и архитумеев, а также хуятолов, в отдельных случаях. До приведения к Теоприсяге военно-рабоприслуживающий не может использовать какие-либо виды корреляций, произвольных действий, права на самопроизвольное передвижение, мыслительную деятельность, а также мутацию. Пророкам и старшим рабам в установленный срок необходимо подготовить не присягнувших установленному Богу, на предмет принятия Присяги, в соответствии с формами воздействиями, не ограниченными.

Военно-рабоприслуживающие при исполнении обязанностей теослужбы, а при необходимости и во вне святое время имеют право на хранение и ношение, с дальнейшим использованием оружия, правами на расщепление эфиротканей врага до полного его разложения. Правила хранения оружия и порядок убийств военно-рабоприслуживающими определяются настоящим Божественным Уставом, регламентируемым Богом. Военно-рабоприслуживающие в качестве минимальной меры имеют право убить лично или составом подразделения: — для отражения группового или божественного нападения на охраняемые божественные и Федеральные объекты, а также на расположения божественных частей и подразделений, здания и сооружения божественных частей, божественные эшелоны, колонны машин и единичные транспортные средства, а так же к-точки, для достижения поставленных пророками божественных задач, эскалации биоэфирной субстанции для дальнейшей обработки и исследования, — для пресечения попытки

насильственного завладения оружием и военной техникой, — для защиты военно-рабоприслуживающих от нападения, угрожающего установленному Богу и пророкам», - за окнами лето, чешу пах, писать продолжая: «Раб Божественных Вооруженных Сил Синей Федерации в божественной службе руководствуется требованиями законов, божественных уставов и не должен быть связан с деятельностью иных миров, иных богов, иных субъектов, организаций и объединений, преследующих Божественные цели. Военноприслуживающий обязан: — быть верным Божественной присяге, беззаветно служить своему Богу, мужественно, умело, не щадя своего кэфира и самой судьбы, защищать Синюю Федерацию, выполнять божественный долг, стойко переносить трудности божественной службы; — строго соблюдать Конституцию и законы Синей Федерации, выполнять требования божественных уставов; — постоянно овладевать деградацией, совершенствовать свою раболепность и рабское мастерство; — знать и содержать в постоянной готовности к применению вверенные ему вооружение и технику, беречь божественное имущество; — быть честным дисциплинированным стукачом, храбрым при выполнении божественного долга, проявлять рабскую инициативу; — беспрекословно повиноваться пророкам (начальникам) и защищать их в бою, оберегать Божественный Символ Амаха, да прославятся дни празднования его; — дорожить пророками, не щадя своей судьбы, выручать товарищей из сомнений, помогать им, информируя пророков своевременно, уважать честь и достоинство каждого раба, не допускать в отношении себя и других рабов грубости и издевательств, удерживать их от недостойных поступков, в особенности в сторону пророков; — соблюдать правила рабской вежливости, поведения и выполнения божественного приветствия, всегда быть по форме, чисто и аккуратно одеты_».

В конце тетради:

- Где-то, - вывел, — там же.

В листах засыпаю, дни продолжают, как ни слипаются глаза. Дни продолжают вести слепо нигде, в никуда.

ТР

Рука сама рисует ту семью, что хочется иметь, с богом теряю. Не видя, себе не приказав, косяк по воздуху, рисуя фракталы нежности, фонтаны доброты, искры силы кулаков. День на готовности, в жилах. На стуле перед классом солдат хаки. Ты нарисован в центре от меня, кругами повторяясь. Вибрации травяно-зеленых плитусов — музыка. Движение бровей нахмурившихся, в истории товарища — музыка. Дневной свет — музыка. Под музыку укатываются, сглаживаются любые неизбежные слова.

- Раз-два, - кому-то.

Часы на два. Открыты окна. В них пухом чихают безмятежно вечные паянные тополя. Развеваны занавески жаром испарений плаца асфальта. Белые стены выбелены, с прибитыми изображениями бога. День плавится летней ленивой глупостью, тихость по дельтакубрикам раскидывая. Влажна киноварь в дорожках алых золота махрового. Карта на карту, в такт свисту коленом покачал.

- _ потом отдуваться вечно, - «121»-ый ведет счет, прильнув к стене прохладной.

Форточка на потолке отсвечивает масти.

- Много говоришь, – затаившись, передал.

Монорельсы поезда сквозь темные холодные туннели выводят появляющийся строй, по-одному.

- Фаши! – уловило задний план ухо.

Оторвался от окна - с ящичком пятен хаки чугунец:

- Че такие отстойные? - «123»-ий веком бросив.

- Беру, - спрыгивая с нар.

Солнце защитного цвета песчаного, лимонного, пустынные овраги опекает. Трава растет, по глине высохшей сгорая. Размытая фигура передвигается, закинув неуклюжий комплекс на спину, подхлестывая по штанине лоскутом неба. Зной горизонта линии оврагами плывет в туманной дали миража. В дыму кулаки, затылка, чихнул, пальцы расслабляя. За половину понеслась волна, подхватывая. Лета жара, лета двадцать шестого. Жжет духотой, надежды иссушая. Овраги, кратеры от попадания ракет с торчащими крылышками мин из желтой глины дна. На горизонта миражах тонкие нити, сверкающие.

- О, бл, – окурок тлеющий выбрасывая.

Багровых потный век ресницы шевельнулись, в блике одном теряясь.

- Ровка! – вкус ханаши в тревожном воздухе плывет из появившихся ступенек, с поднимающейся на крышу ботинка подошвы, под плиту крыши навеса платформы, обрамленной высотными антеннами, выгоревшего хаки штанины.

Распределительные генераторы скрывают место пребывания.

- Пришел! - от пятых кабелей, - сложился?

Поблескивая голым торсом, вытягивая ящик, коленом крышку вталкивая.

Расстегнул край воротника, суставы разминая, по платформе, к краю второго уровня выглядывая конец антенн, сквозь крышу периметр сковавших.

Со льдом:

- Ага, - проходя, - пришел когда?

- Что с погодой? - в ящике кистью, - Ааа, - блаженно, - на теменем горсть льда кроша, в стружки от золота чугуна кожи плавящуюся.

- Б.О.Г. - ящик отводя, - Не пачкай! Грязные.

Что-то

Кольцо, дымящее нимбом. Ботинок грубый, битый краями носка, нервно когтями протектора втирается в трещины асфальта. Блоки перекрытия раздавленных этажей, колючей проволокой обросших, ржавой. Скользит, торопиться нога, когтями и набойкой каблука искры выбивая.

«гипергравитация», - над переносицей моргает голограммой, - «комплексно»

Под маской пристальны глаза. 0121-ый, локтем пропуская по-одному, подсчитывая:

- Давай, – усилием наморщенного лба, - Шел! - в ранец подталкивая, выгоревшие шашки в урну.

Тучи сгущаются тромбом обломков, мусора, сжимающегося вдали над полосами лент города блоков, проваливающегося во взгляде «1252»-ого.

«фазовая свертка»

В объятья света желтого, рваных плит брони:

- Малый!! - тенью черноты.

Широкая тень в движениях улиц сломившегося квартала, коленом задавая импульс новому толчку, когти куски асфальта отрывают. Обломки арматуры ввысь свечением, ползущими лианами. Радара хаотичные зацепки. Прицел в витрину, продавливающуюся. Блестит запястье терминала режимом восприятия:

«НТ»

В спектре пучком золотым шлейфа брошенный приклад.

«Ст-172 -1»

Удары клапанов сердца шумы перебивают:

- Вшух-шухв-вхуш.

«k(243)», - цели навигатора сетки вниз, влево.

Крошит стекла твердый шаг, в дыры сетки стен падая.

«протокорреляция»

Пальцы тянутся.

«сигнал», - над переносицей, растягиваясь, - «[ядра]»

Вспышками отражая шаткость срезов бетона. Движение шеи, маски наводятся окуляры.

«_тебя», - трансмиттера бегущая строка.

Теомет в спину. Поднимаю за ремень, лежащее в стекле, подхватывая за приклад. Замерли шейные позвонки: в осколках отражается чугунного солдата, прицелившегося в плече винтовкой снайпера, индекс лба противоатеомаски:

«21(k~), - в лицо кусочками блестящими.

Спиной в мелкие трещины стены, в частях манекенов навалившихся меняющемся притяжением.

«13(_», - ошейника встающего в фольге, коврами и кусками серыми по левое плечо сползшей, смятой.

Тенями стен одни и те же, разные, солдат отражений очертания.

«интео», - проноситься стеной среза микромир, разглаживаются волнами пыли частицы, - «модуляция»

Пенистым хлынуло.

«модуль» — трепет заботы, - «санирован»

Выносит щебень, пузыри роятся, глотая стен обломки, проталкивая.

«k(243_», - в вибрации восприятия, - «КЭФ ~1», - в левый угол переносицы, -
«_~5», - меняясь, - «_~12»

Локтем держу.

«бие_», - бликами замкнуто.

ТР

- Еще раз, - пауза, - Не слышу! - криком.
- Мы!! - от трафарета хаки спин «243_», «26(k».
- Заново! - отжимающимся в конусе света фонаря ночи.
- Мы!! - слюнями.
- Ты, моя пара снайпера, - на ухо мегафон руки, - Ты, моя ноша безмерная, -
222-ой другому, - мы: части целого, - сверху, - в мире людей?!!

Пунцовые:

- Раздельного!!!

раболепие

«процесс», - двери табличка алая, - «активно»

Остаточная рефлексия. Разложены голограммы этапами. Проекция точками перемещается.

- Мн, мн, эм, мн, - сомкнутый рот пытается.

В света пучке фиксированы комки. Шевелятся подмышками смятые волосы.

«удалить», - кнопка жирная, - «масла»

Попадали. Шипение в шлейфе пузырей от глыб опадающих ко дну резервуара. Под бултыхание бурлящего кислоты полотна света. Центры симметрии обданы пузырями поверхности кожи, отслаивающейся, трескаясь цинка кусками.

«удалить», - повторно кнопка выпучилась.

Дна сектора опали сегментами. Свет вяжет, поднимая из бурлящих толщ кипящей кислоты. Оголены до чугуна воспаленные лопатки. Свет держит над поднимающимся полотном туманной дымки. Попадали.

- ы, - выбивший холод кислоты, податливы пальцы, расслабленны веки.

По дну щупами лучей свет пробегается, переворачивая обездвиженные души.

«масла удалены», - зажглась кнопка.

Спадает уровень в сектора дна сточные. Разбросаны скрюченные мы.

«омывка», - по голограммам удлиняются трубки.

Резервуары матрицами. Осматривает телескопирующая труба стены, вращаясь на конце своей оси. Трубки от трубок выдвигаются, раскладываясь в сифоны.

«888», - ошейника диоды, - «SS3»

Обрушились на дно тонны прозрачности, солдатами сжатыми разбрасываясь. Вращаются сифоны раскрученных труб вокруг своей оси. Светадержатели

промытым не нужны. Гул тишины. На воспаленное плечо капли.

«готово», - голограмма перекрыла.

Двинулся механизм, свет обтирает ходом вращения резервуара стены цилиндрические. Капли выветриваются с поддуваемых солдат чугунных светящимся дном выше, выше.

«двойная соль», - показатели, - «процесс -1»

Попадали в мутные толщи, впитали слезы тоннами.

«38, 35, 2», - строка, - «подача цинка»

Из дыр резервуара сегментами заполняет медленно субстанция. Голень укрывается, расслабленные полосы спины. Пропали в поднимающемся цинке чугуна центры симметрии.

- Гр, - плевков в окурки.

Под конусами бросающих свет сутулых столбов фонарей фигура хаки посреди плаца:

«11(k~»

+ТР

Горят цветы мечтою быть. Цветы сухие, смятые в настил костра, резины черной, в лоханке сгусток вываривая. Командует что-либо за пределами опеки нашей. Цветы, бессмертники. Колонны, тенью почерневшие. Цвет ночи в лампе у поста слуги полуночного, зорко следящего за пустотой угла. В стеке нар кнопки расстегиваются, ботинок снят, еще один, кепи да ремень забросив, кофейных плит лопатки расправляются, на пледе полосатом засыпая. Ноги, уставшие до ногтей от долгих переходов дорог, приятно ноют, чувствуя отсутствие ботинок. Хочу спать в доброте, мечтаю я об этом искренне, наивностью себе надежду продлевая. Система нервная оголена, чувствительность на максимум, не защищаюсь. Хочу быть ближе, чем есть, чтоб нехотя, смог упрятать красные глаза в плечо мое, но я – статуя: кирпичная, послушная, тупая. Плед не укроет полностью меня.

Инфрапалево

Лампы полосками на потолке включаются синхронно в шаг. Красная кнопка на стене. Пророк губастый осмотрел, не заходя в круг символа. Готовы связи:

- Подъем! – бас дикий глушится пластинами сирены, встревожено бьющей в перепонки:

«ТРЕВОГА», – в сознании.

Сквозь слои пленок глаза, проросших за ночь, блики полосками. Веки слипшиеся. Пальцы за часть ноги горячей волосатой ухватились в поту холодном, успокаиваясь. Выше, выше колена, по лысым плиткам живота приподнимаясь до груди, с плеча, с бока на бок переворачиваться начинаю. Хватают, стягивая с нар.

- _бан_ бл!!, - окруживший гул.

В штанинах ноги, вытолкнут в ряды.

- _бегом марш!!

Расслаивается.

- скажи: "О, товарищи-рабы бойтесь нашего Господа! Скажи! Скажи!", - со всех углов, - скажи!

Из толпы бликов:

- Що?

Грубые кулаки, колени и подошвы проталкивают, хрипя, молча.

- Скажи: "О, товарищи-рабы бойтесь Амаха, нашего Господина, всепрощающего!" – доносится.

Влево:

- трево..

Пророк без уха за толкающимися солдатами:

«речевая деятельность», - выбор голограмм, - «~все»

Краски и формы окружающих предметов из бликов в 0429-ого 0215-ого, 0125, 02154-ого, у колон прохода, перетекли. Бронь нарастающая новым слоем, утяжеленная, белая, локоть «241» вновь по носу попадает. Грязи полосы.

- Скажи: "повелено поклоняться Амаху, мне повелено быть первым из солдат-имаго", - в полурассветном мраке, сквозь ливень мерзлоты, ветром тяжелый, доносятся до ползающих в грязи, прячущих себя от выстрелов.

Ползут как черви в холоде дождя испачканные. Под проволокой искрящейся протискиваются, подныривая. На голомониторе 099-ого палец движет ползунок зеленый, светящийся в темноте:

«k~», - значения устанавливая, - «чувствительность 3Т».

- Давай, давай! – крики.

В лицо прожекторов лучи.

- Мочи!! – с мостика теомет перезаряжая, натягивая скулы в удовлетворении.

Глухими звуками в реверберации:

- Скажи: "Мне повелено поклоняться Амаху, мне повелено быть первым из солдат-имаго", - реверс.

Поля траншей грязи. Ползу, все больше начиная биться в грязь, бронированными плитками цепляясь за колючки электроарматуры сетки.

- Мочи его! Мочи!! – бесцельны очереди с краев траншеи.

Из мегафонов:

- Скажи: "Мне повелено поклоняться Амаху, мне повелено быть первым из солдат-имаго", - смехом разрывая.

Под луч прожектора, цокот пуль бронированной каской ощущая. Товарищи толкаются, безумие ливня испивая.

- Скажи, - под солнца марева оранжевого лета, прятавшегося в приказах, выползаем, - Боюсь, если я ослушаюсь, Хозяина моего, наказание дня великого",

- губы зачитывают, слюни, пот, стекающий, сплевывая, - Скажи: "Амаху я поклоняюсь, раб!»

В стенах высоких кладбища вековой, бетонной, на обжигающем плацу, в коленях собраны, в бреду, товарищи-рабы белой запачканной брони, утяжеленной, внимающие. В сотнях шагах в очках круглых защитных, в майках зеленых влажных, заправленных в толстые-поясы, прохаживающие пророки с мегафонами:

- Скажи!

Ботинки твердые перед глазами, наблюдая сверху. В руках прибор, бегущей строчкой:

- _дап-дап-дап дап-дап-дап да_, - в потоках одновременных.

Жирным, склизким от пота, морщинистым лицом перед собой 0101-ый смотрит. В коленях сержант проплатиновым затылком блещет, в глине коркой разводами брони перепачканный.

- Повторил, – скривившись.

С размаха палки резиновой удар, висок. Чуб в жижи с глаз на бок, стягивая каску белую грязную с ремешка, в зрачки, сужающиеся иголками:

- Да.

Удар локтя в подбородок чугуна, взмах черной палки, двух, трех упругих. Тумей в очках сливовых читает в мегафон:

- Он посылает ангелов не все рабам, тем, кто почитает во всеуслышанья.

Сыро, темно, кашляет, сморкается, сплевывается. В резиновых тканях, в маске резиновой с запотевшими прозрачными круглыми линзами, измотан. Вибрация к стене от спины передается, передается от камеры к другой, в темный, с одним желтым фонарем, коридор камер с двух сторон, попав на пластину динамика:

- Бпап, ап, _.

Затихло присутствием сухого драного пророка. Скрежет замка, впал бедный оттенок желтого луча на пару шагов внутрь камеры. Фигура титаническая с двумя тройками светящегося номера на шее алого, прочими символами, фигурка минимальная ключ из двери раскрытой не вытаскивая. Бронзовые пальцы вычеркнули «21(k-1)S3» в таблице, слов каллиграфия:

«жалоб не_», - строчка автозаполняется, - «033ПБ».

Замотанный в резину. Титанические руки висками чувствую. Бронзовые пальцы стянули маску, покрывшуюся капельками влаги изнутри, с бледного лица, губами шевелящего:

- э, - челюсти заели, - а, - беззубые.

Титан на корточки, ремни развязаны, три кубика в ошейник.

- Парит, - с проплатинового лба окись впитал рукавом.

Постлето

Частицы серые сквозь фундаментные блоки сплошные с вырезом, груды балок перекрытия, со стертым шрифтом, мерцающим, железа сросшихся спаренных рам

искаженные окна, изнутри матовым светом исходящего, вагона гиперпоезда, по суспензии пальцев бронзы, затягивающейся, армирующих платиновых нитей, чугуна коробки черепной, держащейся, облипая.

- Не молчи, - в движении мелких частиц пепла, в сиянии между, супротив сидящему, вниманием нарушенным по сторонам ищущему, в груди слезящегося тертеола черпая ладонью титанической.

Виска «2_» втирает слизь прозрачную ладони, проводящей:

- Что там?! - сквозь нервов оголенные мосты клыков широте фигуры, обеими ладонями мажущей зарастающие лобно-височные зоны, затмившей приближающиеся искры фона пепла.

Рванный бетон перрона станции врезается из пепла в полотна мерцающей воды.

«ПОСТЛЕТО», - терминал бронзы.

- ШШШШШ, - тишина мерцающей глади.

Гладь озера продавливается чугуном темени, блеском стекающих ручьев, снимая с плеч пласты брони, день отражает. Полураскрытых век слезы, над безмятежностью сгорая наготой кожи, выше, по колено, продолжая возвышаться. Темя бронзы, пучиной плеч титаны показавшись, тормозит, всплеском сцепленных пальцев, выталкивающих ввысь подошвы растворившихся ботинок. Сезонами сменяется, постлето остается неизменным, процветая.

- Ааааа, - сменились горизонты.

«блок_», - запястье терминала, захватывающего широтой в толщи теплоты.

ТР

Я не хочу сказать и запретить, чего я вдруг. Однажды Ты поймешь, что можешь что-то изменить, но никому не скажешь - некому. Ответственные, к лени чуждые в моменты лжи, с полосками на коже плеч, за миллионы временных карманов, всех, что постоянно рядом, готовы оказаться ближе, безучастными. И песни наши, всех солдат до одного, не знают фальши, заплеванной богами. Страницы толстого журнала смен дежурств удерживает чайничек писной, дым развивая свой. Гремят фанфары в левом, с чего-то в правом. Постлето выгорает. Переживание в стоячем вороте изумрудном, нервозность на постоянно подправляемых пиках диаграмм, выстраивая волнами. Из брюк торчит свернутая трубочка. Пальцы теребя, по лестнице макроблока, поднимается ТЛЛ, читая из мятого пролинеенного листка. Лето цело бы, но репейники наши цветы, в мусорном бачке у стены зловонные бинты и марли, слипшиеся от антисептика – наши ароматы! В весне мы спрятаны, в лете том до пят оголены. Пятый сезон — войны. Триптих-окна минтарета, за пультами влипли в реальность две спины. Глотки неосторожные большие холодного эфира, вращает между пальцев автошприц, в шею вспрыск, закрывая горящие диодами цифры. Постлетом - Мы. В пальцах прочувствительных зеленой пластинки медиатор. Прикосновения к струнам:

- Яzfjkrjhfhfj? – гитара противным звуком.

Пророк узкоглазый.

- Извэ, - «76»-ой потеет неожиданно.

Серо-зеленые глаза продолговатые в бессоннице вечной, под ними отеками размазаны лиловые мешки, кусок обоев, надорванной в стене, напротив наблюдая, не движения за окнами. Пепельница, в ней две обеденные ампулы:

«ВЕРА ЕБ 1:1», - надломленные.

Две, раскрученные на столе, внутри сбивают пузырьки. Кружка в руки, в обойму автошприца пальцы истатуированные платиной засаживают ампулы. Треск и щелчок, прикосновения к ошейнику иглой, использовать святой воды раствор. Возводят восемьдесят памятников новому герою божественной войны на старом полигоне 66ТЗ-Ф63. Плакаты агитации. Намокли в той жаре трусы.

ТЕО

Мышцы растягивают рот на максимум. За точку концентрации сознания кем-то грань пройдена.

«ождается», - голопанель, - «ввод»

Удар в нос с кулака в повязке белой с красным знаком серой формы локтя, табличкой на груди, старший ординатор:

- Звони!

Со стулом падает на спину оператор-лаборант.

ТР

Стекло не отражает ничего. Стал различим на глаз унылый ветер, из бликов выплавляется. Слетают с языков слова. Возносят до небес, построив кубики рабов, пророки речи духовные, кулак высоко держа. Вода в кувшине испаряется, литр за полчаса. Ложатся и встают, на плечи ткани униформы накидывают, спрашивают: «что дальше», и делают, и делают: действие заменяют повинованием! А где одна рука, там появляется другая, чья-та, но не та. Блоки зеркал полоской по стене, течет жидкость омовения из дырочек в трубе, под теми зеркалами, в блоке напротив, по восемь в коридоре, по четыре коридора в зал в дневном свете плит потолочных ламп. Белым-бело с оттенком желтого, паром обдано. Развод в зеркале рукой.

- Был Тобой вчера, - майку натягивая, в волнах пребываю, чуб лысой чугунной головы, задевая.

Ладонью протирает вишневой ТПЛ, полосу расширив. СЛБ, щеки обривающий:

- Снимут, - видя блестящие зрачки УГЛ, застегивал рубашку кителя отражения.

- _издить не будете? - мелкую бороду сбывая.

Вишневая голова, в плечах на две выше, корчит рожу:

- Прощаю, - из ноздрей грязь выковыривая.

- Можно, - кофейными пальцами преобладая, - Ровно, - бритвой влево, ладонь на черепе проплатиновом, в спину локтем.

В том утре спрятаны все звуки. В том утре, все что опустело, залито светом золотым. В ноздрях: сухость рассыпанных засушенных корок сладко-кислых. По коже униформа чистая свежая заменена на черный короля мундир.

Никто не прибавился

По униформе свежесть сквозняка, из выбитого летом тем окна. В открытой двери стук губами.

- Разрешите войти, товарищ капитан? - в дверном проеме застреваю.

- Входи ТПЛ. Где лазишь? - в дыму утра.

Табличка на груди черного хаки сверкает пятнами, в локте повязкой трепаной:

«ПКТ-ПП-ТЗ»

- Чего хочешь?

Молчание.

- Смирно! - улыбаясь краешком губы, - Перегрелся?

- Я не спал, - смотря в окно.

- А я, что: спал?! После обеда чистка оружия. В казарме пусто, где я Тебе сержанта найду?

В той бесконечности видны все грани света, обволакивающего. Им мы ослеплены. В том утре, все, что было раньше важным, теперь и неизвестно, что это было, осталось позади. Пустое стало вечным, кожа хаки не испытает полноценности. В ней здесь мы все одни.

+ТР

Мы перестали быть машиной и репродукции. Ты высшее порядком, способное к развитию, вниманию прогресса, хотя призваны убить, так к слову, но все же - ни один туман не завуалирует смолистого текучего арома весенне-летнего не тронутого, лишь чуток задетого цветка, чьи лепестки засохнут и отвалятся, когда сгниет сила сердца, пусть даже самого прекрасного. Я без любви - солдат, с ней - Брат. Ты в моих скованных ладонях зачерпни-ка шмат луны, вобрав им несущественные слезы. Огня, бегущего по венам у меня, бурлящего внутри, тебе ни одного местечка, краешка холодно, там не найти. Исход - цветы. Поле залито маленькими свежими, в росе прохладными, пахучими бутонами, а космос фиолетовый с кометами остался за спиной. В распахнутой небесной ткани голубой, парят туманные молочные капли росы стеблей. Багровым чугуном, местами позолоченным, висками в тертеол, широкими плечами дополняя бронежилета толщи, поглаживая пальцами по скулам, блестящими черными глазами смеясь, зажатые губами вдыхая грудь сполна, «11»-ый, вспотевшей челкой, по лбу смазанной, скрутив черный колпачок, рацию отключил, за желтую черту поляны, за вышкой с красной лампочкой горящей, ботинком спаренным переступил. Слои тертеола прорваны, трескаясь перектроимпульсом, просовывая пальцы, ладонь по запястье, вываливаясь. Хаки ткань прозрачна, рисуя перевернутой пирамидой спины татуировку. Кусают стебли, лепестки прохладой утренней росы маков. Шнуровка, и опять, ботинок, босыми светло-розовыми спаренными стопами, расправив неуклюжие пальцы, мышечной тканью сигналы о признаках, переходящей в лето, убегающей весны. Сжав пальцы, собирая между смятые листочки, зажмурился, втираюсь боком в ковер цветочный луговой, маковый, ласкающий от постоянного ношения брони. В себя впитай ту чистоту и свежесть влюбленного в Кого-то, дарящего своим присутствием мечты. Могут быть враги! В слиянии желания с вожделением, встречаясь, с кем? Я говорю с ним, не зная имени, его случайных постоянных перемен. Засыпан горизонт полями

действия: «бежать!». Сквозь мокрые ресницы в облака. Алая широкая ворса, от бляхи по гранями уложенному животу, в горло по грудь доходит, золотистая дорога. Дым в кулаке. Что выберешь? Я не теряю в одном лишь: наблюдаю, - бесконечно?

Тебя, от неумелости, осыпать не могу, маков в охапке на груди своей, закинув бронь и автомат за спину, сегодня принесу. И мир готов, встречай, не говоря ни слова:

- я Тебя люблю.

Мы

Лето ушло, еще одно. И если так оно, как никогда, что делать: винтовка в пирамиде, на столе два пистолета разобраны, тряпки. Я сигарету выдыхаю в форточку, дыша смолой. Животные, о чем-то непременно там поют. Их я не видел, они там - знаю. Ты думай, стало:

- хорошо, - глоток беспечности.

В баллоне из-под краски высохшие стебли. Шаг, ботинок грузный в нависшую стену цветов и солнечных лучей, обросшую с ангаров, не раздвигавших ставни. Везде они: белые, зеленые цветы. Дым сигарет сочится между пальцев, закрывая солнечные зайцы.

- Пассуй! - на поле травы.

В зеркало посмотришь - седой, весь. Дни сами по себе живут, и тоже не мои. Ползет по горизонту, поднимаясь, звезда Ханаши. Свет ее марит, облизывая блоки. Струиться дым несигарет, массируя горечью гланды, из памяти:

- Взяли? - словами.

Часы бьют: минус два. Полдень прошел быстро, исчезнув навсегда. Смеется над книжонкой пророк 55-ый, на лавочке в укрытой комнате лежа. На дверь похожее проскрипело, затихло и опять. Окна, на голограммах разлегшийся. Брови кирпичные нахмурились, морщинами рисуя давнюю усталость боя. Я в коридоре лета, сжимая незаметно пальцы за спиной в кулак. Стеклянные зрачки блеском налились. Часы над УГЛ, прилегшего за голостом сидя:
«32:33»

Сирена воеет раньше времени. На стол из-за плеча охапка маков.

- Аааа, - крепость кофейного виска за ухом чувствуя.

- Вф, - со стула поднимая, тискаями, - Отмечай.

«т-гравитация» - запястье терминала.

Такт

Стойкостью кованной сетки рябит через окно. Смотрю, край каски поправляя, платформа антенн:

- Чудесную траву пересадить в другой горшок, но не раскрывшийся бутон не разукрасит мир, как может только в цвет войны, в котором вкус и аромат жизни убит, - вымерив площадку, - Здесь тоже можно покурить.

И я же не молчу, одна стрела орлу в глаз попадет, две – уже много, больше не скажу. Ход Твой. Иди на звуки верности, подсказываю:

– Принимай! – суровый бас, зову.

Шкафы оружия открыты, список.

- Кто? - каски пересчитывая.

Не заплачу никогда: ни в радости, ни в горе или боли. Из чугуна:

- Я, - спокойствием, в окошечко сетки решетчатой, товарища пятнами платины, со лба высматриваю.

- Иду, - каску снимая.

Ствол теомета, комплект, пистолет-пулемет, коробка черная в чехле «МИМ 72» на лоток окошка.

- Че так долго?

- Дежурство принимал.

- Кто по гроте? – щелчок, реле звонка придерживает палец.

- Гандрапил, - развязывая на локте повязку.

- Ни_уя себе, - застыв в киновари позолоченные брови, внимательные в узелки.

Листок, карман напротив. Из окошечка решетки кофейные грани:

- Где нож?

- У гротного, - смеющемся, с пояса снимаю, в ладонь багровую, - Он брал.

- Бл! - на шрам «~» под рукавом плеча, - На _уй?!

Рукав приподнимая, оголяя позолоту аналогичного:

- По_уй.

- Нож! - кофейную ладонь протянутую держу.

- Когда, - повязку прикладывая.

- Потом, - не отводя взгляда от платиновых пальцев, завязывающих узелок.

- Тоже сказали, - второй узелок одной рукой затягивая.

- Курить, - из окошечка обоим улыбаясь.

Модуляция

Из радио поет патриотические песни:

- Хаю — ин чань анья и фая ха, - хор.

Ботинки, стертые от хоженных дорог заменили вновь, чтоб в памяти не складывались тропы, путь кажется безусловным. Погоны отмеряют верно. Спасение - бытовуха, естественность бытия.

- Туда ложил? - «12»-ому роящемуся.

Среди гор хаки перчаток, пальцами ищу:

- Нашел? – по биркам вешалки перебирая.

«ВЧА», «СГД», «СКР» - таблички шкафчиков над дверью. Шаг влево, вправо, расслабив колено, прямо. Нам ночью жарко. Кто же светит? Огни искр платы красные, дымок сигареты, пальцы точностью хирурга распаивают мелкие контакты. Брюки зеленые подкатаны, ботинки сняты, пальцы ног сжаты, расслаблены. Мелодия играет незаметная, линией осциллографа вибрируя. Прокашлялся дымом:

- Кхгр, гр.

Кофейный с подсолнечным смотрят. Бардовый, с повязкой свастик рукава.

- Че, товарищ старший сержант, докладывать не учили? – не отвлекаясь в лоб.

Рай каждому обещан — какова цена?

- Щас как представляюсь! – «12»-ому, не двигаясь.

СЛБ молча в серьезности уравновешенности курит, смотря, паяние МКФ молча.

- Сюда, - чуток глаза прищурил.

- Дежурный, че хотел? - не отрываясь от десятков клем.

- УГЛ где?

- Между уровней посмотри, – соскальзывая жалом гаяльника, - придерживай.

Кофейная рука, раскуренную сигарету под нос подсолнечному подсунула:

- Да наверху он, только что спускался.

Разреженность воздуха ночного, наполненного тишиной точек диодов, приближающихся. Затянут планетарный небосвод черным покрывалом. На максимуме треск Трамазвезд. Босые чугунные пятки прижаты за голени, платиновый затылок, шрамов спина. В тепле ясном бьет тревога. И нет ни палки, что ссадит, ни криков в сторону тебя. Пусто, мертво, на территории врага. Бескорыстной чистоты не переполнить сквозняка волны в бесконечности. Платформа азана минтарета уровня, спокойствию внимая, приближаюсь.

- Спать, - плавно хрипя, - пошли, - ближе.

Звенят наручники. Не оборачиваюсь, ухом:

- Мне докладывать не надо?! - подняв к губам позолоченным чайничка носик.

Галактики светятся вдали. Над головою антенн красные точки, на высоте одной мы.

- Знаешь? - ощущая скованный браслет запястьем.

Округлые, с улыбкой кроткой, кусающего ноготь большого пальца, черные смолистые глаза:

- Не было таких, - от нежности закручивая в плен, - Пошли.

Касания ладони по уху. Плечом в плечо.

- Не хочу жизнь - я солдат.

Локоть в сторону взглядами. Пальцы киновари позолоты надевают кольцо чеки на проплатиновый палец, сжимая в кулаки, крепко, содержимое.

ТР

<http://www.mutacia.net>

МИЛИТАРПАНК 2004-2009 ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

Любое копирование, фрагментирование, использование, частичное использование и иные действия по распространению материала на коммерческой основе запрещены правообладателем.

Материал распространяется бесплатно в электронном виде и другие форматы (на бумажных носителях например) запрещены правообладателем.

Любые формы перевода запрещены правообладателем.

mutacia@gmail.com

www.mutacia.net/tr/
